

ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Новогодние подарки деда-мороза.

Фото М. Савина.

Состоялась XVII конференция московской городской организации КПСС. Открытие конференции совпало с досрочным выполнением промышленностью столицы государственного плана и социалистических обязательств, принятых на 1963 год. С отчетным докладом выступил первый секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев.

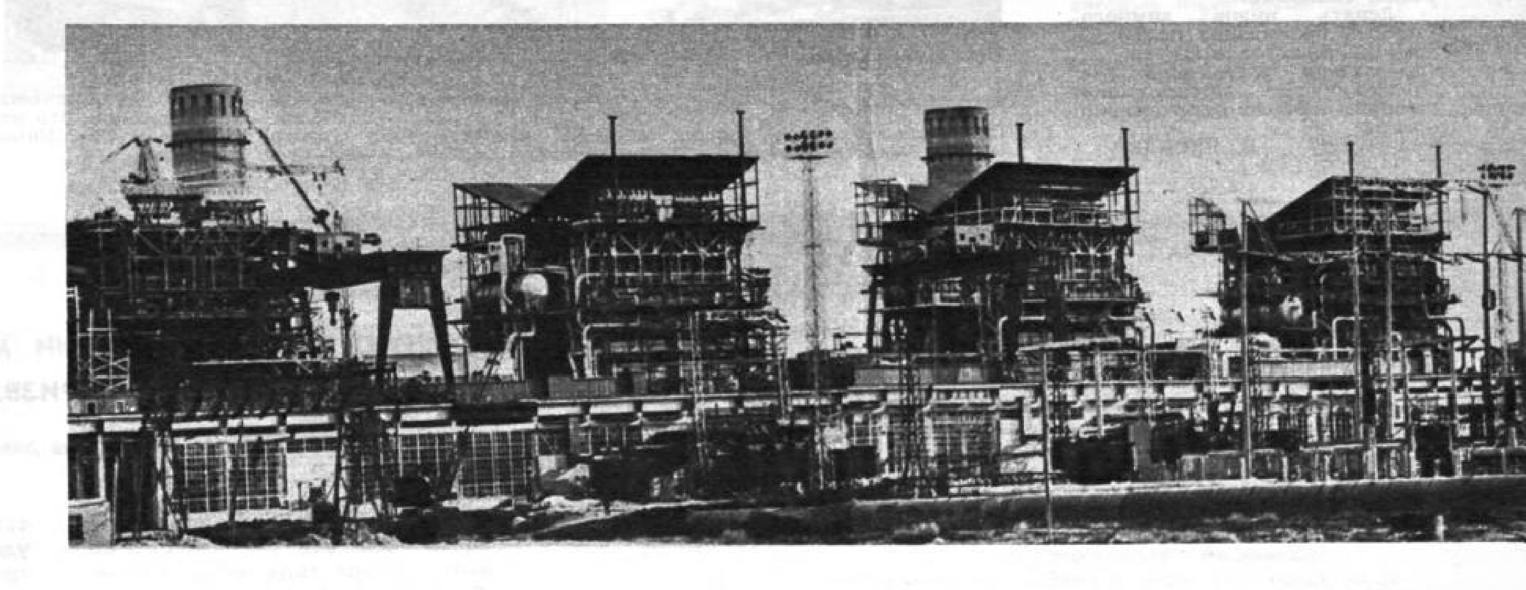
На снимке: Н. С. Хрущев среди делегатов в зале заседаний.

Фото Т. Мельника.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАВЕРШАЕТСЯ

На всесоюзной ударной комсомольской стройке — Али-Байрамлинской ГРЭС — смонтирован четвертый энергоблок. С пуском его в эксплуатацию завершается строительство первой очереди этой уникальной электростанции открытого типа.

Фото Р. Нагиева (ТАСС).

28 декабря Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев посетил Выставку достижений народного хозяйства СССР.

На снимке: в павильоне легкой промышленности.

Фото С. Раскина.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 2 (1907)

5 ЯНВАРЯ 1964

Медали победителям

Новый спортивный год освещен блеском этих золотых медалей. Самые известные австрийские художники и граверы создавали медали IX Белой зимней олимпиады, которые будут вручаться победителям в Инсбруке.

На лицевой стороне каждой медали пять сплетенных колец — неизменная эмблема Олимпийских игр — и схематическое изображение древнего моста — герба столицы Тироля. Оборотные стороны олимпийских медалей самые разные: летящий по воздуху прыгун на лыжах, хоккеист, конькобежец, слаломист...

Девять видов зимнего спорта составляют программу IX Белой олимпиады, и ее медали раскрывают все разнообразие предстоящей борьбы лучших спортсменов мира.

В. ЯКОВЛЕВ

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРЕМЬЕРУ

Первые в новом году письма с приглашением на театральные премьеры... Они приходят отовсюду, из самых разных уголков Союза, и требовательно, горячо, настойчиво торопят посмотреть новые спектакли.

Вот письмо из Воронежского государственного музыкального театра и здесь же афиша, либретто, снимки только что поставленной оперы «Луд гидия» («Чертова скрипка») болгарского композитора П. Хаджиева.

Это у героя оперы пастуха Илии была такая скрипка, способная творить чудеса. Тема глубокого воздействия подлинного искусства на людей, которым проникнута опера Хаджиева, увлекла коллектив Воронежского театра. Специально для постановки был приглашен из Болгарии главный режиссер Пловдивского театра оперы и балета Бохос Афеян; эскизы костюмов делал лауреат Димитровской премии Асен Попов. На премьеру в Воронеж приехал автор — Парашкев Хаджиев.

Ереванский театр оперы и балета имени Спендиарова приглашает смотреть сразу три премьеры. Опера «Царь Эдип» — музыка Стравинского — это первая сценическая редакция. Как известно, Стравинским была написана одноименная оратория. Еще театр подготовил музыкальную драму Л. Бернстайна «Вест-сайдская история» и, наконец, оперу Александра Арутюняна «Саят-Нова» в постановке главного режиссера театра Грачия Капланяна.

А вот приглашение от ростовского народного театра клуба завода «Ростсельмаш» на балет «Корсар». Правда, премьера состоялась два года назад в Ростове. Зато теперь коллектив выступает на сцене Кремлевского театра. И как же вырос спектакль: интересно разыгрываются кордебалетом даже проходные мизансцены, окрепло мастерство Нины Павловой (Медора), В. Деружинского (Барбанто), В. Кравченко (Конрад).

Цыганский театр «Ромэн» показал первый спектакль «Лачи». Пьеса написана по роману индийского писателя Кришана Чандара «Одна девушка и тысяча влюбленных». Яркий спектакль этот в постановке М. Сидоркина рассказывает о цыганах, кочующих по Индии.

В Московском театре сатиры пошел спектакль «Чудеса в гостиной» Д. Лоусона. А в Театре имени ленинского комсомола — премьера «О Лермонтове», осуществленная О. Ремезом... Почти в каждом театре — новый спектакль к Новому году!

Сцена из спектакля театра «Ромэн» «Лачи». Лачи (в центре) — Р. Удовикова.

«Луд гидия» в Воронеже. Илия — Г. Колмаков. Его невеста Зорница — Н. Шабанова

Почти рождественская история...

В канун Нового года по давней традиции в Англии было рассказано немало трогательных рождественских историй о торжестве добра над злом и лицемерием.

В Англии существует общество «Серебряная рыба». Его задача — оказывать помощь одиноким старикам. Когда пожилой человек нуждается в посторонней помощи, он вывешивает в окне сделанную из жести рыбу.

Заметив такой знак в одном из окон английского дома, корреспондент западногерманского журнала «Штерн» вошел туда. Оказалось, что 79-летней женщине нужно было принести из подвала уголь. Рыба, как выяснилось, висела в окне уже несколько месяцев, но еще никто из проходивших мимо не помог старушке.

...Плюс химизация

«ОГРОМНУЮ РОЛЬ В СОЗДАНИИ МОЩНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ПРИЗВАНА СЫГРАТЬ НАУКА».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на декабрьском Пленуме ЦК КПСС.

В ГОСТЯХ У ПОЛИМЕРОВ

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Владимирский институт синтетических смол, пожалуй, одно из самых молодых научно-исследовательских учреждений нашей страны. Недавно он отмечал свое пятилетие. Пять лет назад весь институт состоял из двух десятков молодых энтузиастов. Сегодня в двадцати трех его лабораториях и на экспериментальном заводе трудятся сотни ученых.

Замечательная примета времени: подавляющая часть ученых — молодежь. Половина из них — комсомольцы.

Знакомство с миром полимеров мне посоветовали начать в лаборатории № 18.

— Есть там старший научный сотрудник Юрий Мурашов; он познакомит вас с интересными работами.

Старший научный сотрудник оказался невысоким юношей в очках, берете и синем халате, какие здесь носят все. Он комсомолец, всего четыре года назад окончил Ленинградский университет. В лаборатории все зовут его просто Юрой.

— Наша работа? Увидеть ее очень просто,— сказал он.— Сейчас я ее приготовлю.

Молодой ученый взял большую кружку и налил в нее из бутыли немного какого-то густого сиропа.

— Это фенопласт,— пояснил он.— Синтетическая смола, одна из основ современного химического производства.

Затем он поставил на аналитические весы маленькую колбочку и начал отмерять туда какую-то жидкость, белый порошок и желтое вещество, похожее на мед. Содержимое колбы он вылил в кружку, энергично и быстро перемешал и поставил на стол.

— Ну вот и все.

Я осторожно заглянул в кружку, но ничего особенного не заметил.

— Подождите одну минуту.

И ровно через минуту случилось волшебство. Сперва в кружке что-то зашипело, потом мгновенно поднялась и взбилась пышной шапкой розовая пена.

— Убежит!— крикнул я и невольно протянул руки, точно мог удержать эту розовую шапку. Но тревога была напрасной: в одно мгновение пена застыла. Не без труда мы вытащили из кружки ее содержимое. В руках у меня оказался удивительно легкий пирог. Железной пилкой Мурашов отрезал от него ломоть.

— Вот это и есть наша работа,— пояснил ученый.— Эта пена — превосходный теплоизоляционный материал. Во-первых, он очень дешев и, во-вторых, он легок — лишь в четыре раза тяжелей воздуха. В-третьих, его очень просто приготовить прямо на строительной площадке, на небольшой передвижной установке.

Установка оказалась похожей на тележку для мороженого. Ее запустили, и через несколько минут через длинный шланг хлынула пышная пена, которая быстро застыла на воздухе. Это была наглядная демонстрация того, как просто пользоваться установкой на строительстве. Обслуживают ее один-два человека.

В лаборатории мне посоветовали прийти через полчаса, когда начнется очередной опыт.

— А пока,— сказали мне,— зайдите к нашим космонавтам.

ХОРОШЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВИАЦИИ

Так сказал директор Федерального авиационного агентства США г-н Хелаби об организации регулярных беспосадочных рейсов Москва — Нью-Йорк.

Г-н Хелаби возглавлял американскую авиационную делегацию, которая вместе с работниками Аэрофлота обсуждала в Москве технические вопросы, связанные с заключением соглашения об установлении прямого воздушного сообщения между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

— Советские коллеги,— рассказывает г-н Хелаби,— оказали нашей делегации радушный прием. Дали возможность ознакомиться с работой столичных аэропортов Внуково и Шереметьево. Надо сказать, что эти аэропорты производят благоприятное впечатление. Они вполне современны, достаточно оборудованы для того, чтобы обеспечить прием наших самолетов «Боинг-707-320В». Вероятно, они будут курсировать по Трансатлантической линии.

Каждый из самолетов выбирает выгодное направление. Это требует очень строгого соблюдения курса. Поэтому, на наш взгляд, на советских самолетах придется установить специальные приборы. На наших «Боингах» потребуется дополнительное аэронавигационное оборудование для выполнения посадок на советских аэродромах. Но эти мероприятия не отнимут много времени.

Наши деловые разговоры с работниками Аэрофлота были взаимно откровенны и потому полезны. Американская авиационная делегация была принята начальником Аэрофлота генерал-полковником Е. Ф. Логиновым — крупным экспертом по безопасности полетов и организации воздушного сообщения. Приятно также было встретиться с советским авиаконструктором Ильюшиным, самолеты которого летают над всем миром.

Хочется надеяться,— сказал в заключение г-н Хелаби,— что советские и американские самолеты будут регулярно летать по линии Нью-Йорк — Москва, перевозя туристов, политических деятелей, работников культуры, науки и искусства. Ведь это — самое хорошее использование авиации.

А. ГОЛИКОВ

Г-н Хелаби.

Два сказочника

Джанни Родари крепко подружился с советскими ребятами. А помог этой дружбе старейший писатель С. Я. Маршак: Самуил Яковлевич перевел на русский язык многие произведения итальянского сказочника. Родари и Маршак давно уже знакомы заочно. И вот наконец в канун Нового года они смогли повидаться. Литераторы, так много создавшие для ребят, беседовали долго и увлеченно о путях детской книги.

Фото Дм. Бальтерманца.

«ЗВЕЗДОЧКЕ» 40 ЛЕТ

Передо мной выцветший от времени номер газеты «Красная звезда». Дата — январь, 1924 год. Первый номер ставшей потом одной из популярнейших в стране, любимой армейской газеты.

...1941 год. В то время я работал фотокорреспондентом «Красной звезды». Услыхав по радио о внезапном нападении фашистской Германии, мы, несколько писателей и журналистов, немедленно явились в редакцию.

Лучшие писатели работали тогда в «Красной звезде». По ее командировкам выезжали на фронт Толстой, Шолохов, Фадеев...

Каждый вечер приходил в редакцию Эренбург, усаживался за машинку и сам печатал свои гневные, полные ненависти к врагу статьи.

Вряд ли кому известно, что газета имела свой очень большой боевой счет. Артиллеристы, летчики, танкисты записывали на боевой счет «Звездочки» уничтоженные ими самолеты, орудия, танки, а снайперы — подстреленных ими гитлеровцев.

Журналисты работали оперативно и самоотверженно. Своими очерками и информациями они как бы дополняли скупые сводки Советского Информбюро. Многие из них не вернулись домой. Погибли, выполняя задание редакции, Борис Лапин, Захар Хацревин, Костя Бельхин, Леня Вилкомир, Петя Олендер.

Когда, как говорится, война пошла под гору, работать стало веселее. Хотя мы и чертовски уставали, носясь на крошечном редакционном самолетике между Москвой и фронтом, настроение было отличное. Волга, Курская дуга, Днепр, Польша, Румыния...

И вот наконец Берлин. Знамя «Красной звезды» тоже было водружено на одном из куполов рейхстага.

Отгремели салюты в честь победы в Великой Отечественной войне. Но в мире неспокойно. И газета опять на боевом посту. Основной задачей на протяжении всех лет существования «Красной звезды» было воспитание у воинов коммунистической сознательности, высоких моральных качеств и любви к своей Родине.

О. КНОРРИНГ

Знамя редакции газеты «Красная звезда» на рейхстаге.
Фото автора.

Космонавты? Но что делают они в этом химическом царстве? Я осторожно заглянул в указанную мне лабораторию и в самом деле увидел человека в скафандре, правда, несколько необычном: и костюм и шлем, надетые на нем, были прозрачными. Странный космонавт держал в руках большой пистолет, из которого, словно из пульверизатора, вылетали брызги какой-то прозрачной жидкости.

Загадку объяснил мне начальник лаборатории Юрий Заломаев, молодой ученый, лишь немногим старше своего коллеги Юрия Мурашова.

— Человек в скафандре,— сказал он,— лаборант Виктор Солдатов, кстати сказать, наш комсорг.

Он напыляет пенополиуретан. Что это такое? Это полимер, пенопласт, его тоже употребляют для теплоизоляции. В общем, это не новинка, такой материал известен сравнительно давно, но преимущественно в виде пластин, которые нужно резать, кроить, клеить. Недавно мы были в Сормове, на судостроительной верфи. Там судостроителям приходится тратить три часа на то, чтобы поставить теплоизоляцию на один квадратный метр. А нашим способом можно сделать это за десять минут.

Заломаев показал мне передвижную установку, которую создали химики вместе с конструкторами. Это была небольшая тележка на колесиках, с двумя герметически закрытыми бачками и приборами, показывающими давление и температуру. От тележки тянулся шланг, на конце которого насажен пистолет-распылитель.

Я хотел было заглянуть в один из бачков, но меня остановил предостерегающий крик:

— Осторожно! Сильный яд!

Оказывается, в этом бачке — цианистое соединение. В другом — полиэфир. Смешиваясь вместе, они образуют пенистый материал, кстати, уже совсем неядовитый.

Я следил за действиями Виктора Солдатова. Он водил пистолетом из стороны в сторону, и на стенку ложился ровный слой пены, которая моментально застывала. Через несколько минут весь участок был уже покрыт трехсантиметровым слоем изоляции.

В эту минуту вбежала сотрудница из соседней лаборатории.

— Скорее идите к нам, а то козел получится!

Я поспешил за девушкой, недоумевая, о каком таком козле шла речь. Небольшое помещение, куда мы вошли, было заставлено аппаратурой. Около котла, оснащенного разными приборами, нетерпеливо похаживала молодая женщина в синем халате — начальник лаборатории Ия Ротенберг.

— Мы сейчас начинаем,— сказала она и сердито добавила: — Чуть козел не получился!

Заметив мое недоумение, Ия пояснила:

— Так ведь это то же самое, что в домне, если вовремя не выпустить плавку: металл застынет, и, чтобы выбить его, приходится останавливать печь. Металлурги почему-то называют это козлом. У нас, правда, не металл, а пластмасса, но и она может застыть.

В котле, на который указала мне Ия, находилась густая паста — поливинилхлоридная смола. Молодые ученые придумали вот что: они насыщают пасту углекислым газом и получают пенопласт. Его можно сделать мягким, полужестким, жестким. Это превосходный звукоизоляционный материал.

Где-то под потолком проложены трубы, они идут в соседнее помещение и изгибаются над длинным столом, по которому ползет ленточный транспортер. Вот из труб хлынула густая пена, похожая на мыльную, и ровным слоем растеклась по транспортеру. Лента его медленно двинулась по столу и скрылась в каком-то устройстве, где светились огоньки приборов. Тут пена будет прогрета сперва токами высокой частоты, потом горячим воздухом.

Я стал у противоположного конца стола. Минут через десять передо мной появилось и медленно поползло вперед что-то пышное и белое, похожее на толстое одеяло. Я дотронулся рукой — одеяло было горячим. Транспортер остановился, материал сняли со стола. Двухметровый его отрезок был так легок, что я поднял его двумя пальцами.

Это и есть тот самый звукоизоляционный материал, который ставят, например, на самолетах и вообще всюду, где необходимо гасить шум.

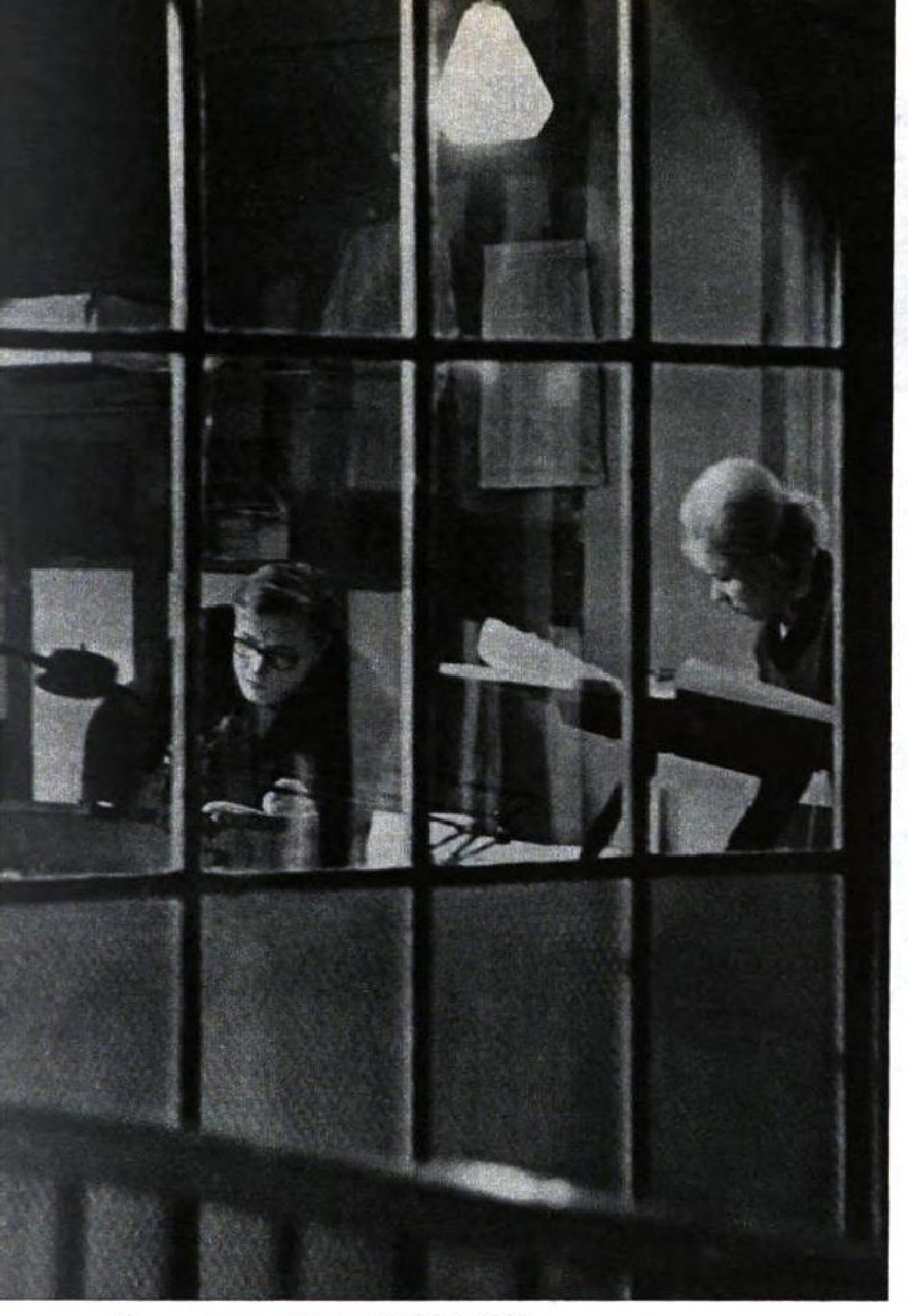
Не так давно чудесный пенопласт перешел из лаборатории, где его создали, на заводы.

...День в мире полимеров подошел к концу. Конечно, я не увидел и десятой доли того, что создано молодыми учеными в этом самом молодом из химических институтов нашей страны.

Химия полимеров — тоже молодая наука. Она принесет нам еще много открытий, которые сегодня, может быть, кажутся еще чудесами, а в недалеком будущем войдут в наш обиход и станут такими же привычными, как все, что окружает нас издавна.

Фото Г. Липскерова

В студенческом конструкторском бюро до глубокой ночи не гаснет свет.

Фото Н. Ананьева.

В этом корпусе не встретишь пожилых людей. Все должности занимают нынешние или вчерашние студенты.

Это СЭПЦ — студенческий экспериментально - производственный цех.

Михаил Дубров рассказывает о сложном хозяйстве с полным знанием дела. За пять студенческих лет он прошел здесь солидную практику: был станочником, слесарем, монтажником, оператором электронно-счетной машины, конструировал и собирал сложные приборы. Весной Дубров на электротехническом факультете защищает диплом. Тема его связана с работой в СЭПЦ, с выпуском электронной машины, которую дипломант создавал вместе с однокурсниками.

Пришел председатель совета Станислав Шонуров, положил на стол объемистую папку и направился к стенду, где испытывалась машина.

Студенты, работающие со Шонуровым, с нетерпением ждут защиты его диплома. Станислав будет защищать принципиально новую схему машины, которая разработана и изготовлена бригадой студентов под его руководством. Мнения консультантов не расходятся: исследования чрезвычайно интересны.

— Начнем заседание? — спросил Станислав.

Без участия совета в СЭПЦ не решают ни одного важного вопроса, будь то плановые задания или освоение новой техники. Питомцы института не только приобретают практические навыки, но и учатся управлять производством. В совете и технический руководитель цеха Николай Казимирович Будрис, в армии получивший специальность радиотехника, а два года назад окончивший институт.

Когда энтузиасты-физики организовали при студенческом научном обществе крохотную лабораторию — «Сорок физиков», они и не предполагали, какое большое дело начинается.

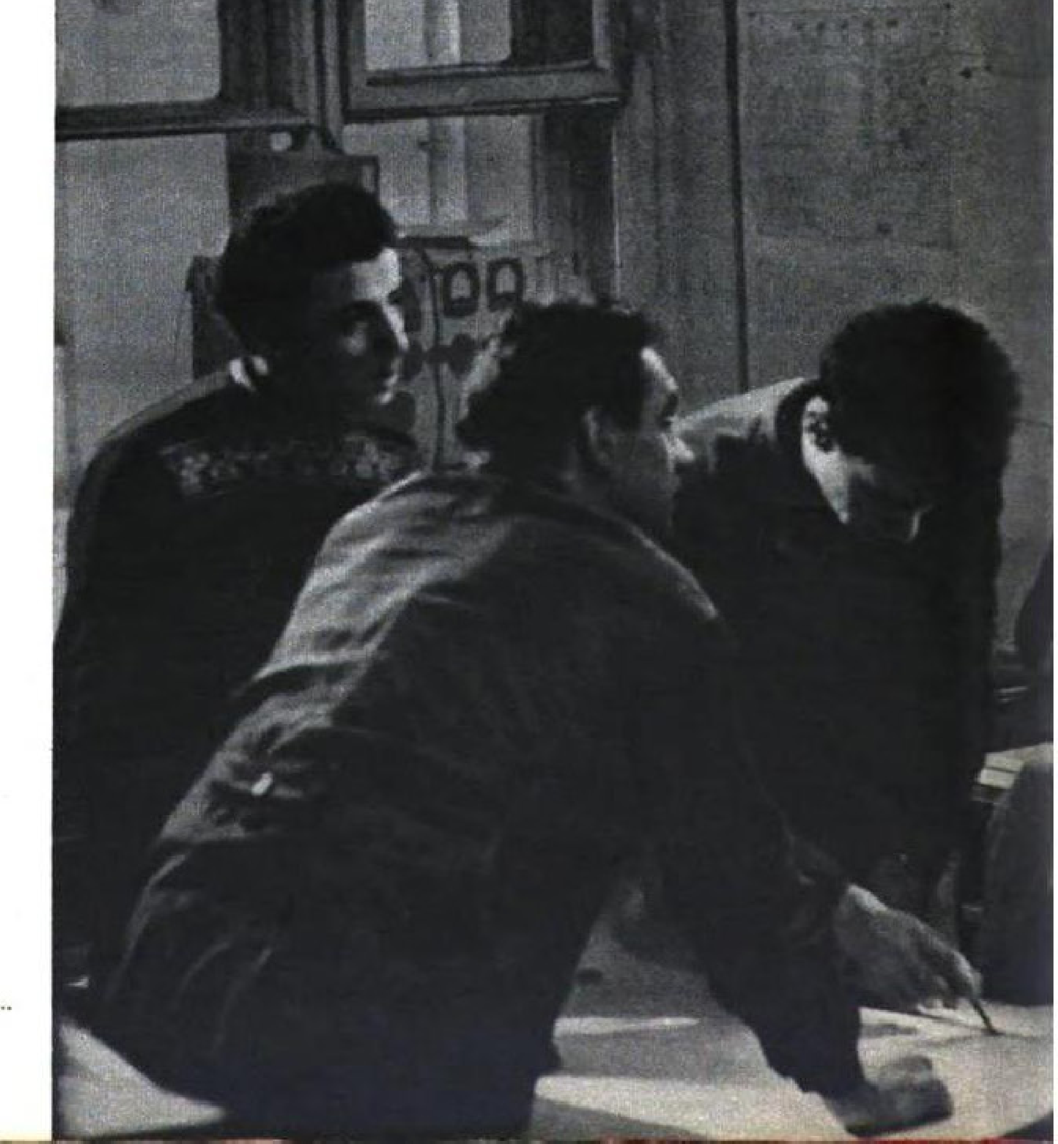
Вскоре у инициативных студентов появилось много последователей и на других факультетах. В тесных, подчас совсем не приспособленных помещениях одна за другой возникали лабораторные мастерские.

Жизнь подсказала: надо создать конструкторское бюро. Пришлось организовать и лабораторию. Без нее просто невозможно было экспериментировать, проверять конструктивные качества приборов.

Ректорат задумался: как объединить растущие творческие силы студенчества, как лучше организовать подготовку инженерных кадров? И тогда родилась идея создать студенческий экспериментально-производственный цех. А чтобы молодой цех рос и развивался, его перевели на хозяйственный расчет, выделили ему кредит в 20 тысяч. Огромная, но приятная забота легла на плечи юношей: материально-техническое снабжение, финансы, разработка и изготовление новых изделий — всем пришлось заняться.

Уже первые шаги СЭПЦ оказались плодотворными. Некоторые изделия, созданные руками студентов, демонстрировались на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Выпрямители, тензометрическая станция, терморегуляторы, измеритель нелинейных полупроводниковых сопротивлений заинтересовали многих инженеров. И в портфеле цеха появились заказы научно-исследовательских институтов Москвы, Куйбышева...

Совет цеха размышляет...

Отказываться от этих заказов — значит отступать. Но где взять материалы? Выход нашли: остродефицитные материалы пусть дают сами заказчики, а все остальные обязан изыскать цеховой снабженец. Где же? Из неликвидных фондов ленинградских предприятий. То, что им не нужно, приобретает цех. Ведь он на хозяйственном расчете!

Не заметили, как в хлопотах промчался год. Итоги были весьма вдохновляющими: студенты выпустили необходимые народному хозяйству изделия на 56 тысяч рублей. И тогда совет счел возможным часть этих средств израсходовать на приобретение новейшего оборудования.

Студенческая фирма, завоевавшая популярность, переходила на выпуск более совершенной продукции.

Николай Казимирович положил на ладонь крохотный, величиной с портсигар прибор.

— Смотрите, это малогабаритный счетчик гамма-излучений. Настоящая инженерная работа. А создал его студент третьего курса Александр Шереметьев.

Девиз студентов: сам сконструировал, сам изготовляй.

Армия студентов растет. Цех пришлось перевести на трехсменную работу. Всем теперь очевидна его важность в подготовке инженерных кадров. Рядом с СЭПЦ — вычислительный центр. Во главе его выпускник института, кандидат физико-математических наук Валентин Орестович Вяземский.

Студенческий цех становится студенческим заводом.

— Нам бы помещение побольше, мы бы развернулись! — говорят в Ленинградском электротехническом институте имени В. И. Ульянова (Ленина).

К. ЧЕРЕВКОВ

Свой свет

А. СТАРКОВ *Специальные корреспонденты «Огонька»*
Фото А. Гостева.

Впервые я услышал эту фамилию в Гидропроекте.

Мне показывали схему будущего Днепро-Неманского соединения, кратчайшего глубоководного пути из Черного моря в Балтийское.

— Идея не нова. Днепр и Неман в верхних своих течениях почти соседи. Только повернуты спиной друг к другу — бегут в разные моря. Разворачивать их уже не стоит, пусть текут куда им хочется. А соединить — непременно! Прежде это не имело бы особого смысла: реки не были доступны для больших судов. А теперь — гидростанции! Они превращают и Днепр и Неман в систему внутренних довольно глубоких морей. На Днепре должно быть шесть ГЭС, из которых три в строю, три строятся. На Немане одна, Каунасская, в строю, остальные в проекте. Места для них уже найдены, створы определены. Изыскатели, проектировщики шли по следам Смильгевичуса...

— Кто это?

— Ионас Смильгевичус. Инженер. Во времена буржуазной Литвы загорелся идеей покорения Немана. Но это шло вразрез с интересами бельгийского акционерного общества, державшего концессию на всю литовскую энергетику. Компании были выгодны маленькие тепловые станции. Смильгевичус, который служил сначала у бельгийцев, порвал с ними и выступил в печати с экономическими расчетами, разоблачавшими концессионеров. Но у них были прочные связи в правительстве, и инженер не получил поддержки. Он не отступал. В одиночку, без всяких средств, не имея даже теодолита, вел изыскания по берегам реки и подготовил эскизные проекты трех гидростанций. Он с удивительной точностью определил для них створы. Одна в десяти километрах выше Каунаса — и именно там ее и построили в наше время! Приняты нами и два других створа Смильгевичуса: в Юрбаркасе, близ устья реки, и в Бирштонасе, на знаменитой Неманской петле...

— А какова судьба этого человека?

— Кажется, он жив. Когда строилась Каунасская ГЭС, с ним консультировались. Но он тогда уже был тяжело болен: разбит параличом...

Я позвонил в Каунас и, узнав, что Ионас Игнасович в городе, поехал к нему. Разыскал старика в одном из коттеджей на тихой, хотя и привокзальной, улочке Кревос, берущей начало от своей более шумной соседки, улицы Пятраса Цвирки, классика литовской литературы.

Кстати, они были хорошо знакомы, писатель и инженер. Цвирка в молодости ухаживал за двоюродной сестрой Смильгевичуса. Она предпочла другого, уехавшего ее в Америку. Но приятельские отношения между Пятрасом и Ионасом не погасли. У них был общий друг — Нямунас, Неман! — к которому один тянулся со всей пылкостью поэтической души, а другой — с явно практической целью, как энергетик.

В отличие от своего приятеля, который родился и вырос на Немане, Ионас первый раз увидел эту реку уже взрослым, в 26 лет, из окна вагона. Он ехал учиться в немецкий город Дармштадт, в Высшую техническую школу. Дóма таких не было. Стать инженером можно было только за границей... Странную тему выбрал он для диплома: «Неманская петля». Зачем, спрашивали друзья, лезть в эту петлю? Для кого подсчитывать водяные напоры, устанавливать расходы воды на реке? Для бельгийцев? Но их, держащих в руках всю энергетику Литвы, совершенно не интересуют гидроресурсы. Им нужен уголь, нефть.

И Смильгевичуса, защитившего дипломный проект как гидротехник, они взяли дежурным на свою тепловую станцию в Каунасе. Она старая, маленькая, вся-то ее мощность — 1 200 киловатт. Ионас дежурил у дизелей и думал, думал о Немане. Считал. Конечно, построить гидростанцию сложнее и дороже, чем тепловую. Но ГЭС окупится: в год не менее чем 10 миллионов лит прибыли. При том, что энергия будет обходиться населению в десять раз дешевле. А зачем эти заботы бельгийцам? Прибылью они и так не обделены. Киловатт-час стоит им 30 центов, а продают по договору за 135. Это цена килограмма сливочного масла! Ни в одной стране нет такого дорогого электричества. Понятно, что Неман и все эти плотины, шлюзы просто ни к чему концессионерам. Они довольны жизнью.

Но еще не догадываются, какого опасного противника приобрели в лице скромного дежурного инженера. Он готовится к схватке. И неожиданно подает просьбу об увольнении. Уезжает в Америку. Для того, что он задумал, нужно познакомиться с современным уровнем гидростроения и электротехники. В Чикаго у Смильгевичуса два брата — Пранас и Иозас. У одного — мясная лавка, у другого — пивной бар. Предлагают открыть третье дело. Если Ионас не хочет рубить мясо и разливать пиво, можно по близкой ему отрасли — магазинчик электротоваров. У братьев есть накопления, на первых порах братья помогут. Но он приехал в Америку не торговать и вообще не собирается пускать в Штатах корни. Поступил механиком по лифтам в небоскребе на Мэдисон-стрит. Страховое общество. 68 этажей, 16 лифтов. Смена — сутки. И сутки — отдых. Он бывал на заводах, на электростанциях, в технических библиотеках. Полтора года так. Из Литвы пишут друзья, Пятрас Цвирка пишет. Однажды он вложил в конверт газетную вырезку. Знал, что интересует Ионаса. Сообщение о том, что бельгийцы добились продления концессии на 50 лет. Они строят тепловую станцию близ Каунаса, в Петрашюнае. Ионасу знаком этот хутор на самом берегу Немана. Давно приглядел здесь створ для плотины, чашу под водохранилище. Удобное место для гидростанции тысяч на тридцать киловатт, а может, и мощнее. Но бельгийцам выгодна небольшая тепловая. И собираются хозяйничать еще полвека. Самое время, Ионас, возвращаться домой. Пора в открытую атаку на концессионеров!

Он начал с меморандума правительству. Взывая к патриотизму министров, изложил программу покорения Немана, развития оте-

чественной энергетики. «Мы должны иметь собственный электрический свет, а не быть в зависимости от иностранцев, диктующих нам свою волю, свои порядки и цены». Премьер Тубелис пригласил Смильгевичуса, принял его в домашней обстановке, за обедом. Хозяин был любезен, хозяйка — еще любезней. Инженер повторил все, что писал в меморандуме, и ему казалось по заинтересованности, с которой слушал премьер, что семена падают на благодатную почву. Но он ошибся: почва была каменная. Тубелис сказал, что, как агроном, он не может оценить по достоинству всей инженерной компетентности, которую вложил Смильгевичус в трактуемую им проблему, но сама эта проблема носит пока чисто теоретический характер. У правительства нет ни денежных средств, ни прочих возможностей для ее разрешения без посторонней помощи. И надо быть бесконечно благодарными бельгийской фирме, приносящей огромные жертвы на алтарь благосостояния Литвы. Смильгевичус попросил уточнить, что же это за жертвы. Цифры говорят, что страдает главным образом литовское население, которое платит бельгийцам за каждый киловатт-час как за два килограмма сахара. Премьер промолчал.

— Я обращусь через прессу к общественности и надеюсь встретить поддержку,— сказал Смильгевичус.

— Не могу вам в этом воспрепятствовать,— сказал Тубелис и перевел разговор на другие, светские темы, в чем был поддержан супругой.

Ионас не знал тогда, что разговаривает и с премьер-министром и с акционером бельгийской компании. Нет, не в одном лице. Акционером была жена Тубелиса, пай которой составлял полмиллиона лит. На такую же сумму держала акции и ее родная сестра, супруга президента Сметоны. В списке акционеров имена сестричек значились рядом, одно под другим.

Я видел этот список. Мне его показывал Евгений Сергеевич Дорошукас, директор каунасской конторы Энергосбыта. Когда-то он работал монтером у бельгийцев. А с установлением Советской власти был назначен комиссаром по национализации их фирмы. Вот откуда у него список пайщиков. Учреждение, которым руководит сейчас Дорошукас, является в какой-то мере преемником бельгийского акционерного общества. Сбыт энергии, продажа электричества...

— Вы уже знаете, почем они торговали. По 135 центов за киловатт-час. На наши деньги это примерно два рубля с полтиной. Мы продаем по 4 копейки, согласно тарифу, установленному на всей территории страны. По тем, бельгийским, ценам электричество было в прямом смысле роскошью. Простые смертные боялись лишний раз включить свет, пользовались слабыми лампами в 8—11 ватт. Но и в этом концессионеры ухитрялись диктовать. Они скупали в магазинах и консервировали на своих складах маловаттные лампочки, вынуждая население покупать такие, что берут больше энергии.

В кабинете у Дорошукаса висит схема: электростанции, энергию которых сбывает контора Энергосбыта.

— У бельгийцев были невеликие мощности. Кустарная станцийка в Каунасе на тысячу «лошадок» и сооружение посолидней в Петрашюнае — 16 тысяч киловатт. Все. Мы богаче: та же, да не та станция в Петрашюнае; прежняя взорвана в войну, а новая — шесть прежних. И рядом с ней, в полукилометре, первая в республике гидростанция, Каунасская,— на 90 тысяч киловатт. Строится тепловая в Электренае: запроектировано миллион двести тысяч, четвертую часть мы уже получаем с введенных агрегатов. Прибавьте мелкие тепловые станции. Да поимейте в виду, что мы включены в северо-западное энергетическое кольцо, куда отдаем, конечно, долю энергии, но откуда и получаем больше, чем отдаем... Вообразите, наши ближайшие перспективы: еще три гидростанции на Немане общей мощностью в миллион киловатт, еще одна тепловая в два миллиона. И все это не чужой, все это свой свет! Акционеры? Акционер один — народ.

Директор Каунасской ГЭС М. Манкевичус и И. Смильгевичус.

Но мы должны возвратиться в буржуазную Литву, в тридцатые годы, в самый накал боя, который ведет одиночка-инженер.

Впрочем, он не совсем одинок; есть люди, которые сочувствуют ему и даже помогают. К таким принадлежал редактор газеты «Литовское эхо», согласившийся напечатать серию статей Смильгевичуса против концессионеров. Но выпустил в свет только две из десяти. «Звонил Рустейка,— сказал редактор.— Запретил дальнейшую публикацию. Видимо, на него нажал Ланге». Ланге был директор-распорядитель акционерного общества, он же бельгийский консул. Рустейка — министр внутренних дел. Ионас пошел к министру. Добра от этой встречи не ждал: солдафон, тюремщик. Но Рустейка, на удивление, был так же любезен, как Тубелис за обеденным столом: «Не советую... Стоит ли вам связываться?.. Вы так хорошо устроены... Есть заинтересованные... Не рекомендую...» Стелил вату, а под ней была та же каменная почва.

Знакомый Ионаса, работавший в ведомстве Рустейки, сказал: «В газеты ты не пробьешься. Я видел письменное указание цензуре. Но имеется в виду периодика. А есть книги, брошюры». И Смильгевичус отпечатал брошюру. Вот она передо мной: тоненькая, в десяток страничек. На обложке — будущая гидростанция на Немане, какой ее представлял автор. Сам и рисовал. И вообще все было его и на его деньги, частью одолженные у друзей: бумага, набор, печать. Тысяча экземпляров. Как их распространить? Пустить в продажу — концессионеры могут скупить весь тираж, как они скупали электрические лампочки. Смильгевичус раздавал и рассылал брошюру бесплатно. Послал президенту, премьер-министру, всем министрам, в разные конторы, в университет, частным лицам. Только Ланге не послал. Но вскоре убедился, что Ланге прочел его книжечку...

Ионас сидел в кофейной на Соборной площади. Столик стоял так, что были видны все входившие с улицы. Вдруг кто-то приветственно окликнул его от самых дверей. Вгляделся: Литман, известный в городе коммерсант, подвизавшийся возле различных фирм, последнее время связанный с бельгийцами, приятель Ланге. Он был несимпатичен Смильгевичусу, но, как человек воспитанный, Ионас ничем не выдал своего неудовольствия, когда Литман подсел к его столику.

— Рад встрече с вами! — воскликнул коммерсант.— Вы что-то бледны. Здоровы ли?

— Вполне,— сказал Смильгевичус.

— Но, наверно, заботы, волнения? Вы ведь занялись теперь литературной деятельностью. А это, знаете, сфера нервическая. К сожалению, я еще не прочитал вашего последнего труда. Слышал отзывы. Одно компетентное лицо весьма высоко оценивает...— Слово «оценивает» он произнес с особой интонацией и, наклонившись к собеседнику, доверительно добавил:— Я уполномочен...

— Не понял,— сказал Смильгевичус.

— Я уполномочен предложить вам чек на триста тысяч...

— Три-ста ты-сяч,— повторил, как бы прикидывая, Ионас, и снова не обнаруживая подлинных своих эмоций.

— Вас не устраивает эта сумма?

— Меня не устраивает ваше соседство,— сказал Смильгевичус.— И я обдумываю наивернейший способ вышвырнуть вас отсюда. Можно просто по физиономии, можно... Впрочем, вас спасает моя брезгливость.— И он вышел из-за столика, не допив своей обычной утренней порции кофе.

Не взяли взяткой, решили — судом. Под суд за клевету в печати, за ущерб, нанесенный престижу уважаемой фирмы. Что ж, Смильгевичусу было только на руку такое неожиданное расширение аудитории. Одно — выступать в инженерном обществе, в узком кругу специалистов. Другое — перед таким стечением публики, которая хлынула на процесс. Обвиняемый стал обвинителем. «Мы можем гордиться,— сказал он,— Литва занимает в Европе первое место по дороговизне электроэнергии и последнее по выработке ее на душу населения...» Суд был, конечно, просчетом концессионеров. Судили их. Пусть формально они не были осуждены. Но Смильгевичус был оправдан.

На том суде был и Пятрас Цвирка. Прямо из душного помещения они вдвоем — на Неман! В Петрашюнае взяли лодчонку и переправились на Девичий. Остров только-только выбрался из-под весеннего половодья, и земля была влажная, и кое-где поблескивали крошечные озерки. Нынче Неман пощадил город, не залил его улиц. А бывало, что и на главном проспекте вода...

— Смотри,— сказал Ионас.— Я покажу тебе, как пойдет плотина. Вон от монастыря и сюда, к острову. Лучшего створа не подберешь. Высокий напор, большие расходы воды... Плотиной мы убьем, понимаешь, сразу нескольких зайцев: создадим перепад для турбин, образуем искусственное водохра-

нилище, оградим Каунас от затоплений...

— И настоящих, живых зайчишек тоже разгоните? — спросил Пятрас.— Тут, брат, знаменитая охота! Петр Первый еще приезжал с ружьем...

— Зверя не убудет, леса мы не тронем.

Инженер знал теперь Неман не хуже, чем писатель, родившийся на реке. По-своему, понятно, знал, как энергетик. Прошел десятки раз вдоль обоих берегов — от польской границы почти до самого устья,— чтобы выбрать место для гидростанций. Он нашел три створа: Петрашюнай, Бирштонас,

Юрбаркас. Все три памятны ему: возле каждого он тонул. У Петрашюная — в самое половодье: лодку, на которой он замерял глубины, втащило в круговерть, перевернуло, и Ионас чуть собственным телом не измерил глубину, едва выплыл. Под Бирштонасом, на Неманской петле, попал в ливень и свалился с размытого откоса в реку. А в низовье, около Юрбаркаса, тонул дважды, и оба раза зимой, когда его уносило на льдинах к морю.

Изысканиям, разведке на реке он мог отдавать только воскресенье, праздники. В будни режим жизни был такой: вставал в три часа ночи и остаток ее до ухода на службу проводил за чертежами и снова сидел над ними, вернувшись со службы, до десяти часов вечера. У него в работе были сразу три эскизных проекта, три гидростанции. Все исходные данные для расчетов он добывал частью сам, частью из литературы, частью из ответов на письма, разосланные им знатокам реки. Нужны были карты-десятиверстки. Где взять? Такие есть только в военном министерстве. Ионас — с просьбой к министру, так, на авось, почти уверенный, что откажет. А министр был в конфликте с премьером Тубелисом, ненавидевшим Смильгевичуса, и, чтобы досадить главе правительства, приказал выдать инженеру все необходимые ему карты. Повезло! Был еще один влиятельный человек, сочувствовавший и исподволь помогавший Ионасу,— его начальник по службе, вице-министр путей сообщения. По его распоряжению в районе Петрашюная пробурили двенадцать скважин. Якобы для нужд железной дороги. А нужно это было Смильгевичусу: пробы грунта под основание будущей плотины... Он же, вице-министр, устроил инженеру заграничную командировку, и Ионас, имея официально другое задание, побывал на гидростанциях Швейцарии, Германии, Чехословакии. Много полезного как проектировщик увидел он. Побывать бы еще на Днепре! Там, за кордоном, судя по мелькнувшим в газетах заметкам, русские строят мощнейшую ГЭС. Днепр... Неман... Неясная, чуть брезжущая мысль о соединении рек. Ионас гнал ее прочь, как неосуществимую, бредовую. Но она стучалась все настойчивей, все чаще напоминала о себе.

Первым у него был готов эскизный проект гидростанции на 34 тысячи киловатт. Чертежи, расчеты, обоснования. Сделал выжимку в популярной форме и снова тиснул брошюру. Послал по тем же адресам, что и первую, добавил еще и Ланге, инженер все-таки, пусть оценит... Премьер-министр Тубелис пригласил Смильгевичуса, но уже не домой к обеду, а в служебный кабинет. И с трудом сдерживал раздражение. «Мы создадим комиссию для рассмотрения вашего проекта. Но я не предсказываю ему успеха...» Через неделю вызов к Рустейке. На этот раз министр внутренних дел был самим собой — жандармом. Кричал: «Вы, кажется, родом из Тельшяя? Там рядом — Верляй. Свободное местечко для вас всегда найдется...» Верляй — концлагерь. Вон как заговорил Рустейко! Еще бы: шел третий день «электрической забастовки».

...Об этой забастовке мне рассказывал один из ее организаторов, в те дни студент, а ныне профессор Юргис Петрович Видмантис.

— Недовольство, а затем и возмущение наглостью концессионеров постепенно накапливалось и созревало в различных кругах населения. Ну, кроме тех, кого обхаживали бельгийцы, снабжая энергией бесплатно. Студенты, как догадываетесь, к таким не принадлежали, платили по 135 центов за киловатт-час. Студенчество роптало. Кстати, у нас был уже опыт коллективного протеста. В самом конце двадцатых годов мы провели довольно успешно противоконочную акцию. Фирме, которой принадлежала городская конка, не были выгодны автобусы. И Каунас оставался в Европе последним убежищем умирающего вида транспорта. Все негодовали, газеты печатали фельетоны, а лошадки продолжали бегать по городу. И вот мы сели большой группой в конку, доехали до конца маршрута, ссадили кучера, лошадей выпрягли, а конку опрокинули вверх колесами.

Но вы интересуетесь «электрической забастовкой». Я уж не помню в деталях, как все это сорганизовалось, студенты были, конечно, основными закоперщиками, но весь город сговорился выключить свет. И хотя первым днем этой своеобразной забастовки оказалось 1 апреля, дело было сделано всерьез. Город действительно погрузился во тьму. Те, кто не гасил лампочек в квартирах, расплачивались окнами. То тут, то там звенело разбиваемое с улицы стекло. Погасли фонари. Закрылись кино. В кофейнях сидели при свечах. Я был как раз в одной кофейне, когда туда ворвался Рустейко с начальником полиции. Крикнул: «Приказываю зажечь свет!» А мы затушили и свечи. Кричать в полной темноте бессмысленно, и министр выбежал из кофейни. На восемь дней город ослеп. Я, помню, заканчивал дипломный проект и сидел над чертежами с керосиновой лампой. Жена ворчала: у нас только родилась дочка, и обходиться с малышкой при свечах было затруднительно. Но забастовка есть забастовка! Был ли в ней смысл? Был, несомненно. Практический: бельгийцы снизили тариф почти на сорок процентов. И огромный политический: протестовал уже не одиночка-инженер, а целый город, столица!

...Хватит, не будем больше возвращаться в прошлое.

Мы сговорились со Смильгевичусом съездить на гидростанцию в Петрашюнае. Для него это очень сложно: несколько лет, как он разбит параличом, выключена вся правая сторона тела. Болезнь затруднила и речь. Но не погасила великолепной памяти, живости ума, интереса ко всему окружающему.

Едем, и старик ворчит на шофера:

— Почему вы свернули от вокзала направо?

— Здесь меньше движения, быстрее доберемся.

— Да, но товарищ из Москвы не увидит нашего нового жилого района. На обратном пути поезжайте там...

Дорога незаметно как-то перешла в высокую насыпь, покрытую гудроном,— это уже плотина! Глубоко внизу река, вернее, река с одной стороны, а с другой — огромное озеро, водохранилище, и я вижу паруса яхт, четко отпечатанные на фоне темнеющего леса. Ионас Игнасович просит водителя чуть притормозить: ему хочется продлить наше движение по плотине, полюбоваться открывающейся панорамой.

— Видите монастырь на горе? Я собирался вести плотину с того траверза. Она пошла левее, создан более высокий подпор. Я рассчитывал станцию на тридцать тысяч киловатт, построили на девяносто...

Каунасская ГЭС.

Нас встречает директор Каунасской ГЭС Миколас Манкевичус. Вчера мы виделись в городе, и я знаю, что он родился в тот год, когда инженер Смильгевичус вернулся из Америки и начал бой с концессионерами,— в 1929 году. Миколас молод, но о нем можно уже написать отдельный очерк. Рассказ о мальчике из деревни Кушталь, у которого убили отца и мать за то, что скрывали партизан, и который стал сыном партизанского отряда, снайпером, с одного выстрела снимавшим немецких часовых на мостах, у железных дорог, возле складов...

Манкевичус с нескрываемым любопытством смотрит на старика: для него это человек из легенды. Мы подходим к зданию гидростанции, оно вписано в плотину. Склоняемся у парапета: нижний бьеф набит рыбой. «Набит» тут точное слово. Рыбы столько, что из воды то и дело показываются соминые, щучьи, сазаньи головы...

— Поставим в машинном зале аквариумы,— говорит директор.— Нам — для красоты вместе с цветами и пальмами. А рыбьему населению — для информации. Пусть глядят, как рождается электричество...

Возле машин — долгий разговор двух инженеров. Старику все важно, все интересно.

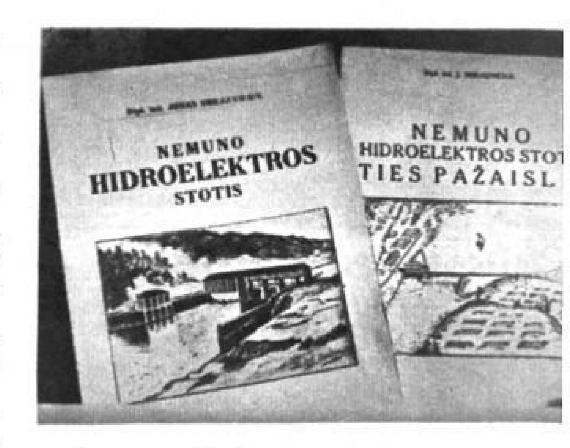
— Скажите,— спрашивает,— как турбины? Лопасти не ржавеют?

— Нет, а что?

— Видите ли, меня беспокоил торф. В верховье торфяные болота. Они захвачены теперь водохранилищем. А торфяная кислота вредна металлу. Разъедает.

— Пока не замечали,— говорит директор.— Спасибо, будем наблюдать.

Мы неторопливо обошли всю гидростанцию. Уезжали — темнело. Наша машина катила по плотине, как вдруг по обеим сторонам насыпи вспыхнули фонари. И в ответ, синхронно — их близнецы в воде. Нам с плотины не видна была ГЭС, но лучи из ее окон били вверх. Зажглись огни в поселке, по берегам, там, впереди, в Каунасе. Все вокруг было озарено электрическим светом. Своим...

Брошюры И. Смильгевичуса.

Светлана КУЗНЕЦОВА

* * *

Сибирь — руки протягиваю.
Сибирь — глаза раскрываю.
Чьи-то песни подтягиваю,
Своих не скрываю.

Ничего не таю, не прячу:
Ни радости, ни печали.
На большую, видать, удачу
Твои реки меня качали.

На большую, видать, удачу
Твои парни в глаза глядели.
Сибирь, ты прости, что плачу,
Плачу на самом деле.

Я вдруг поняла: ты та сила,
Что легко ношу.
Ничего никогда не просила,
Ничего не прошу.

Жизнь моя, моя густодремная,
Соболья да золотая,
Гудящая, аэродромная,
Тропы твои листаю.
Счастье свое не трачу,
Неоплаченную удачу!

* * *

Что-то прежде невозможное
Доверьем рождено.
Дремлет полюшко тревожное,
Мое Бородино.

Дремлет травушка росистая,
Сквозная мурава.
Дремлет полюшко российское
За берегом у рва.

Припадаю, припадаю
К оплаканной земле,
Пропадаю, пропадаю,
Растворяюсь в ранней мгле.

Зажги скорей Стожары,
От ночи огради!
Горько, горько спят гусары,
Белы руки на груди.

Ой, парни светлоокие!
Во поле ни следа...
Березоньки высокие,
Высокая звезда!

* * *

А там, где я теперь живу,
В ручьи сронили птицы перья,
И снег недобрый, жгучий, первый
Пал на зеленую траву.

Он весь из ревности, из зависти,
Он убивает поутру.
Лесов восторженные замыслы
Опять сникают на ветру.

Под ветром я с лесами равной
Встаю и снова с ног валюсь,
Но не хвалюсь своею правдой,
Своею верой не хвалюсь!

Я не хвалюсь, а прижимаю
К щеке земли свою щеку
И вместе с ней переживаю
Ее осеннюю тоску.

Мои глаза не голубее,
Чем небо северной страны.
Я не сильней, я не слабее
Моей суровой стороны!

* * *

Косые солнечные зайцы
Бегут весеннею тревожностью.
Я плачу и ломаю пальцы
Над этой новой невозможностью.

Ой, родина зелено-белая,
Твоим глубоким снегом таю.
Ой, что я делаю, что делаю,
Зачем опять судьбу пытаю?

Зачем ручьями растекаюсь,
Звеню и стыну в тишине,
И в чем перед тобою каюсь,
И как ты нынче снишься мне?

Стою. Смотрю, как льды ломаются,
Забыв про горести вчерашние.
За что со мною только маются
Мои хорошие домашние?

* * *

И мои и твои следы
Не сплетались чтобы,
У тебя — зелены сады,
У меня — чащобы.

За твоим окном соловьи,
За моим — соболи.
Ты меня к себе не зови,
Здесь печаль особая.

Скоро вьюга снега совьет,
Не суди на слове,
Мои соболи твоих соловьев
Переловят.

* * *

Я устала, солнце огораживая,
Радоваться солнечным дарам.
Катится оно, мое оранжевое,
К острым, настороженным горам.

Катится оно, мое закатное,
К черному оленю на рога,
И на это зрелище занятное
Я смотрю, беспечна и строга.

Все дышу полынной горькой
сладостью
У ручного, тихого ручья.
...Вот и обернулась сила слабостью.
Вот и докомандовалась я.

* * *

Не зря сугробные перины
Тебе дорога подарила.
Заря из перьев снегириных
Тебя недаром покорила.

Не зря в туманы завернулись
Надежные мои леса,
Снегами, ветром захлебнулись
Их северные голоса.

Какую даль ты облюбуешь,
Коль я делами занята?
Зачем, метелица, лютуешь?
Зачем доверье замела?

* * *

Я ни бесславием, ни славой
С тобой одним не поделюсь,
Перед тобой нарядной павой
Своей красой не похвалюсь.

Ах, я не пава, я не пава!
Не говори такого зря!
... Вот по реке закат отплавал,
Ушел за дальние моря.

Не упрекай сегодня в лени,
Не рушь заветную межу.
... Руками обхватив колени,
У бела берега сижу.

Иркутск.

ХОЗЯИН ТУНДРЫ И ЕГО КАРТИНЫ

Легло прерывистой лентой над мягкими, едва намеченными холмами, тонущими в призрачной синеве, фантастическое северное сияние. Прозрачными кажутся силуэты тонконогих оленей... Придет весна, и это неясное, чуть брезжущее свечение потонет в бездонном половодье, частицу которого хранят многие картины Дмитрия Свешникова: «Над Северной Двиной», «Ледоход на Печоре», «Солнечный день». В них всегда многоцветное небо. Ликуя, оно отливает сразу и бледным золотом, и светлым серебром, и розово-голубым перламутром — смеющимися, жизнерадостными красками обновления.

Чем дальше на север, в глубь тундры, тем ослепительней это сияние. Свет, льющийся с неба, отражается еще и в зеркалах бесчисленных озер, захвативших огромное пространство.

Весна приносит людям тундры новые заботы и новую радость. Оживая, тундра цветет, наливается соками; жиреют на вольных кормах олени. Многотысячные рогатые стада похожи издали на движущийся кустарник.

Девушка и парень. Это «Два бригадира». Они намечают по карте маршрут движения стад в летние месяцы. Нельзя, чтобы оленьи пути пересеклись: тогда чьи-то стада останутся без корма.

У другой бригады маршрут уже установлен, и оленье стадо совершает свой неторопливый, торжественный «Переход на новые пастбища».

Прежде чем отправиться в путь, нужно пересчитать стадо, а это совсем не просто. На большом полотне «Оленеводы» художник запечатлел как раз такой ответственный момент...

Подготавливая материал для будущей картины, художник сам не раз принимал участие в подсчете оленей. Он стоял с мольбертом на островке, посредине того озерца, которое ближе к переднему плану картины, и не давал оленям забегать в воду. Когда все шло благополучно, он набрасывал этюды, запечатлевая либо стадо оленей, либо перешеек между озерцами, либо извивы берегов, стараясь перенести на этюд то особое состояние природы, которое потом, сколько уж ни старайся, ни за что не воспроизведешь по памяти.

Художник досконально изучил жизнь людей своего края. Он располагает тысячами второстепенных будто бы, но живых и крайне необходимых подробностей, которые непосвященному зрителю в картине не всегда даже бывают видны. Художник рад о них рассказывать. И рассказывает без конца, куда охотнее, чем о собственных картинах.

Случайно попав на Север, Свешников, уроженец средней полосы России, полюбил суровый край и остался с ним навсегда, поселившись в Архангельске, у берегов Северной Двины. Начал писать ее трудовой люд — бакенщиков, кораблестроителей, лесосплавщиков, ее набережные и порт. Писал, не приукрашивая, стараясь раскрыть самую главную красоту — внутреннюю.

Тундра... Она захватила художника. На первых порах материал захлестывал нетронутостью, неисчерпаемостью; хотелось запечатлеть все, рассказать обо всем. Но постепенно Свешников переходит к отбору главного, к большим обобщениям. Каждая картина становится страницей жизни, вбирающей множество фактов и образов, объединенных мыслью. Вскоре определяется и основная тема творчества: новое пришло в тундру. Советский человек, подчинивший природу сурового края, становится главным героем произведений художника, что бы он ни писал — пейзаж, жанровую сцену или портрет.

Склонилась над книгой «Заочница» — стриженая, в модном свитере жительница тундры, побывавшая, как видно, в больших городах. Но лишь вернувшись домой, девушка почувствовала себя особенно счастливой.

Молодой ненец взмахнул тынзе — длинной веревкой-лассо. Вот сейчас он набросит летящую петлю на сильного ездового быка, выбранного для хозяйской упряжки. Ездовых оленей меняют каждые сутки и берут только таких, какие отдыхали на пастбище не меньше месяца. Вот какие в тундре стада!..

Быстроногие олени — гордость и украшение «Ненецкого праздника»...

Свешников — счастливый художник. Когда открылась ему особенная красота северного края, край обрел своего летописца. Теперь его по праву зовут «Хозяином тундры» — так же, как называется одно из лучших произведений живописца.

Эльвира ПОПОВА

Д. Свешников. ОЛЕНЕВОДЫ.

ВЕЧЕР НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ.

«Огонек», 1964.

Д. Свешников. НАД СЕВЕРНОЙ ДВИНОЙ.

ДВА БРИГАДИРА.

Виктор ЛОГИНОВ

ЦВЕТ топленого молока

Рассказ

•

Матери, Марии Гавриловне.

1.

Мне снится детство: звезды в тумане, скользкое булыжное шоссе и корова Дочка цвета топленого молока. Никогда больше я не видел такого тумана, такого булыжника и коров такой масти. Туман был белым, как молоко, белым даже ночью. Булыжное шоссе в тумане было матовым, но когда туман разрывался, из каждого камня звезды высекали искру. А корова Дочка была для меня все равно что сестра: я и пас ее в сочных придорожных канавах, и бродил за ней по лесу, и спал рядом с нею в чулане. Масть ее поразила меня гораздо позже, когда мне стало сниться детство...

Все это было: и звезды, и туман, и булыжник в искрах. Я шел по шоссе с хворостинкой в руках. Перед моим носом маячил коровий хвост и мерно ступали две ноги с копытами. Иногда, как сквозь тонкую бумагу, просвечивали впереди рога и чуть выше их плыла кепка отца: он вел Дочку за веревку. Но иногда, как во сне, и хвост, и ноги, и все остальное пропадало, не слышно было и цоканья копыт по булыжнику. Я оставался один посреди неведомого мира и каждый раз испытывал жуткую радость — такое бывает только во сне и в детстве. Подхваченный страхом, я бросался вперед, и скоро опять маячил передо мною коровий хвост и покойно вышагивали две ноги с копытами: шла, шла, шла на веревке в новое жилище наша кормилица корова Дочка. И шел, шел, шел вслед за ней — к открытиям и искушениям — босой мальчишка, я, еще безгрешный, святой, как звезда на утреннем сивом небе.

Я был убежден, что все дороги, по которым ходил в детстве, прокладывал мой отец. И все мосты — через реки, ручьи и канавы — строил тоже отец. Он говорил: «Я дорожник». Он был дорожным десятником, потом техником. «Мост», «гравий», «дорога» — эти слова были в нашей семье такими же обычными, как «хлеб», «молоко», «соль», и все детство мое, вся юность казались мне сплошной нескончаемой дорогой. Я шел, ехал поездом и на подводах, трясся в кузове грузовика, и поэтому, когда мне снится детство, я вижу себя идущим или едущим. По дорогам отца, по мостам отца, за отцом, который ведет на веревке корову Дочку.

Из Бессоновки, деревеньки под Рыбинском, мы уезжали на юг тогдашней Ивановской области. Почти весь наш скарб был уже распродан, большой сундук с подушками, матрацами, шубами и валенками отвезен на станцию, деревянные чемоданы и корзины, сваленные у крыльца, ждали своей очереди. Я стоял у порога пустой комнаты и прислушивался к разговору отца с матерью. Они сидели на скрипучем ящике и решали судьбу нашей Дочки. Под окном выжидал покупатель — бородатый мужик в лаптях и линялой рубахе с перламутровыми пуговицами. В руках у него были завернутые в тряпицу деньги.

— Продадим,— сказал отец.

Мать заплакала.

Отец плюнул с досады.

— Не на веревке же ее вести через всю область!

Он сказал это и задумался.

Мать плакала. Я тоже всхлипывал. Нельзя было продавать нашу Дочку! Не купим мы такой Дочки...

Отец встал и объявил:

— Ладно, поведем.

Я выскочил во двор и закричал мужику:

— Дяденька, уходите, уходите отсюда! Мы не продадим нашу Дочку! Папа поведет ее на веревке!

Но я еще не знал, что отец и меня решил взять с собой. Мать должна была ехать поездом, а нам с отцом и с коровой Дочкой предстояло пройти километров сто напрямик, сначала проселочной, а потом шоссейной дорогой. В то время мне было лет девять.

И мы пошли...

2.

Мне кажется, что мы вышли очень рано. Но, может быть, это в другой раз и по другому делу я встал и вышел очень рано. Мать до сих пор уверяет меня, что вышли мы вечером, когда солнце уже стало красным. Мне же запомнилось совсем другое: утренний холодок, роса на лугу и солнце, которое не гасло, а раскалялось. Мы шли прямо на него, и я хорошо помню, что спросил у отца, за сколько дней можно дойти до солнца.

— За месяц можно? — спросил я.

А отец ответил:

— Не дойдешь и за год. Да зачем тебе? Туда не ходят. Туда и птица не долетит: крылья сгорят.

— А до луны за месяц можно? — продолжал я.

— Нельзя. Нет туда дороги. Да и ни к чему это. Что там хорошего?

— Там красиво, светло.

— Никто этого не знает: луна далеко.

— А когда узнают?

— Лет через сто, может, и то вряд ли. Чудес не бывает.

Да, это было в тот день и — теперь я убежден — утром. «Чудес не бывает»,— сказал мой отец. Но, опровергая его слова, всю дорогу вокруг меня творились чудеса. И начались они не под вечер, а именно утром, когда мы шли напрямик к солнцу.

Мне казалось, что солнце стояло на месте и было до него каких-нибудь километров десять — словом, рукой подать. Оно было такое большое и тяжелое, что край его, который опирался на дорогу, расплющился. И поэтому солнце было похоже на розовые ворота: подбеги к ним, переступи порожек — и очутишься на солнечном дворе. Какая, должно быть, удивительно розовая трава растет там! И по этой траве, по густым лугам непременно ходят красивые розовые люди!

Я вырывался вперед, торопил отца: успеть бы! Но он шагал хотя и широко, но медленно. Мое нетерпение лишь вызывало у него усмешку.

— Погоди, погоди, еще устанешь! Еще проситься домой будешь!

И я понял, что убедить отца, заинтересовать его розовым солнечным двором невозможно. Он шел, не озираясь по сторонам. Он вел корову. И это было для него сейчас самым главным.

Смирившись, я поплелся сзади. Солнце приподнялось, и хотя цвет его не изменился, оно уже не опиралось на дорогу, и теперь вряд ли можно было переступить тот порожек. А я ведь был уверен: припустись мы бегом — и успели бы, хоть краешком глаза да взглянули бы на те луга! Но отцу это почему-то было неинтересно...

Только я недолго огорчался. Стоило мне поглядеть вокруг себя — и сразу переселился я в заколдованный мир. Сначала мне бросились в глаза коровьи рога. Они были розовыми! Розовыми были и бока Дочки. И кепка отца тоже была розовая. Я задрал голову: пламенно-розовыми были и облака! И даже воздух казался чуть-чуть розоватым. Все, все вокруг было розовым! Мы шли мимо розового луга. Руки, ноги мои были розовыми. Я оглянулся: когда, где мы переступили порожек? Но дорога была прямая и гладкая — и до самой деревни она была розовая.

А солнце поднималось все выше и выше. И пока я рассматривал новый, чудесный мир, на солнце стало больно глядеть. Облака погасли и стали белыми. Заблестел луг. Блеснули белым огнем и коровьи рога. Дорога — и та стала поблескивать. Но ярче, ослепительнее всего блестело в небе солнышко. И я уже не удивлялся, что мы все — и отец, и я, и Дочка, и земля вокруг — так быстро из розовых становились сверкающими. Так должно и быть. Все-таки мы где-то незаметно переступили тот порожек! Розовые ворота остались за спиной, мы шли большим, удивительно солнечным двором. И это было, конечно, чудо.

Радуясь, я думал, что отец неправ: есть, оказывается, и дорога к солнцу. И идти по ней совсем легко, весело.

Мы прошли лес, деревню, еще один лес. Луна, которая долго была видна на небе, прозрачная, похожая на облачко, исчезла, словно растаяла. И опять я стал спрашивать отца: куда исчезла луна, где она прячется, почему светит только ночью?

— Какая луна? — удивился отец.— Где ты ее увидал?

Я показал, где она недавно чуть-чуть светилась.

— Не было там никакой луны, что ты придумываешь! — рассердился отец.— Надоели мне твои глупые вопросы. Солнце, луна... Идти еще далеко, молчи!

Я недоумевал: неужели отец действительно не видел луны? Я ее видел отчетливо. Но, может быть, он не заметил и розового луга? Он вел корову. Это было для него самое главное. Спросить бы?.. Но я побоялся. Отец мой часто сердился, и чуть ли не каждый день я получал от него подзатыльники.

Мы прошли еще один лес. В лесу куковала кукушка. «Ку-ку, ку-ку» — тридцать раз подряд. Мне суждено было прожить целых тридцать лет. Но кукушка тогда ошиблась. Я уже прожил больше. Может, не мне она пророчила? Может, загадывал и отец? Если так, она тоже ошиблась. Отец тоже прожил больше. Кукушка пророчила кому-то другому, и его, бедняги, как и отца, теперь уже нет на этом свете. Ведь я был уверен, что кукушка не могла ошибиться.

И еще один лес прошли мы — березовый, нежный. На лужку за лесом белоголовые девчонки, по виду мои одногодки, вели хоровод. На головах у девчонок были венки из одуванчиков. Было уже теплое, хорошее лето, и желтых одуванчиков везде росло видимо-невидимо.

Я и сам умел плести венки из одуванчиков и часто плел их для своих девчонок. Сплел бы я по венку и для этих, чужих, но таких красивых. Они родились и жили здесь, на солнечном дворе, на лужку, который рано утром бывает розовым.

Утром я торопился, а теперь мне хотелось, чтобы отец замедлил шаги. Он устал, наверно, отец. Почему бы ему сейчас не остановиться? Но он все шел и шел, не обращая внимания на девчонок. Он вел корову. Он шагал хоть и медленно, но широко.

Я сам остановился на минутку, спрятал хворостинку за спину, поглядел на девчонок. Тут бы мне и остаться на всю жизнь! Но я мог бы остаться только с матерью, с отцом и с нашей коровой Дочкой. А отец уводил Дочку все дальше и дальше, и хотя солнечный двор был широк, просторен, он уводил корову куда-то за его пределы. И я неохотно побежал за ним, то и дело оглядываясь. Девчонки заметили меня и стали махать руками. Я был им нужен. Может быть, они догадались, что я умею плести венки? Они махали руками, звали меня к себе. Но я покачал головой и побежал быстрее.

Где они теперь, эти девчонки? Розовый луг, не обдели их, беленьких, счастьем! Отними у меня, если не хватило для них, волшебный розовый луг!..

3.

На шоссейную дорогу мы вышли вечером. Это было обычное булыжное шоссе, из тех, которые встречаются и до сих пор. Но в те времена и они еще были редкостью, и мне казалось, что это главная дорога мира. Я не выдержал и опять спросил отца:

— Если идти все по ней и по ней, приведет она к морю?

— А зачем оно тебе, море? — сердито отозвался отец.— До него тыща километров. Ты его вовек не увидишь!

Отец не переваривал моих вопросов. «В кого он у нас пошел? — говорил он матери.— Не выйдет из него проку!»

Но не задавать вопросов я не мог. Они одолевали меня каждый день. Лет шести или семи я уже знал, как, почему родятся дети: старшие мальчишки охотно объясняли мне это. Но кто мне мог рассказать, как ухитряются люди на той стороне земного шара ходить вверх ногами? И почему нельзя разбежаться и, как во сне, полететь над землей? И какое оно, это синее море?.. Я получал подзатыльник за подзатыльником и все равно спрашивал и спрашивал. С тех пор прошло три десятка лет, но я по-прежнему, завидуя птицам, спрашиваю себя: почему все-таки мы не можем разбежаться посильнее и взмыть в воздух?..

Главная дорога мира уходила в темный еловый лес. На подходе к нему отец остановился на отдых. Пока он водил в деревушку доить корову, я насобирал в придорожном перелеске сучьев и хворосту для костра. Отец привел Дочку. Вымя ее, раздутое, тугое час назад, сморщилось. В руке отец нес большой котелок с молоком, из-за пазухи торчал у него каравай хлеба. Стреножив корову и привязав ей на шею колокольчик, отец шуганул ее хворостиной, и она ускакала на лужок. Колокольчик весело звенел. Отец развел малый огонь. Мы напились парного молока. Костер наш мало-помалу разгорался. В небе засветились одна за другой звезды. Темнело. Дочкин колокольчик звенел где-то далеко.

— Послушивай,— сказал отец и лег возле костра.

Обхватив руками коленки, я прислушивался к дальнему позваниванию и глядел на огонь. Вот еще чудо, этот огонь! Он всегда разный — и цветом и формой. Алые языки его отрываются и трепещут, словно пляшут в воздухе. В гуще их различаются то башни, то сказочные деревья, то вдруг мелькнет человеческое лицо. И чудно, и страшновато, и красиво — так, что глаз не оторвешь! Отец спал. Я сидел один. Вырывались из костра и куда-то улетали искры. Куда они улетали? И что это был за мир — над головой и вокруг меня? Что это был за темный еловый лес, в котором скрывалась главная дорога мира? Что за звезды светились на небесах? И чей там колокольчик тихо позванивал на лугу?..

Но колокольчик-то как раз уже и не позванивал. Я вскочил и сразу же увидел нашу Дочку. Она стояла в трех шагах от меня и тоже глядела на костер.

— Дочка, Дочка! — нежно сказал я.

Вскочил и отец.

— А-а, наелась, Марьина скотинка! — сказал он. Так он обычно называл корову.— Ложись, ложись!

Отец шлепнул Дочку по боку, и она послушно легла и, уже лежа, совсем по-человечески, грустно вздохнула. Она не знала, что с ней, куда ее ведут и, наверное, тосковала по своей хозяйке...

— Прикорни, — сказал отец. — Ночью-то пойдем. Лучше днем, в жару, отоспимся.

Но я, пожалуй, уже поспал немножко. Костер ворочался и лизал воздух только посередке, с краев он стал сизым и дрожал, как студень. Зола темнела, гасла.

В нашем котелке еще осталось много молока. У котелка была крышка. Я сгреб золу в одну кучу, вдавил в нее прикрытый котелок. Когда крышка приподнялась на шапке белой пены, я поддел ее палкой, отбросил, а затем палкой же подальше отодвинул засыпающий огонь. Молоко осело. Я снова закрыл его. Теперь оно будет томиться в горячей золе! Я любил топленое, с золотыми звездами жира молоко. От нашей Дочки оно получалось особенно вкусным. Недаром же мастью своей корова напоминала мне лакомый цвет топленого молока.

Мать томила молоко полдня, а то и целый день. Но у меня в запасе времени было мало. Я потерпел часа два, то и дело засыпая возле костра. Наконец мне надоело ждать, я вытащил котелок, остудил его в холодной и сырой траве и припал губами к теплому металлу, как к материнской груди. Я пил, и пил, и пил с наслаждением, но выпить все не смог.

Встал отец и допил остальное.

— Хорошо! — сказал он, вытирая ладонью рот.— Молодец! Ну, пора. Загаси-ка костер.

Я попробовал золу босой ногой — было жарко. В середке костра еще светилось, тлело. Я взял палку и шлепнул по костру — в самое сердце. И костер вдруг ожил: вздрогнул и вспыхнул. Я ударил по золе с краю, и она тоже ожила и ярко засветилась, как в сказке. Целый столб искр выдохнуло из костра, окатив меня с головы до ног. Испуганно промычала Дочка.

— Не так! — сказал отец и, расставив ноги, стал брызгать в алые, как облака на закате, угли.

Костер зашипел. Сказка кончилась.

Но мы снова пошли...

4.

Мать ошибалась. Теперь я наверняка помню, что пустились в путь мы утром. Днем мы миновали солнечный двор. Неведомо где остался и розовый луг и девчонки с венками. Как вошли мы в тот двор и когда вышли — никто не скажет, никогда мне не узнать этого. Но я надеюсь, что солнечный двор мне еще приснится не раз, и я уж обязательно разгляжу, где проходит та черта, за которой начинается сказка.

А пока что мне все снятся звезды в тумане, скользкое булыжное шоссе — та ночная дорога через темный еловый лес, главная дорога мира.

Маячит перед моим носом коровий хвост, и мерно ступают две ноги с копытами. Иногда, как сквозь тонкую бумагу, просвечивают впереди рога и выше их плывет кепка отца. Ночь кончилась: ее вытеснил туман. Мы скрылись в нем, словно в белом туннеле, и тоже как будто переступили порожек. Но теперь я точно знал, когда это случилось: дорога пошла под уклон, все под уклон, и мы спустились в туман, как в озеро,— сначала по колено, потом по грудь и, наконец, с головой. Я спустился первый и понял, что туман белый. Белый как молоко. Казалось, что туман можно было черпать пригоршнями. Сначала ничего не было видно в белом месиве, слышалось только цоканье копыт по влажным булыжникам. Дочка впереди поскользнулась. Отец прикрикнул на нее. Мне тоже стало трудно идти.

— Папа! Ничего не видно! — крикнул я.

— Что ты все выдумываешь? — отозвался отец.— Все видно. Звезды видно, лес. Туман лег низко.

Я подпрыгнул, и в вышине блеснули звезды. И еще я увидел коровьи рога и кепку отца. Мне показалось, что они далеко-далеко! Я бросился вперед и сразу уткнулся носом в хвост. Отскочил и подпрыгнул еще раз. Звезды светились! Но, чтобы видеть их, мне нужно было все время подпрыгивать: туман покрыл меня с головой. А отец и Дочка шли в тумане по горло. Но дорога все спускалась вниз, и отец вскоре проворчал:

— Как затянуло!..

Мои прыжки теперь стали бесполезными.

— Какой белый туман! — воскликнул я.

— Какой он белый? — проворчал отец.— Туман как туман. Темный.

— Да белый же!

Отец поскользнулся и выругался. Я перестал настаивать.

После, вспоминая ту дорогу, я раздумывал: мог ли быть туман белым? Может, я просто выдумал, что он белый? Может, он действительно был темным? Бывают ли белые туманы ночью? Не знаю. В ночную пору мне больше не довелось ходить в таком густом тумане. Но тот туман, который мне снится, всегда белый, белый, как молоко. Я щупаю его, черпаю пригоршнями, он течет между пальцев. Так ведь и было тогда: я взвешивал туман на ладошке, как воду, и он тек вниз, оседал на моей куртке, на штанах, промывал до блеска круглый булыжник...

Главная дорога мира повела нас в горку. Я подпрыгнул — и снова на миг увидел блеск звезд. Хотел подпрыгнуть еще раз, но звезды уже блестели и так. Туман разорвался, и из мокрого булыжника звезда высекла первую искру. Мы вышли на сухую дорогу и отряхнулись. Я пощупал свою куртку: она была мокрая.

— Утро близко,— зябко сказал отец.

На востоке легла по небу светлая промоина, и что-то там перекатывалось белое внизу.

«Туман!» — догадался я.

Дорога перевалила горушку, и то, белое, вспухшее в иных местах, как опара, я увидел впереди. Мы опять по колено, по грудь, с головой ушли в туман. Только здесь он уже не был таким густым. На лице я почувствовал ветер. Он гнал туман влево, к востоку. То и дело в гуще его образовывались светлые островки, и мокрый булыжник блестел от искр, высекаемых звездами. Вот тогда-то и стали просвечивать, как через прозрачную бумагу, коровьи рога и отцовская кепка...

А главная дорога мира все вела и вела нас вперед. Я стал засыпать на ходу. Иду с хворостинкой в руке и сплю. Очнусь и, не слыша цоканья копыт, вздрогну. Вокруг темный лес, туман белыми пятнами, далекие звезды в светлеющем небе. Жуткая радость охватит меня, и, с трудом сдерживая крик, я брошусь вдогонку по мокрому булыжнику, настигну отца с коровой, опять обрадуюсь. Отойдет страх, я снова усну, очнусь и, как отставший ягненок, брошусь вдогон...

На рассвете, когда погасли самые мелкие звезды, туман начал сгущаться, лег плотно, как и прежде. И тогда, сам не знаю как, я переступил еще один порожек.

Отец тоже приустал и вздремывал на ногах. Я это понял, когда один раз во сне обогнал его и, очнувшись, услыхал цоканье копыт сзади. Поравнявшись со мной, отец не сказал ни слова. Голова его была уронена на грудь. Я снова пристроился в хвост и побрел в строю. Но вдруг я вскинулся, словно вскочил. Было совсем светло. С минуты на минуту должно было появиться солнце. Остатки тумана клубились у моих ног. Я стоял на пыльном извилистом проселке. Пыль на нем была покрыта мелкими серыми капельками, как бы унизана бисером. Сквозь редкий туман проступали березы невдалеке. Звезд уже не было, но появился тающий полукруг луны, только совсем не там, где я его видел вчера. Ни шагов, ни голосов в этом пустом, беззвучном мире не было слышно. Как и ночью, когда отставал, я был один, совсем один. Главная дорога мира

исчезла, и с нею исчезли отец и Дочка. Я закричал что было сил. Короткое, близкое эхо разнесло по туману мой голос, усилив страх.

Я бросился вперед, но сразу же начался густой, темный, сырой лес. Я вернулся на прежнее место, закричал еще тревожнее и помчался в противоположную сторону. Где-то должна быть она, главная дорога мира! Я найду ее и по ней догоню отца!..

Неожиданно я заметил в пыли отпечатки своих ног. Но ни отец, ни Дочка по этому проселку не проходили. Значит, я один переступил где-то порожек, свернул с главной дороги мира. Роняя слезы, я припустился еще быстрее.

С налету я выскочил на мостик, сдержал бег, попятился и замер как вкопанный. Слева, справа и впереди серо поблескивала речка. Туман, как живой, клубился над ней, свивался кольцами, тек и таял. Середка мостика обрушилась в воду, из речки торчали острые балки и доски. Пролом был небольшой, метра два, но все-таки это был пролом, он зиял, как бездна. Как же я миновал его? Перепрыгнул ли? Прошел ли по дощечке, которая свалилась в воду после моего последнего шага? Или, может, кто-то добрый перенес меня? Это был уже не сон. Я не спал! Я видел у себя под ногами обломки моста!..

— Ты как попал туда? — раздался испуганный голос отца. Он привстал с земли на том бережку и словно не верил своим глазам. Рядом с ним стояла и смотрела на меня Дочка.— Ты перепрыгнул? — спросил отец.

Я ничего не ответил и стоял над пропастью, потрясенный.

— А я думал, ты отстал,— говорил отец.— Бегал искать тебя... Так ты что же это?..

Дочка вытянула в мою сторону морду и замычала.

Ах ты, Дочка, корова хорошая наша! Я засмеялся от радости.

— Чумной! — сказал отец.— Провалиться мог...

— Папа, а где же главная дорога мира? — спросил я.

Отец плюнул и топнул ногой.

— Ты опять за свое! Стой там, я брод найду. Какой-то вахлак мост обрушил! Теперь ремонтировать придется.

Отец снял штаны и полез в воду. Я смотрел, как он щупает ногой дно, и думал, что, наверное, мы уже близко от нашего нового дома. Где этот дом и какой он, я еще не знал...

И не узнал я так, когда кончилась главная дорога мира и где я перешагнул еще через один порожек.

5.

И теперь все это мне снится и снится. Я вижу и белый туман, и мокрый булыжник, и нашу Дочку цвета топленого молока. Я сижу у костра, он вздымается, трепещет и окатывает меня искрами. Я иду по бесконечному солнечному двору мимо розового луга, мимо заповедных стран. Я иду, мальчонка с хворостинкой в руке, а моя главная дорога мира еще так длинна, и еще так много порожков впереди, и столько еще мне придется увидеть, узнать, а потом и рассказать о всех чудесах людям!

И снится и не снится мне все это. Жизнь моя льется и льется, я иду и оглядываюсь. «Не оглядывайся! — твердил мой отец.— Не спрашивай! Не выдумывай!» Но я все оглядываюсь, спрашиваю, выдумываю. Нет, отец, ты не виноват, что я вырос таким!

Я иду от порожка и до нового порожка. Сколько их было — всех не перечесть. Только хочется мне угадать, где я переступил порожек, за которым у меня вспыхнуло желание все рассказать людям. То, что было, и то, чего никогда, может, и не было. Где он, тот порожек? Не тогда ли я, мальчонка с хворостинкой в руках, занес над ним свою ногу?..

Может, и не тогда... Но все равно не забыть мне, как с отцом мы вели и вели нашу корову Дочку. И, знать, недаром все-таки была та дорога, и не все еще я рассказал о ней людям, если решил вдруг всех друзей пригласить к путешествию в детство. И друзей и всех, кто захочет. Без этого нельзя. Человеку обязательно надо побродить по розовому лугу и хоть раз увидеть, как из обыкновенного камня звезда высекает живую искру.

Рисунок И. Гринштейна.

прежнего блеска, рассовали людей, многие годы видевших только деревянные нары, колючую проволоку да сторожевые вышки лагерей.

Что дальше? Никому из заключенных не известно. Из разных концов гавани доносятся взрывы: экипажи нацистских подводных лодок взрывают свои суда, переодеваются в штатское и бегут, бегут.

На палубе «Кап Аркона» усиленные эсэсовские караулы.

Ждать? Чего?

Руководители лагерной организации сопротивления — немцы, русские, французы, итальянцы, норвежцы — собираются на совет. Нужно попытаться что-то сделать. Быть может, удастся отбить судно, вышвырнуть за борт эсэсовских охранников. Ведь освобождение так близко!

Но захват судна не удалось осуществить.

Третьего мая над «Кап Аркона» появились английские бомбардировщики; полетели бомбы. «Корабль смерти» загорелся, начал тонуть. С самолетов по пылающему судну, по людям, вырвавшимся на палубу, били из пушек...

Более четырех тысяч человек, которые выжили в концлагерях и тюрьмах нацистов, погибли за несколько часов до вступления в Нейштадт танков союзников.

Среди тех немногих, кто спасся, был заключенный концлагерей Дахау и Нойенгамме Эрвин Гешоннек.

Эрвин Гешоннек

ЧЕЛОВЕК С «КАП

Генрих ГУРКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Неуловимый Эрвин

Женский голос, вежливый и твердый:

— Эрвин Гешоннек на студии ДЕФА. У него съемки.

Набираю номер студии.

— Да, был. Где сейчас? Кажется, на телевидении.

Звонок туда.

— Репетиция только что кончилась. Гешоннек уехал. Он собирался на дискуссию в какой-то молодежный клуб. В какой именно? Сожалею, это мне неизвестно.

Пытался я застать его дома — безуспешно. Звоню в восемь, его уже нет. Звоню в полночь — еще нет. Да, один из популярнейших артистов ГДР, лауреат Национальной премии Эрвин Гешоннек, поистине неуловим.

Пробую последний вариант: прошу друзей из берлинского журнала «Вохенпост» какимнибудь образом передать Гешоннеку, что я привез ему письма.

— Скажите так: письма от людей, которые были с ним вместе на «Кап Аркона».

«Кап Аркона»... Это слово подействовало, как пароль. Вечером мне сообщили:

— Эрвин Гешоннек ждет тебя завтра.

Корабль смерти

Что такое «Кап Аркона»?

Горделивый трехтрубный красавец с роскошными каютами, отделанными благородным деревом, с переходами, покрытыми тяжелыми коврами, с хрустальными люстрами — таким был когда-то лайнер «Кап Аркона», одно из самых дорогих судов, бороздивших моря и океаны. На его борту устраивались торжественные приемы и банкеты. Здесь пили шампанское и танцевали чарльстон миллионеры Европы и Америки. «Это судно для немецких условий слишком большой шик и слишком дорогое удовольствие. Слава богу, за рубежом есть люди, которые могут позволить себе плавать на нем»,— говорил один из директоров пароходной компании во время первого, пробного рейса «Кап Аркона».

Тем, кто оказался на «Кап Аркона» весной 1945 года, не пришлось оплачивать место на борту. Необычные пассажиры были одеты не во фраки. В полосатые арестантские куртки. Их доставили в товарных вагонах в Любекский порт из концентрационного лагеря Нойенгамме.

Апрель 1945-го... «Тысячелетний рейх» доживал последние дни. Артиллеристы Советской Армии писали на снарядах: «По Берлину, по Гитлеру!» В бетонных бункерах имперской канцелярии сжигали секретные документы.

В эти дни командование войск СС и имперское управление безопасности, заметая следы, приняли решение: уничтожить живых свидетелей нацистских зверств — узников концлагерей. Тех, кого не успели уничтожить раньше. Гиммлер отдал приказ: ни один из заключенных не должен попасть в руки союзных войск.

Судно «Кап Аркона» стояло в Любекской бухте, возле города Нейштадт. Никому не нужное. И кто-то из подручных гестаповского главаря предложил превратить его в плавучую могилу для тысяч особо опасных политических заключенных. Корабль должен был выйти с живым грузом в море и исчезнуть. Бесследно, навсегда.

Чудовищный проект одобрили. И в течение трех дней на борт были доставлены 4 700 человек.

...По залам и каютам, еще не потерявшим

Дорогой чести и бесстрашия

Помните, год назад на советских телевизионных экранах с огромным успехом шел фильм «Совесть пробуждается»? Судьба бывшего полковника гитлеровского вермахта Рудольфа Петерсхагена, его сложный путь к правде стали темой большого разговора, в котором приняли участие миллионы зрителей. И не в последнюю очередь потому, что актер Эрвин Гешоннек великолепно сыграл роль полковника, коменданта Грейфсвальда, нарушившего приказ Гитлера, сдавшего город без боя советским войскам и спасшего тем самым тысячи жизней.

Вряд ли можно найти две биографии, которые бы так не походили одна на другую. Рудольф Петерсхаген — кадровый офицер, воспитанный в традициях прусской военной знати, до сталинградского протрезвления не знавший другой формулы, кроме «приказ есть приказ». И Эрвин Гешоннек — рабочий, потом безработный. Человек, сознание которого формировали классовые бои. «Красный агитатор». Солдат партии Тельмана.

Эмиграция, арест гестаповцами. Тюрьмы, концлагери... Через все это прошел Эрвин Гешоннек. И вот он должен был сыграть роль человека с «другого берега».

Я познакомился с Гешоннеком в Москве, в посольстве ГДР. Он рассказал, с какими сомнениями начинал работу над этой ролью:

— Первая мысль: играть фашистского офицера, полковника вермахта? Ну нет, это не для меня. Эти люди слишком чужды мне. Эсэсовских надзирателей я неплохо знаю. Я их годами наблюдал в непосредственной близости. Но сыграть офицера вермахта да еще показать его с хорошей стороны — это была для меня не очень-то легкая задача.

Петерсхаген и Гешоннек встретились. Встретились и нашли общий язык. Потому что едина сегодня их дорога. Та, на которую еще в 20-е годы стал коммунист Гешоннек. Та, к которой пришел честный и мужествен-

ный патриот Петерсхаген, порвавший со своим прошлым, с милитаристской кастой.

В № 1 за 1963 год «Огонек» рассказал о фильме «Совесть пробуждается» и привел несколько эпизодов из биографии Эрвина Гешоннека. В редакцию пришло немало писем-откликов. Среди них было три особенных.

Три письма в «Огонек»

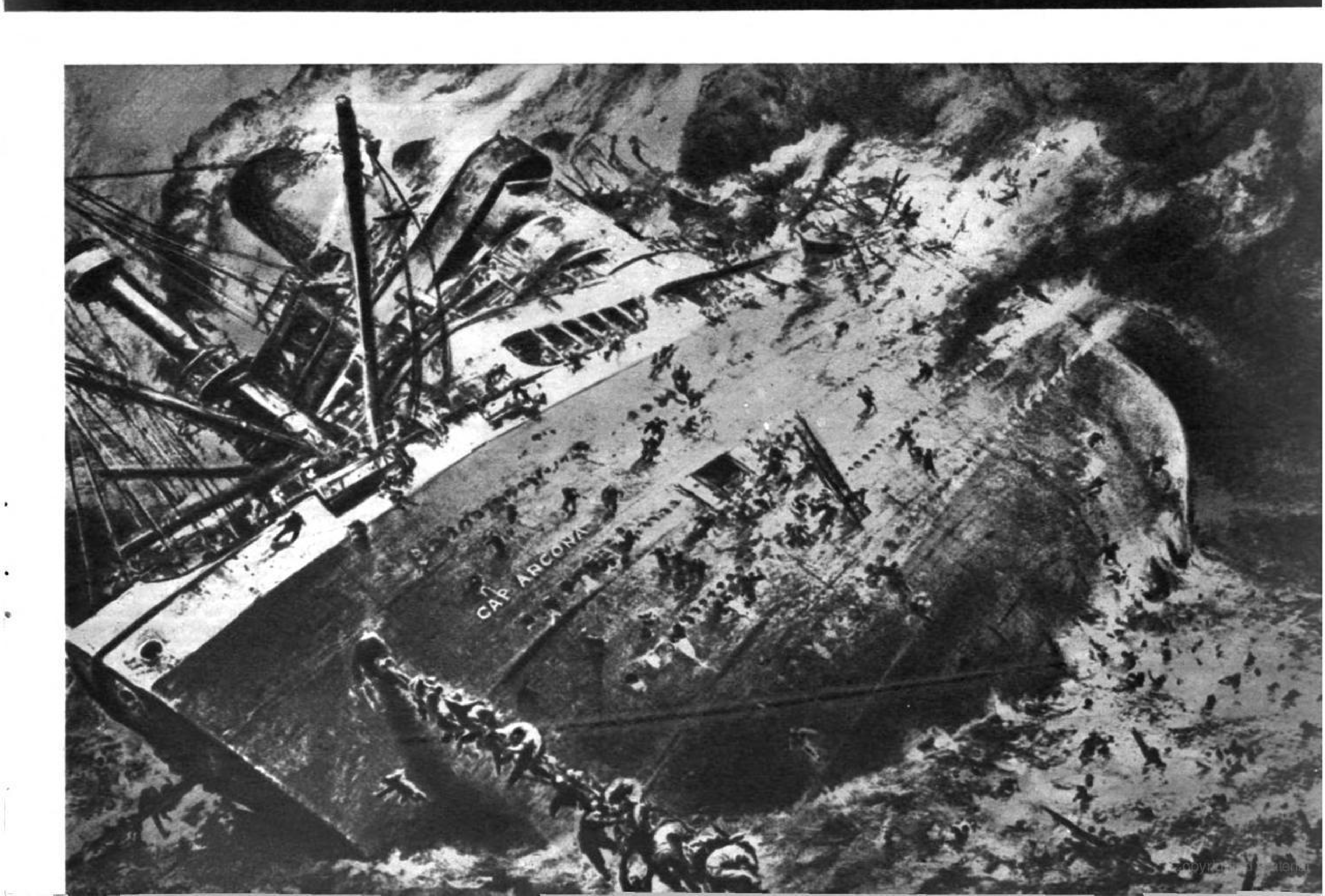
«Вы напечатали статью «Восстание совести», в которой рассказывается об Эрвине Гешоннеке. Я пишу это письмо потому, что вместе с ним был заключенным концлагеря Нойенгамме. До лагеря у меня был очень тяжелый путь. В 1942 году под Полтавой я попал в окружение. Ну, а дальше—«гитлеровская свобода». Находясь в Гарце, в лагере Крумпринге, я совершил побег. После 45-дневного скитания, измученный и голодный, опять попал в руки гестаповцев. После долгих пыток и истязаний меня отправили в штрафлагерь в городе Ганновер. Потом Кельн, концлагерь Дахау, наконец, Нойенгамме, откуда мы вместе с Эрвином Гешоннеком 31 апреля 1945 года были отправлены в город Любек. А там с первого мая по третье находились на пароходе «Кап Аркона». Третьего мая пароход был разбит бомбами с английских самолетов. Я находился в носовом отсеке. Отсек был закрыт металлической решетчатой дверью, которую мы взломали и выскочили на палубу. Пароход горел, всюду огонь. Пробираясь на палубу, приходилось идти через огонь, я обжег себе руки и лицо. Многие прыгали за борт. Я спустился в море по канату. Отплыв от парохода, я оглянулся и увидел, что вся якорная цепь была облеплена людьми. Попрощавшись с пароходом, я поплыл в сторону города Нейштадт. В нескольких метрах от меня прошел катер, стреляя в плывущих из пулеметов. Я остался в живых. Пробыл в воде около двух часов. Подобрали меня англичане. Лежал у них в госпитале... Сейчас

Liebe Genossen!
Die herzlichsten Grüße
von Eurem alten Kumpel
aus dem K.Z. Lager Dachau
und Neuengamme.
In tiefer Freundschaft
Erwin Geschonneck

Эрвин Гешоннек попросил передать через «Огонек» самый сердечный привет друзьям, с которыми был вместе в нацистских концлагерях.

АРКОНА»

Трагедия 3 мая. Это был ад, вспоминают те, кому удалось спастись. По их рассказам сделан этот рисунок.

я работаю на шахте. У меня жена и двое ребятишек. Живу очень хорошо. Я прошу, дорогой «Огонек», передать сердечный шахтерский привет Эрвину Гешоннеку, замечательному человеку и моему другу, верному коммунисту.

Лазоренко Петр Степанович
Луганская область, г. Красный Луч,
поселок Мирный».

Другое письмо пришло от Евгения Александровича Матвеенко из города Слоним, Белорусской ССР. Он был заключенным концлагерей Освенцим (лагерный номер 100824) и Нойенгамме (лагерный номер 24627). Он тоже знал Гешоннека. Был вместе с ним на «Кап Аркона». Чудом спасся. «Много товарищей, находившихся в концлагере и на «Кап Аркона»,— пишет Е. А. Матвеенко,— уехали к себе на родину: во Францию, в Польшу, в Советский Союз, в Германию. Хорошо бы узнать, как они живут, что делают».

А вот третье письмо:

«Эрвина я видел на якорной цепи, их там было несколько человек. Один кричал от боли: цепь от крена горящего корабля натягивалась, и его ногу сжимали кольца. Сколько человек погибло, трудно сказать. Как хотелось бы встретиться с бывшими товарищами по аду. После катастрофы осталось в живых человек триста, из которых, наверное, человек двести в Советском Союзе. Где они? Я не знаю. Я находился на палубе в тот день, 3 мая. Я видел, как налетели самолеты с кругами на крыльях. Они сбросили бомбы, а потом со второго захода били по горящему и тонущему кораблю из пушек и пулеметов. 3 мая был теплый, солнечный день. С утра на берегу были видны вспышки выстрелов, пожары. Корабль окружала холодная светлозеленая вода, а на воде — около пятидесяти катеров. Так не хотелось умирать, а все кругом было приготовлено для смерти...»

Прислал это письмо Николай Жук. Из Полтавской области, со станции Сула.

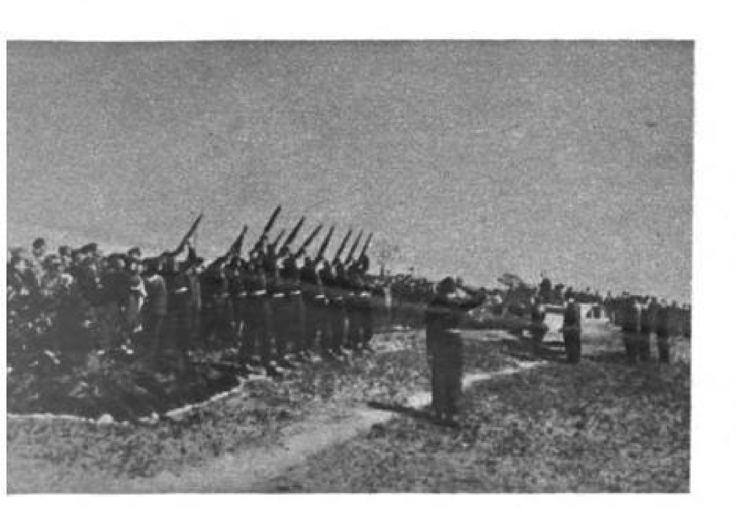
Письма я взял с собой в Берлин. И принес их в клуб «Мёве», где должен был встретиться с Гешоннеком.

Эти неопубликованные фотографии передал нам Эрвин Гешоннек. Они сделаны в первые дни после вступления в Нейштадт войск союзников. На нижнем снимке — салют в честь погибших на «Кап Аркона». Верхний снимок показывает группу руководителей подпольной организации сопротивления. Рядом с английским военным комендантом — представители заключенных. Четвертый справа — Эрвин Гешоннек. Пятый справа — Василий Бругеев.

Кто знает, где он сейчас? Кто может назвать имена остальных?

Встреча в «Мёве»

Я уже бывал здесь прежде, в этом уютном доме, где постоянные гости — писатели, художники, актеры театра и кино ГДР. Видел большой стенд, на нем фотографии крупнейших мастеров культуры республики — Бертольт Брехт, Иоганнес Бехер, Элена Вайгель, Ханс Эйслер, Курт Метциг, Вольф Кайзер. И Эрвин Гешоннек.

Ждать не пришлось. Вот и он.

Высокий, чуть сутуловатый, седой. Вместе с ним жена — актриса Дорис Вейков. Красивая, большеглазая. Она сыграла главную роль в фильме студии ДЕФА «Белоснежка и семь гномов».

Я передаю Гешоннеку письма. Он просит прочесть их. Читаю. Эрвин явно взволнован. Жена то и дело смахивает слезинку.

— Я тоже получил несколько писем от старых товарищей,— говорит Гешоннек.— Вот посмотрите.

Одно из писем прислал в Берлин Е. А. Матвеенко.

«Дорогой Эрвин,— пишет он.— Поздравляю тебя. Желаю счастья тебе и твоей семье. Будем крепить нашу дружбу, как мы ее крепили в застенках лагерей смерти, дружбу, которую пронесли через все муки и страдания, через все невзгоды и дожили до счастливых дней, когда моя великая Родина — Советский Союз — и твоя — Германская Демократическая Республика — растут, развиваются и набирают все больше сил на благо мира и прогресса человечества».

Виктор Кленко из Орехово-Зуева писал на немецком языке: «Дорогой товарищ Гешоннек! Мы с вами познакомились в Дахау. Вы были тогда в блоке 25 или 23. Нас познакомил Евгений Проскура. Я очень хотел бы знать, где находятся сейчас некоторые из немецких товарищей. Вы, наверное, помните Юлиуса. Он помог нам, четырем русским, бежать из лагеря.

Я очень рад, что вы, артист, боретесь за новую Германию, что вы навсегда сказали «нет» фашизму и войне».

И еще в конверте были стихи. На русском и немецком языках:

«Весенние ночи свободу пророчат.
Охрана для нас не страшна.
В свободе вскормленным, в свободу
влюбленным
Дорога к свободе ясна».

Короткая строчка в конце: «Концлагерь Дахау, 1944 год».

И еще были письма. От Николая Павловича Яковлева из города Еманжелинска, Челябинской области. После возвращения домой он был плотником, каменщиком. Сейчас работает начальником строительного управления. «Все хорошо, друг. И очень хочется с вами встретиться. В лагере мы друг друга не знали, но пережитое вместе должно связать нас настоящей, большой дружбой. С уважением к вам (к тебе) Николай. Лагерный номер 3120».

Александр Андреевич Дернов из Березников, Пермской области, пишет: «Я очень взволнован, что хоть на страницах журнала встретил дорогого мне человека, Вас, товарищ Гешоннек, с которым так много выстрадано. Я рад, что Вы активно участвуете в строительстве социализма в ГДР. Жму Вашу руку, хорошо бы с Вами повидаться...»

— Да,— говорит Эрвин Гешоннек,— это было бы очень хорошо — собрать людей, которые оказались вместе на «Кап Аркона». Нас ведь был там целый интернационал — из всех стран Европы. Все прошли через нацистские застенки. Мы держались крепко, плечом к плечу. И вот встретиться сейчас, почти через двадцать лет после того страшного времени, и задать друг другу вопрос: «Что ты делаешь, чтобы такое не повторилось?» Отчитаться друг перед другом, перед своей совестью, перед памятью погибших товарищей за все, чем живешь сейчас.

Эрвин Гешоннек показывает фотографии.

— Видите, это салют в честь погибших на «Кап Аркона». А это представители военнопленных, находившихся на судне, руководители подпольного сопротивления. Все в английской форме: другой одежды не было. Вот эти люди русские, одного из них звали майор Бругеев. Других я не знаю. Где они?

Живые, отзовитесь!

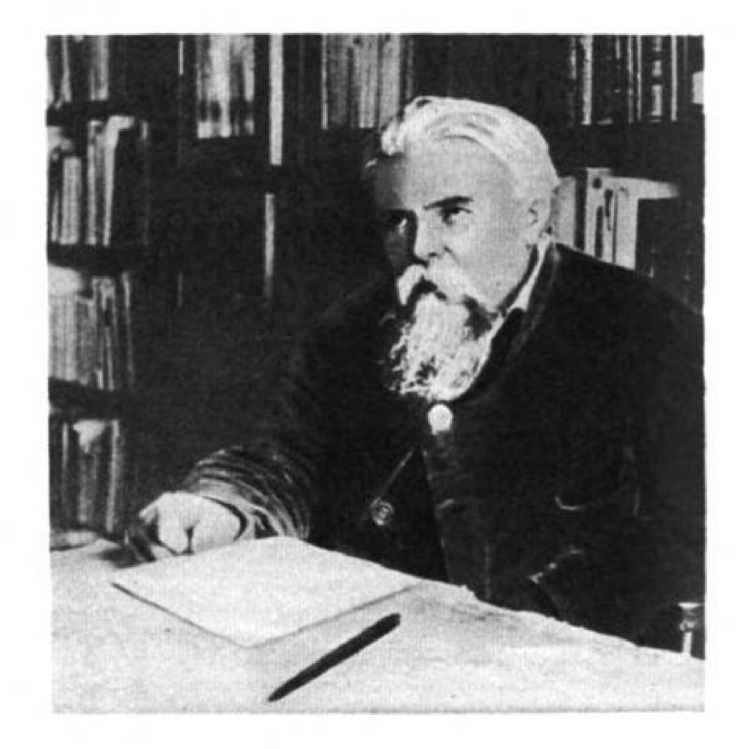
Эрвин Гешоннек передал «Огоньку» и немецкому журналу «Вохенпост» сохранившиеся у него фотографии. Мы публикуем их. И обращаемся ко всем, кто был на «Кап Аркона» и кто знает находившихся в этом плавучем концлагере:

— Живые, отзовитесь! Ждем ваших писем, вашего рассказа о братстве людей разных национальностей, родившемся за колючей проволокой в страшные дни нацистских концлагерей.

Живые, отзовитесь!

Берлин — Москва.

Просветитель, патриот

В. ПРОКОПЕНКО,

В. РОМАНОВ

В последнее время сотрудники Центрального государственного архива Октябрьской революции обнаружили большое число редкостных документов, раскрывающих совершенно не изученную область деятельности Николая Александровича Рубакина — его связь с русским революционным движением. Это статья, основанная на совершенно секретных документах царской охранки, императорского министерства внутренних дел и департамента полиции.

...Петербург 1883 года. Студент физико-математического факультета, 22-летний Рубакин, сын городского головы Ораниенбаума, вступает в нелегальное студенческое общество, носившее название «С.-Петербургская студенческая корпорация». Мы можем судить о первых революционных шагах Рубакина по следующему документу департамента полиции: «Некоторые из членов (Корпорации)... настолько прониклись сочувствием к преступному движению, что заявили требование об изменении первоначального устава в видах более тесного общения с революционною партией и оказали содействие последней...В числе лиц, подвергнутых обыску, находился и Рубакин, у коего были найдены преступного содержания заметки и стихотворения и листок для сбора пожертвований политическим ссыльным. Рубакин, как это установлено дознанием, состоял членом Корпорации и занимался распространением революционных изданий. По высочайшему повелению 10 мая 1886 года Рубакину вменен был в наказание предварительный арест с подчинением его затем гласному надзору полиции на один год...»

Такой оборот событий не обескуражил будущего литератора. Ничто не помешало Рубакину блестяще окончить в 1887 году университет. Ректорат университета вынужден был принять решение о присуждении Н. А. Рубакину золотой медали.

По окончании университета Николай Александрович длительное время проводит среди рабочих на фабрике своего отца в Стрельне. Воочию увидев ужасающую неграмотность и невежество трудящихся, Рубакин решает посвятить жизнь делу народного просвещения.

Поселившись в Петербурге, Рубакин взял на себя заведование библиотекой своей матери Лидии Терентьевны. Библиотека эта вскоре стала одним из самых важных общественных центров столицы. Книгами ее широко пользовались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, Ю. О. Цедербаум (Л. Мартов), Е. Д. Стасова. Это была первая в России библиотека, бесплатно снабжавшая литературой марксистские рабочие кружки. К тому времени относится и начало активной просветительской деятельности Рубакина. Любопытен следующий документ департамента полиции: «Обширная переписка Рубакина с лицами, проживающими во всех концах империи, притом в большинстве политически неблагонадежными, рисует его как личность крайне деятельную, принимающую на себя поддержку нарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им высылаются книги тенденциозного содержания... Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противоправительственного образа мыслей, преподает советы и указания по вопросам систематического чтения, рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения Маркса, Минье («История французской революции»), Лавеле «Социализм» и т. п. Независимо сего Рубакин лично и при участии других лиц занимается издательской деятельностью, содействуя появлению в свет переводов сочинений в высшей степени тенденциозного направления...»

Удивительно широк по своей социальной разнородности круг корреспондентов литератора — студенты, писатели, учителя, библиотекари, рабочие, крестьяне, солдаты... Гомельскому рабочему Рубакин обещает выслать учебники и свои книги; витебская молодежь просит Рубакина помочь ей в организации библиотеки «тенденциозного направления».

В это время Рубакин выступает одним из инициаторов и создателей С.-Петербургского Комитета грамотности.

Работа Комитета грамотности, снискавшего симпатии в обширных кругах русского общества, не могла не вызвать сильнейшее неудовольствие правящей клики. Министр внутренних дел Дурново писал графу Делянову, министру народного просвещения: «...Если принять во внимание, что во главе одного из наиболее деятельных по распространению книг учреждений, С.-Петербургского Комитета грамотности, стоят несколько лиц, политическая благонадежность которых более чем сомнительна, и что в издании и распространении народной литературы принимают горячее участие лица, известные своим либеральным направлением, как Рубакин и многие другие, то представляется весьма вероятным, что указанное выше движение будет развиваться систематически в духе, несогласном с видами правительства...»

Русская охранка решила уничтожить еще одно прогрессивное начинание. Вот выдержка из поражающего откровенным цинизмом иезуитского документа: «События последнего времени последовательно наталкивают на необходимость обратить серьезное внимание на Комитет грамотности и устранить из его состава всех лиц, пользующихся комитетом как орудием для достижения своих противоправительственных целей. Вот программа, которой надо следовать в нашей подготовительной работе:

...3) Обыск у Рубакина, в распоряжении которого имеются, кроме легальной, и нелегальные библиотеки, надо поставить на очередь. В справку о нем необходимо внести все его сношения с самыми разнообразными лицами из разных мест империи. Он является, несомненно, весьма важным центром и, кроме распространения легальных изданий Комитета грамотности, видимо, занимается и делами не вполне легальными...»

От внимания жандармов не ускользнул все более явный интерес Рубакина к социалистической литературе Запада, к марксизму. 8 сентября 1893 года Рубакин пишет одному из своих корреспондентов: «Пользуйтесь случаем добыть сочинения Маркса, книга очень интересная для провинции».

На рапорте, сообщавшем об этом письме, директор департамента полиции положил резолюцию: «Не пора ли принять серьезные меры против Рубакина?»

Полиция выясняла связи писателя с революционными кружками столицы. Пристальное наблюдение установило связи Рубакина с Н. К. Крупской, В. Д. Бонч-Бруевичем, Л. Мартовым, Марией Цебриковой... В одном из писем Н. К. Крупской Рубакину, хранящихся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, есть такие строки: «...нередко вспоминаю с добрым чувством старые времена, когда частенько забегала в Вашу библиотеку и Вы давали всегда массу сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими...»

Конечно, говоря о политических взглядах и революционных концепциях Рубакина, ни в коем случае не следует забывать о его заблуждениях и очевидной непоследовательности в этом отношении. В. И. Ленин, очень высоко ценивший деятельность Н. А. Рубакина и многократно использовавший его произведения в своих работах, в положительной в целом рецензии на II том сочинений Рубакина, «Среди книг», отметил эклектизм автора.

Взгляды Рубакина на классовую борьбу, на революцию были, в сущности, синтезом политического кредо революционных демократов-просветителей.

Об огромных масштабах просветительской деятельности Рубакина

может свидетельствовать хотя бы тот факт, что им было написано и разослано свыше 15 тысяч (!) индивидуальных программ по самообразованию. «Скоро я буду праздновать мой книжный юбилей,— писал Н. А. Рубакин М. Лебедевой 14 марта 1898 года,— исполнится 1 миллион томов, выброшенных мною на рынок, как автором, редактором и иным инициатором, и, как всем известно, не залежавшихся. Но что это за крупица на 40—50 миллионов неграмотных!»

Однако в данном случае Рубакин явно принижал свое влияние. Протоколы допросов арестованных жандармами рабочих ярко свидетельствуют о большом доверии и уважении трудового народа России к своему писателю.

Для характеристики жизни и творчества Николая Александровича особенно важно отметить его постоянные многочисленные поездки в десятки городов и сел России. Именно материалы, полученные писателем во время таких поездок, а также секретные сведения, почерпнутые им в период работы в статистическом комитете Министерства внутренних дел позволили Рубакину создать такие непревзойденные по своему обличительному пафосу произведения, как «Россия в цифрах», «Наша правящая бюрократия в цифрах», «Государственный совет в цифрах»... Впоследствии, в 1913 году, характеризуя статьи английской рабочей печати о связи финансовых операций с высшей политикой, Владимир Ильич Ленин писал: «...Картина получилась вполне подобная той, которую нарисовал однажды по русским данным Рубакин, писавший о том, сколько крупнейших помещиков в России состоят членами Государственного совета, высшими сановниками,— теперь можно добавить: членами Государственной думы, пайщиками и директорами акционерных компаний и т. д...»

Преследования охранки в 1905—1907 годах становятся нестерпимыми. И в 1907 году Николай Александрович навсегда покидает Россию и поселяется в Швейцарии.

В одном из писем на родину в 1932 году Николай Александрович писал: «...Здесь, в Швейцарии, я нахожусь вот уже 25 лет и работаю, ни на минуту и никогда не чувствуя своей отрезанности от родной страны,— жил, живу и всегда буду жить и питаться прежде всего духом ее социалистического строительства. Вы знаете, что еще задолго до падения царизма я был энтузиастом и фанатиком рабоче-крестьянского строя. На такой платформе остаюсь я и по сей день».

...Вскоре после Октябрьской революции Рубакин с гордостью объявляет себя гражданином Советской России, постоянно разоблачает злобные, клеветнические выпады против нее, рассказывает западным читателям правду о первом в истории государстве рабочих и крестьян.

В 1930 году за выдающийся вклад в развитие советской литературы и дело народного просвещения Советское правительство назначает Рубакина персональным пенсионером Совнаркома СССР. В 1946 году писатель умер. Через год обширное литературное наследие Рубакина и библиотека в 80 тысяч томов, согласно его завещанию, были переданы из Швейцарии в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Хамид ГУЛЯМ

Золото народного труда

В Узбекистане осень выдалась на славу. Она и пришла и ушла по календарю; была жара летних месяцев и спокойная краса южной осени. И она кончилась: первого декабря — в тот день с утра закружились над еще не совсем оголенными тополями хлопья снега.

Сухая, тихая, золотая осень кстати всюду. Она растит и бережет урожай, как любящая мать свое дитя. Такая осень нужна особенно у нас, на юге, в стране белого золота, где каждый погожий день — это двадцать тысяч нагруженных хлопком грузовиков марки «ЗИЛ» и плюс столько же картошки, помидоров, риса, фруктов, мяса, молока, вместе взятых.

Если с утра испортится погода, сгустится туман и пойдут дожди, всего этого добра будет гораздо меньше — оно сократится в пять, десять раз.

Но не только осень спасла урожай. Его собрали добрые руки миллионов людей и творение этих рук, десятки тысяч первоклассных советских голубых кораблей — хлопкоуборочные комбайны.

В Узбекистане еще никогда не было выращено столько хлопка. Еще в ноябре было сдано в закрома Родины 3 570 тысяч тонн, и, что весьма примечательно, почти 90 процентов — первым сортом. Только одна Андижанская область — эта жемчужина отечественного хлопководства — сдала 808 тысяч тонн белого золота. А по урожайности вновь занял первое место Хорезм — древний и юный. Здесь урожайность превысила 30 центнеров с гектара, здесь с честью выполнен наказ большого друга хлопкоробов Н. С. Хрущева: все хозяйства могут и должны получать урожай хлопка не менее 25 центнеров с га!

Год ушедший был годом необычным для нашего народа. Во всем великолепии раскрылись богатства его физических и духовных сил, красота его трудового подвига.

...Это началось еще весной. Она принесла с собой не только тепло, но и неожиданные капризы: ливни, град. Самыми страшными были селевые потоки, хлынувшие с гор в долины. Эти потоки смывали почву вместе со всходами хлопчатника. Они бесчинствовали всюду: на полях и Ферганской долины, и Самарканда, и Хорезма, и далекой Кара-Калпакии. Разрушались каналы, дороги. Я видел в Папе, как крупный град размером с грецкий орех разбил голову теленку...

Начались пересевы. Хлопчатник пересевали по нескольку раз. На больших площадях. Вплоть до начала июня. Скептики, удивляясь, пожимали плечами. Народное дерзновение кое-кто называл «безумием». Но кто верил в свое дело, продолжал упорствовать в труде, мужественно боролся со стихией и победил. Зарубцевались весенние раны, щедрая земля покрылась зелеными квадратами.

В самый разгар уборочной страды приехали к нам наши дорогие братья и сестры — мастера литературы и искусства России. Их непосредственный вклад в наше хлопководство, естественно, носил лишь символический характер — каждый из них собрал по нескольку килограммов хлопка. Но они очень хорошо помогли нам, воспев своим сердечным словом, песней, искусством труд хлопкоробов.

Узбекистан встретил гостей из России сказочными подарками: сотнями тысяч тонн натурального шелка, миллионами каракулевых шкур, невиданным урожаем фруктов, овощей, зерна. Мы показали гостям то, что не могло нам, узбекам, даже сниться, скажем, десять лет назад, — наши молодые города Янгиер и Навои, с их красивыми домами, большими заводами, комбинатами химии. Посланцы России были очарованы Голодной степью с ее многочисленными совхозами, поселками, добротными дорогами, бетонированными каналами, обилием хлопка. И они, как и мы сами, удивлялись: почему эта земля до сих пор называется Голодной? Почему?

И вот родилась песня «Степная». Ее написал старейший советский композитор Дм. Покрасс на слова поэта Сергея Васильева. Родились новые стихи об Узбекистане, о его людях, его героях. Хор Пятницкого возвеличил славу хлопкоробов. С добрым словом к узбекскому народу обратились Н. Грибачев и К. Симонов, С. Баруздин и В. Смирнов, Е. Поповкин и С. Бабаевский.

Мне очень понравилась одна мысль, сквозившая во всех выступлениях в дни декады, мысль о том, что праздник литературы и искусства в горячие дни уборки урожая не мешал, а помогал народу трудиться и побеждать.

В этом — знамение времени! Наверное, такое сочетание титанического труда и веселого праздника, вернее, естественное слияние труда работников искусства, литературы с народным трудом хлопкоробов, было бы невозможным в мрачные дни культа личности.

...Узбекистан в конце ноября 1963 года рапортовал о выполнении своего долга перед Родиной. Но государственные закрома все продолжают принимать машины с хлопком.

Узбекистан не почил на лаврах. Он встретил новый год в строю, как и подобает доблестному солдату. Уже поднята зябь под урожай 1964 года. Распахано много новых земель. Строятся новые совхозы. Прокладывается оросительный канал Бухара — Аму. Осваивается Каршинская степь. Закладываются фундаменты новых городов.

Гул народного труда не затихает ни на один час.

Комбайн Вахита Джураева из совхоза «Савай» заменил труд нескольких сот сборщиц хлопка.

Тихо на полях Ферганы. Машины колхоза «Ленинград» возвращаются после уборки хлопка.

Фото Дм. Бальтерманца.

Белый, как снег, теплый, как солнце, хлопок — гордость и богатство Узбекистана.

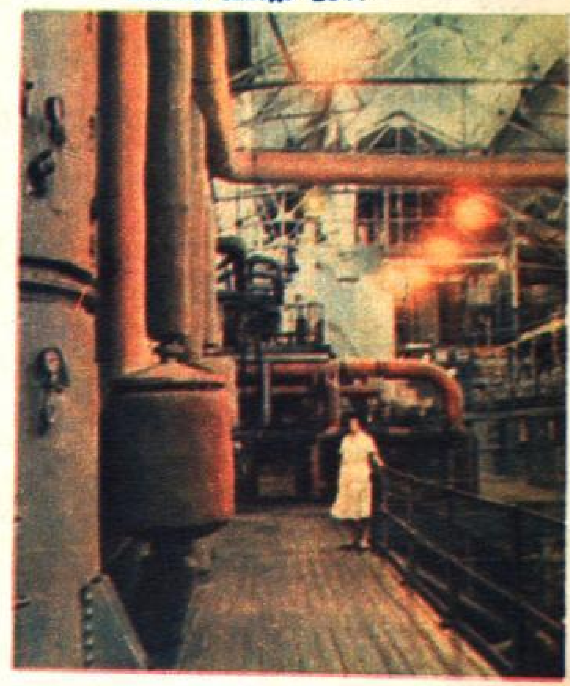

Страда на плантациях совхоза «Савай».

Работницы отдела технического контроля на шелкоткацком комбинате «Ригас Аудумс» проявляют отличный вкус и при приеме тканей и в оформлении своего рабочего помещения.

← Не только автоматизация труда, но и гармония в цвете и форме конвейера облегчают работу на электротехническом заводе ВЭФ.

Архитекторы и художники приняли участие в реконструкции Елгавского сахарного завода.

Этот уютный уголок — рабочее место контролера рижского завода «Автоэлектроприбор» Лии Грам.

Эстетика и производство

Наш фотокорреспондент побывал на нескольких предприятиях Латвии. Его снимки запечатлели красивые интерьеры производственных помещений, уютный уголок — рабочее место, красивый по форме и цвету конвейер.

Культура производства — дело очень важное, и это хорошо знают люди, управляющие хозяйством республики.

Три года назад была предусмотрена целая система мероприятий, которая помогла значительно повысить техническую эстетику производства.

Можно не сомневаться, что в цехе, где орудие производства само по себе несет эстетические функции, работается продуктивнее. Дело не только, скажем, в озеленении цехов. В конце концов и эту полезную затею можно осуществить формально, а следовательно, скучно. Дело главным образом в целесообразном использовании производственных площадей, в рациональном использовании света, в научном применении обыкновенной краски, которой красят станки.

Красота рождается целесообразностью. Если ресторанные пальмы мешают работе, им не место в цехе, даже коли на обзаведение ими отпущены средства по какой-нибудь статье. Если окраска станка вызывает уныние, станок надо перекрасить. Но если живая зелень соответствует общему виду рабочего помещения, ей следует открыть дорогу.

Цвет стен, цвет штор, цвет пола — все это вещи, которые продумываются в каждой квартире. И культура производства требует этого осмысливания и в цехе. Рабочее место может быть, так сказать, законодателем вкуса. Оно имеет общественное значение.

Исследованиями ученых установлена зависимость между различным цветом и возникновением зрительного утомления. Наиболее благоприятно действуют на глаза цвета зеленый, голубой, зеленовато-желтый.

Например, зеленый цвет понижает внутриглазное давление, повышает слуховую чувствительность, способствует нормальному кровенаполнению сосудов. Мускульно-двигательная способность руки повышается при воздействии зеленого цвета и понижается при красном. По данным, опубликованным в ГДР, применение рациональных цветов более чем на десять процентов повышает производительность труда и значительно снижает потери рабочего времени.

Но культура производства — это не только цвет станков, форма цеха, целесообразное использование площадей. Это еще и профессиональная одежда, над созданием которой работают художники и гигиенисты, температура и чистота воздуха, над которой думают инженеры, это целый комплекс удобств, облегчающих работу, делающих ее приятной.

Рижский дом моделей создал образцы рабочей одежды.

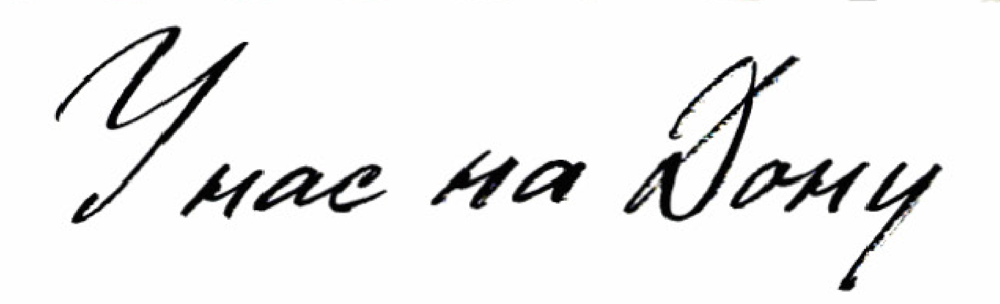
Садоводы Рижского ботанического сада помогли украсить помещения нескольких предприятий растениями, которые улучшают состав воздуха, дают отдых глазам. А на некоторых ткацких предприятиях Латвии с помощью цветов борются с шумами: листья глушат колебания воздуха и смягчают шум.

Рижский завод грамзаписи «Мелодия» помог подобрать программу музыкальных передач на радиозаводе, поделился своими советами и с другими предприятиями.

Так люди самых разных профессий создают техническую эстетику, культуру производства, а это значит, они улучшают здоровье, настроение рабочих и совершенствуют их работу.

Н. СВЕТЛОВА

Фото М. Савина.

У нас на Дону

Борис КУЛИКОВ

ЗИМА

Ай да вьюга! Ай да вьюга!
Хлещет, плещет через край.
Ой! От севера до юга
поле — белый каравай —
пышет жаром, пышет жаром.
Бьет поземка оземь.
Не достанет вьюга жалом
спрятанную озимь.

А в саду мороз каленый,
снегири, как яблоки.
А на кленах, а на кленах
зяблики озябли как!
Месяц лихо мчит на лыжах.
Небо низко —
на вершок...
Белый ветер щеки лижет,
снег пылает...
Хорошо!

...Мы каленые такие,
мы ядреные такие,
мы горячие такие,
с ясным холодом ума.
Буйная весна в России,
лето жаркое в России,
осень яркая в России
и такая вот
зима!

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В СТАНИЦЕ СЕМИКАРАКОРСКОЙ

Пахари, строители, гектарники,
рыбаки, шахтеры, чабаны...
Гей вы, Стеньки Разина праправнуки!
Гей вы, Дона тихого сыны!

Пусть корреспонденты удивляются,
что стихи так любят казаки,
ведь не зря ж повсюду распеваются
песни с нашей песенной реки!

...День уйдет, пылая летним жаром.
Сядут в вербы звезды-соловьи.
Заборможет Дон под красным яром
песни непропетые свои.

Месяц тучку шевелит рогами.
Опьяняет трав густой настой...
Как горяч —
аж сердце обжигает! —
поцелуй казачки молодой.

Ночь какая!
Ну, не ночь —
поэзия!
Спят легенды-сказки за бугром...
Утром солнце катится по лезвию
шашки Дона — аж восток багров.

И выходит звонко в поле песня
с трактористом или пастухом.
Мой товарищ,
мой годок-ровесник
говорит с работою стихом...

Здесь и спеть и поработать любят,
только успевай благодарить!
Здесь живут такие чудо-люди,
нынешних легенд богатыри.

Песни Дона катятся по свету.
Славят казаки трудом страну...
Кто сказал, что не было и нету
сильного поэта на Дону?!

Вон их сколько собралось на празднике:
пахари, шахтеры, чабаны...
Гей вы, Стеньки Разина праправнуки!
Гей вы, Дона вольного сыны!

ДОНЩИНА

Родная степь.
Бескрайние покосы.
Кузнечики куют, как ковали,
да солнце по колено бродит в росах,
да шепчутся о чем-то ковыли.

Вдыхаю полной грудью терпкий запах,
как радостно кружится голова!
Бреду за солнцем по траве на запад,
шепчу земле хорошие слова.

Поля мои,
сады мои зеленые,
мой тихий Дон,
озера, как моря...
Моя Донщина,
солнцем прокаленная,
как сердце до кровинушки — моя!

Свирепы ветры. И дождей так мало.
В июле сводит дух от духоты...
Но сколько влаги ты иной впитала,
наверное, лишь знаешь только ты:

моря казачьей крови неуемной
и вдовьих слез, что солоно-горьки...
Здесь потому такие черноземы
и бельмами глядят солончаки!

Все было, все:
не поросло бурьяном,
и ты и я,
мы помним о былом...
Но запах твой — горячий и медвяный,
но окоем волнуется, как Дон.
И жизнь гремит,
и мчится время быстро,
цветут сады,
смеются малыши,
в ладони ловят солнечные брызги...
И неба синь.
И песня от души.
Дымит завод.
Стоят хлеба густые.
Идут казачки в табор на обед...
Моя Донщина,
дочь моей России,
я по-сыновьи кланяюсь тебе!

Семикаракорская,
Ростовской области.

Р. ЗЕРНОВА

Рассказ

Рисунок Е. Шукаева.

После е

Шел последний день школьных каникул. Генка Пантелеев, бывший однокурсник, позвонил Игорю в восемь утра, объяснил, что только Игорь может спасти положение, и выразил уверенность в том, что он не зазнался. Игорю пришлось тряхнуть стариной и стать Волком, а он в этой шкуре не хаживал с самых училищных лет. Лиса Патрикеевна охрипла, Зайчик растянул связки на ноге, а Волк просто заболел вирусным гриппом.

В первом потоке выступление Волка прошло без всяких эксцессов: малыши топали ногами, кричали на Волка, гнали его прочь, давали ему неправильные ориентиры и прятали от него Зайчика. Но уже ко второму потоку откуда-то с верхних этажей дома культуры просочились старшеклассницы, и в конце представления они так отчаянно хлопали и кричали: «Егоров! Егоров!» — что Игорю пришлось снять маску и раскланяться. На третьем потоке старшеклассниц стало впятеро больше: наверное, они в перерыве позвонили своим подругам. Словом, успех елочного представления был полный, хотя и несколько необычный.

А потом, после третьего потока, Игорю пришлось провожать домой Зайчика, растянувшего связки: Генка не мог, у него была еще одна елка в институте Академии наук. Игорь рассчитывал перехватить такси, но в эти праздничные дни весь город гулял, и шоферы с ветерком проносились мимо. Пришлось тащить Зайчика от дома культуры к метро на одной правой руке — правда, весу в нем было немного. Лицо Зайчика было Игорю знакомо—не то по дому искусств, не то по каким-то прежним елочным встречам. Имя-отчество у нее было сложное, вроде Милитриса Кирибитьевна. Игорь не разобрал, он просто называл ее «вы».

На ней было темное пальтишко с высоким воротником и темная высокая шапочка. Между воротником и шапочкой на уровне своего предплечья Игорь видел детски круглую, румяную щеку и неподрисованное веко; наклоняя голову, ощущал поднимавшийся к нему сквозь мглистую сырость густой запах «Красной Москвы». «Милая, должно быть, женщина,— подумал Игорь,— бесхитростная! Сколько ей может быть лет? Тридцать? Или больше?» Потом по недавно выработавшейся привычке обратил внимание на то, как она держит голову — немного вперед, по-утиному,— как ставит ноги в черных румынках, по-балетному выворачивая носки. Потом он вслушался в ее голос. Голос был глубокий, неторопливый, важный — ничего похожего на заячий писк, который еще стоял у него в ушах после трех представлений подряд. Он удивился и спросил:

— Вы давно в филармонии? То есть лицо ваше мне знакомо, конечно, только где же я вас видел? На эстраде? Или общие знакомые?

— Ну, конечно, вы меня не знаете,— виолончельным голосом сказала она.— Мы ведь главным образом в области работаем. Это только теперь, когда елки, мы в городе. А вообще-то я последний раз на елках работаю. Надоело! Все надоело, и все надоели!

Румяная щека напряглась и отвердела, от этого в углу рта обозначилась неожиданная впадина.

«Безобразные условия для работы. Снегурочка интригует, публика... Хотя на елочную публику обычно не жалуются»,— подумал Игорь.

— Вот кончатся елки, получу я свои сто двадцать рублей, — рассуждала она.— Конечно, это деньги... Я смогу кое-что приобрести там или сыну сделать... Да и во многих других отношениях это для меня важно. И все-таки бог с ними, с елками! Я не очень висну у вас на руке?

— Да нет, что вы! Большой у вас сын?

— Большой. Разве вы его не знаете? Его все знают. Он на все наши елки ходит. Ах, ну да, вам ведь не до елок, конечно! Мы и то все удивлялись, как это Гене удалось вас затащить сюда... Он сегодня простудился немножко, я его на елку не пустила. А то все дни...

— Ну и как, нравится ему?

— О!

Игорь почувствовал, что его правой руке стало легче, словно воспоминания о сыне окрылили его спутницу.

— Он так радуется, так веселится!.. Я, признаться, в этом году немножко боялась, понравится ли ему. Раньше я всегда была Снегурочкой. Он привык, для него это была такая радость! Ведь он душой совершенно ребенок! С виду такой рослый, а в душе ребенок. Вам про него Гена не говорил? Нет? Ну вот я, бывало, выхожу,— ну, знаете, Снегурочка, желтые косы у меня подвязаны, шубка блестит — и говорю: «Здравствуйте, дети, знаете, кто я?» А сама смотрю на него. У него на лице такое выражение! Как будто он и сомневается и надеется...

— Да, дети — это большое счастье, — сказал Игорь. — Детская аудитория! Эти доверчивые глаза, эти полуоткрытые рты! Я сегодня как будто помолодел на три года!

— Да, конечно,— вздохнул Зайчик и снова обрел вес.— Вам все это понятно! С вашим талантом...

Следующую ее фразу Игорь потерял. Его сердце стукнулось о ребра с необыкновенной силой, глазам стало так жарко, что он перестал видеть. Как она сказала: «С вашим талантом!» Не «вы человек талантливый», нет: «С вашим талантом!» И ведь не хотела, не хотела говорить комплименты... Вот оно! Вот оно!

Ему страстно захотелось спросить ее: «В чем вы видите у меня талант? Я понравился вам в кино? Но это же совсем разные вещи — театр и кино! Ведь до кино никто меня не замечал! Вон Женька Столбов — это да! О нем в «Советской культуре» писали. Значит, вы находите...»

Однако он знал, что так нельзя. Сколько раз за два года у него начинало сосать под ложечкой, когда восхищались его однокурсниками, но он умел молчать. А теперь... Эти старшеклассницы, и успех картины, и вот она говорит... Она все-таки профессионал! Теперь он может быть усталым, спокойным и скромным и не светиться восторгом.

— Хотя, конечно, из Снегурочки я для себя уже ничего не могла извлечь, — донеслось до него.— Все-таки Снегурочка — это холодные, хрустальные тона. А Зайчик... Вам не смешно, что я об этом так серьезно говорю?

Он слегка прижал к себе ее руку, радостно почувствовав сквозь пальто ее милое тепло. Она с удивлением подняла голову, встретилась с ним взглядом и сказала:

— Вы измучились со мной! Но скоро уже метро — вон, на той стороне, видите?

— Что вы! — ужаснулся он. — Мне очень приятно. И мне интересно вас слушать. Зачем вы так?..

— Ну вот, понимаете? Пусть Зайчик... Конечно, в мои годы это смешно. И кто только меня не уговаривал: «Зачем вам оставлять сына по неделям! Зачем таскаться по области! Разве вы не могли бы?..» Мало ли что я могла бы! Могла бы машинисткой, или преподавательницей языков в детский сад, или еще куда-нибудь. Но я не хочу. Самое главное — жить так, как считаешь нужным. Верно?

— Еще бы! Кто смеет приказать человеку: живи так, как этого хочу я?

— Муж пытался,— сказала она.— Он говорил: «Оставь все это, нам хватит. С Алешей надо быть постоянно». А я не хотела. Ну и муж, конечно... У него теперь другая семья. И все равно я бы и теперь сделала так же. Вы понимаете, почему?

Игорь наклонился, посмотрел на круглую щеку и неподрисованное веко и сказал:

— Вы просто любите нашу работу, да?

— Безумно! — сказала виолончель у самого его уха, и его почему-то изумило это старинное слово. — Сцену... Зрителей, и дырочку в занавесе, и всю неустроенность эту... Вот я вам говорила, что последний раз на елках работаю. Вру! Не смогу отказаться! Может, я только это и люблю теперь, ведь мне не везло... Вот вы, вы счастливец! Вы нашли себя сразу!

— Не совсем! — сказал Игорь.— Я два года...

— Два года! — сказала виолончель. Они вошли в вестибюль метро.— Что такое два года? У меня книжка, не надо,— удержала она его, когда он рванулся к кассе.— Это ведь пустяки — два года... Да еще вначале!

На эскалаторе она стояла на ступеньку ниже: он хорошо разглядел ее поднятое к нему

ЛКИ

ненакрашенное лицо, красивое, крупное, более крупное, чем ей бы полагалось по ее мелкому росту.

Она сказала:

— От метро вы меня не провожайте. И нога уже проходит, и вообще мне близко...

— Перестаньте, Заяц! — рассердился Игорь.— А то я вас в самом деле съем! Чтобы вы не роняли мое мужское достоинство!

Она сказала виноватым голосом:

— Я не привыкла, чтобы обо мне заботились. Ну, хорошо, тогда знаете что? Мы зайдем ко мне, выпьем чаю, а пока суд да дело, вызовем такси. Как вы?

— Идет, сказал Финдлей,— улыбаясь, ответил Игорь.

Поезд с грохотом вырвался из туннеля под ними; она не расслышала его ответа, поглядела вопросительно и сощурилась на его ласковое лицо, как щурятся, глядя на солнце. Он осторожно взял ее за плечи и сказал в самое ухо:

— Согласен.

Когда эскалатор стал подвозить их к платформе, он сошел на ступеньку, взял ее под руку и не отпустил больше. И в набитом поезде метро он тихонько прижимал ее к себе, уже сознавая, что ее тепло ему приятно. В нем рождалось чувство, похожее на тоску и на желание защитить этого простодушного Зайца от каких-то ему самому неведомых напастей. Он не раз испытал это чувство и умел его узнавать, и теперь он смотрел на нее, уже не улыбаясь, а она снова щурилась, как будто глядела на солнце.

Когда они вышли из метро, была ночь. Влажные нимбы желтой эмульсией расплывались вокруг стилизованных фонарей; под ногами на разрытом тротуаре скользило и чавкало то, что утром было январским снегом. Она что-то говорила своим глубоким голосом, что-то насчет возможностей роли Зайчика; он не очень вслушивался, потому что заметил впереди «Гастроном» и соображал, что надо бы там взять бутылку сухого и шоколаду, что ли, для ее малыша.

— Зайдемте на минутку,— сказал он, когда они поравнялись с вертящейся дверью.— Я быстро. А вас поставлю в уголок, чтобы никто не толкнул и не разбил ненароком. Порядок?

Она согласилась с удивившей его готовностью. Потом он понял, что ей и в голову не пришло, что для нее затевается угощение. И ему еще больше захотелось как-нибудь неслыханно обрадовать, одарить ее: купить новогоднюю корзину, например, или какой-нибудь сверхшоколадный набор... И он бы купил все это и еще многое другое, если бы у него были деньги в кармане.

Она жила на третьем этаже. На ее площадке лампочка не горела. Он поставил на пол свой чемоданчик и начал целовать ее: он просто не мог ждать, когда они окажутся в комнате. Да и что еще там будет, за этой клеенчатой дверью!.. Когда он обнял ее, она спросила с изумлением:

— Что вы? Ну что вы?

Потом замолчала и только послушно переводила дыхание с ним вместе. И его до слез умиляло и это ее тихое дыхание, и кротко опустившиеся веки, и тяжесть ее головы на руке, и влажное прикосновение пропахшего «Красной Москвой» воротника к его подбородку. Вдруг она жалобно сказала каким-то не своим голосом:

— Не надо... Довольно, довольно...

Он отпустил ее. Она отвернулась, достала ключ из сумки. Рука у нее, вероятно, дрожала, потому что ключ тихонько звякал, не попадая. Он поцеловал ее в шапочку и сказал:

— Милый Заяц!

Но она уже открыла дверь, и они вошли в светлую, большую переднюю.

А потом открылась другая дверь, и на пороге показался толстый бледный мужчина в очках и слабым, младенческим голосом как-то нараспев протянул:

— Эй, здр-а-ствуй!

— Алеша,— сказала она весело,— познакомься! Это Игорь Михайлович, наш артист!

Алеша туманно посмотрел на него сквозь очки и опять пропел:

— Эй, здра-а-ствуй!

Потом, как это делают трехлетние дети, вскинул несуществующий автомат, прицелился в Игоря и сказал:

— Кх-хы!

— Не делай глупостей, Алеша! — сказала она.— Ведь ты уже большой. Пойди лучше согрей чайник. Ты же видишь, мама устала.

— А что... ты... принесла? — выговорил он и потянулся к ее сумке. Но она посмотрела на него строго, и он пошел от них, волоча ноги, вероятно, в кухню. По дороге он обернулся, опять прицелился в Игоря, но сразу же опустил руки и сказал: — Э-эй, здра-асте!

— Он всегда сам ставит чайник к моему приходу,— сказала она.— Он любит по хозяйству. Ну, снимайте же пальто! Вот тут наша вешалка. Спасибо, не беспокойтесь! Проходите, пожалуйста.

Она продолжала говорить все так же весело, и Игорь отвечал ей и улыбался. Но яркая лампа почему-то стала светить вполнакала, и время ощутимо и странно замедлилось. Он вспомнил: давным-давно, еще в деревне, мальчишки постарше дали ему докурить самокрутку. Он, конечно, уже умел курить, но тут сделал две-три затяжки — и началось что-то не то. Он вдруг ощутил огромную длительность каждой секунды; время растянулось, как резина; дорога домой, состоявшая, как оказалось, из бесчисленных плавных шагов, длилась и длилась... Потом выяснилось, что мальчишки курили коноплю.

И сейчас, доставая из карманов пальто «Тибаани» и «Золотой якорь» и идя вслед за ней в ее комнату, он опять чувствовал длину каждого шага и протяженность минут.

Комната была большая, высокая, старомодно-уютная: лампа посреди потолка, и круглый стол под ней, и тюлевые занавеси, и потускневший ковер на полу. Игорю не часто приходилось видеть в Ленинграде такие комнаты. Ни дивана-кровати, ни торшера, ни даже литографии Ведерникова на стене. Вещи были старые, давно обжитые.

Стоя спиной к нему, она вынимала из старого буфета чашки, тарелки, рюмки и говорила:

— Вот сюда садитесь, на этот стул. Сейчас будет чай. Вы, наверное, проголодались? Я сейчас...

И ушла, не слушая его возражений. Почти сразу же дверь открылась снова, вошел Алеша и остановился, туманно глядя на Игоря сквозь очки. Игорь молчал. Алеша спросил почтительно:

— Ты думаешь, да?

— Я... да...— растерянно ответил Игорь.

— Я не буду... тебе мешать...— успокоил его Алеша.— Я тихо.

Он сел в кресло-качалку у окна и тоже погрузился в свои мысли. Игорь слышал тиканье стенных часов, потом они, слегка откашлявшись, пробили семь, потом в коридоре послышались мягкие, чуть неровные шаги, и вошла она с дымящейся сковородкой.

— Ну вот, сейчас поедим,— сказала она весело, не глядя на Игоря.— Алеша, довольно думать, садись к столу. Давайте вашу тарелку, Игорь Михайлович. Вы любите поджаренные макароны? А то давайте включим радио. Может быть, музыка...

Музыка буйно хлынула из репродуктора. Это было что-то знакомое, не раз слышанное: сквозь тяжелые, грозные аккорды, как солнце сквозь тучи, пробивалась тонкая, щемящая мелодия. Игорь положил вилку и заметил, что она сделала то же, потом переплела пальцы и оперлась на них подбородком. Он поднял глаза и увидел ее домашнее лицо: усталое, какое-то незрячее, пожалуй, еще молодое, но потускневшее, как крыло бабочки, с которого стерли пыльцу. Он поскорее отвел глаза и увидел Алешу, который тоже слушал; рот у него был открыт, нижняя губа отвисла. И тут она перехватила его взгляд и сказала:

— Алеша, закрой рот! Он любит Рахманинова и всегда узнает. Я тоже, признаться, такой у меня старомодный вкус.

— Может быть, выпьем? — сказал Игорь.

— Ах да, конечно. Вот только штопор... Алеша, сходи к тете Дусе за штопором. Это соседка наша, тетя Дуся, они с ней большие друзья. Вообще-то у нас тоже был штопор, но куда-то задевался.

Они опять были одни в комнате, и глаза их опять не встречались. Он видел, как медленно, кадр за кадром, будто на кинопленке, движутся над столом ее небольшие белые руки, нарезая хлеб, накладывая макароны; потом они собрались в кулачки, большими пальцами внутрь, и прижались к столу — напряженные, стиснутые. Время все еще тянулось, и музыка тоже пошла тягучая; та острая, как одинокий луч, мелодия куда-то потерялась безвозвратно или, может быть, растворилась. Он прикрыл рукой глаза, как бы заслушавшись, потом спросил:

— Что это такое передают? Я знаю, что Рахманинов, но что именно?

— Вы тоже это любите? — спросила она, оживляясь.— В особенности вот это место, да? — Она пропела кусочек мелодии, верхний, там, где самая острая мука и надежда на выход.— Это Второй концерт. У меня есть пластинка, потом можно будет поставить. Алеша тоже очень любит... Ах да, я вам уже говорила!

— Он занимается музыкой? — спросил Игорь и сейчас же ужаснулся нелепости своего вопроса.

Но она спокойно ответила:

— Нет, он не может. Во-первых, он плохо видит, а тут ноты. И вообще он ведь больной мальчик, ему трудно. Он перенес энцефалит.

— А когда это у него было? — спросил Игорь и почувствовал, что краснеет.

— Давно, уже двенадцать лет прошло,— сказала она.— Ему сейчас семнадцать, Алеше. Это он только с виду такой рослый, а в самом деле ребенок совсем. Доверчивый, привязчивый ребенок.

Вошел Алеша со штопором, нацелился им на бутылку и сказал:

— Кх-хы!

— Вот спасибо! — сказала она и взяла у него из рук штопор.

— Позвольте я! — сказал Игорь.

Ему хотелось уйти отсюда, от этого медленно утекающего времени, а предстояло пить вино, потом еще чай. Он долго и тщательно откупоривал бутылку, все время чувствуя на себе туманный Алешин взгляд, а она говорила:

— Алеша ведь работает в артели одной, заколки делает. И зарабатывает, знаете?

— Неужели? — удивился Игорь.

— Правда, правда... И вот однажды он прогулял. Это я про тот случай рассказываю,— обратилась она к сыну.— Можно ему рассказать?

— А он... не будет... сердиться? — спросил Алеша, запинаясь.

— Не буду,— сказал Игорь, осторожно разливая вино по рюмкам.

— Он сердитый,— сказал Алеша робко.

— Что ты! — воскликнула она.— Игорь Михайлович очень хороший. И вот, когда он прогулял, я на другое утро осталась без кофе. Вы понимаете, почему?

— Почему же? — спросил Игорь, ставя на стол открытую бутылку.

— Объясни Игорю Михайловичу, Алеша,— сказала она, гордясь и волнуясь.

— Это потому... что я... не работал,— медленно сказал Алеша.

— Он не работал — и у меня не стало денег, чтобы купить себе кофе,— торжествуя, объяснила она.— Понимаете? Ведь он мужчина, он должен помогать матери.

— Я мужчи-на,— сказал Алеша с удовольствием.

— Боже мой! — пробормотал Игорь.

Она не расслышала. Она подняла свою рюмку и сказала весело:

— Ну, за что будем пить? Может быть, с Новым годом?

— Давайте! — сказал Игорь.

— Ну, значит, с Новым годом! Пусть он будет счастливым, и пусть расцветает ваш талант, Игорь Михайлович! — Она впервые посмотрела прямо на него заблестевшими глазами.— Мне скоро сорок, я пожилая женщина, я давно в искусстве и умею понимать талант. Алеша! Выпей за талант!

— С Новым... годом! — сказал Алеша. И, потянувшись своей рюмкой, в которую мать подлила воды, добавил: — Я тоже скажу... Я умею...

— Ну, конечно,— сказал Игорь.

— Будем... все... здоровы! — сказал медленно Алеша. И улыбнулся матери и Игорю широкой улыбкой, не отразившейся в туманных глазах.

— Это очень хорошее пожелание,— похвалила она сына и взглянула на Игоря вопросительно.

Он подтвердил:

— Конечно. Что там ни говори, а это — самое главное.

Они выпили. Игорь почти бессознательно отложил в памяти ее манеру пить: голова наклонена, ресницы опущены; дети так пьют молоко. Она сказала:

— Ешьте макароны. Они не простые — это макароны по-шаляпински. Меня когда-то мой учитель научил. Ведь я училась у...

И она назвала когда-то гремевшее актерское имя. Для Игоря оно отдавало учебниками и «Моей жизнью в искусстве», и все-таки отзвук давно угасшей славы заставил дрогнуть его сердце. Макароны, которых он последнее время избегал, показались ему необычайно вкусными.

Она сказала:

— Поняли теперь, какая я старая? Только что живого городового не видела! Алеша, держи вилку как следует! Милый Игорь Михайлович, это я вам рассказала для того, чтобы вы поверили в мое право рассуждать о таланте. У вас есть то, что французы называют «présence». Вы знаете, что это такое — présence? Не знаете? Так вот, это значит «присутствие». Когда вы выходите на эстраду, зритель смотрит на вас, не отрывая глаз, что бы вы ни делали. Подняли руку — ему интересно; сядете — интересно, встанете — интересно, скажете вы что-нибудь или молчите поддействия — ему все равно интересно. Это — чудо, синяя птица... Давно это у вас? Когда вы ее поймали?

— Синюю птицу? — спросил Игорь.— Не знаю. Не думаю, что я ее поймал. Так, случайность. Кино, знаете...

— Давайте я положу вам еще макарон. Кино — это конечно... Но не в нем дело. А талант — это всегда случайность. И высшая несправедливость.

— Ну что вы! — сказал Игорь.— Вы шутите?

— Вот уж не думаю шутить. Нас учили, что талант — это работа. Что если трудиться не покладая рук, то... Слушайте, я вам про себя скажу: я шестнадцать лет на эстраде. Шестнадцать лет! Я, может, к вам в детский сад приезжала Снегурочкой. Это смешно, наверное. Но я искала, я работала, училась... Все в жертву, вы поверите? Все! И — нет! Я раньше думала: нет удачи! Ну, брали меня однажды в театр — как раз заболел Алеша. Ну, не буду вам всего рассказывать: невесело. А теперь я думаю: в удаче ли дело?

Она помолчала. Игорь чувствовал, что она ждет каких-то его слов, но не знал, что сказать.

— А вы знаете, сколько я ролей перед зеркалом переиграла? — спросила она.— Да ну, не буду вам говорить, это смешно. «Среди моей единственной вражды любовь моя единая возникла, не вовремя узнала я, кто он, не вовремя его я увидала...» Это по старому переводу. Алеша, помнишь?

— Помню...— сказал Алеша.— Ты это... репети... ровала...

— Ну вот, вот видите! А кому все это было нужно? Голос мой для Джульетты не годился! Э, давайте выпьем! За вашу удачу, за синюю птицу! Тебе больше не надо, Алешенька. Ну, давайте чокнемся!

— За вас! — сказал Игорь. — Я пью за вашу удачу!

— Поздно! — Она разом опрокинула свою рюмку.— Ах ладно, что толку об этом говорить! Вы думаете, наверное, что я все это с горечью, что наболело? Да нет! Просто пришлось к слову! Если к пятидесяти годам во мне и прорежется Джульетта, то... Ведь я уже и для Снегурочки стара!

— Вы прекрасно выглядите! — сказал Игорь искренне.— Я никогда бы вам не дал...

— Да-да, я как Дориан Грей. Только мои морщины ложатся не на портрет, а... Да ладно, хватит! Какой-то у вас в училище был стиляжный тост, мне когда-то говорили...

— Какой тост? — Игорь не сразу вспомнил.— А, знаю! «Дрогнем, крошки!»

— Вот-вот! Значит, дрогнем! Хорошее вино «Тибаани», мягкое. А вы давно знаете, что вина надо покупать сухие? Или с детства?

— Ну, с детства...— сказал Игорь.— В детстве мы понимали: батя пьет белое, мать — красненькое...

— Ну да, ну да... Мне говорили, вы ведь из глубинки... А вот если бы я спросила вас...

Глаза ее беспокойно блестели, взгляд был настойчив. Она разлила по рюмкам последнее вино и сказала:

— Вам, наверное, этим уже начали надоедать... А я все-таки спрошу.

Игорь внутренне съежился. Он не очень любил вопросы.

— А я спрошу...— повторила она с некоторой удалью.— Вот ваша роль в кино... Нет, я не про то...

Ему вдруг показалось, что она задаст не тот вопрос, который приготовила.

— Когда вы работаете над образом... С чего вы начинаете? Что главное? Как вы к душе идете?

Игорь посмотрел на нее. Это ли она хотела спросить? Но она приготовилась слушать и приняла ту же позу, в которой давеча слушала Рахманинова: опустила подбородок на переплетенные пальцы.

— Наверное, неправильно,— сказал он.— Мне главное — понять, как человек ходит, как садится, как держит руки... Вот вы, например, часто сжимаете кулачки большими пальцами внутрь. Это ерунда, наверное, но вот...

— От характерности, значит? — Она кивнула головой, словно получила подтверждение чему-то.— Ну да, ну да... Пейте ваше вино, Алеша сейчас сходит за чайником! Алеша!

Игорь сказал:

— А можно я не буду пить чай? Видите ли, меня ждут сегодня.

Она покраснела, сжала было кулачки, потом заставила себя засмеяться.

— Вот сидишь с таким наблюдательным человеком, и приходится следить за своими привычками,— сказала она весело.— Господи, ну, конечно, вам не надо пить чай, если вас ждут! И ведь я обещала вам такси вызвать, а сама все забыла... Сейчас я сделаю! Минуточку!

— Не... уходите! — вдруг сказал Алеша.— Посидите!

— Не могу, милый, меня ведь ждут! Да не нужно такси,— сказал он.— Мне как раз на метро удобно. Видите ли, тут, в театре, молодежь какую-то свою пьесу затевает, звали меня. Это, конечно, все несерьезно. Просто так. Просто ребята знакомые. Но мне ведь надо пойти, как вы думаете?

— Вас в штат туда хотят взять? — спросила она с жадным интересом.

— Да нет, об этом и разговору не было!

— Возьмут! — сказала она с уверенностью.— Теперь возьмут. Теперь у вас пойдет.

— Ваши бы слова да богу в уши! — сказал Игорь, улыбаясь невольной счастливой улыбкой.

Он встал.

— До свидания, Алеша! — сказал он, протягивая ему руку.

Алеша чуть подержал его руку в своей, потом прицелился и сказал добродушно:

— Эй, ухнем!

Они вышли в коридор, и она следила, как Игорь надевает пальто, все тем же своим беспокойным, смущавшим его взглядом. Он забыл то страстное умиление, которое час назад овладело им перед ее дверью. Ему хотелось только одного: поскорее уйти. Но, увидев ожидание в ее блестящих глазах, он нагнулся и поцеловал ее. Она поглядела на него и весело сказала:

— Ну, ну, не надо меня жалеть. Я двужильная!

Он поцеловал ее белую руку и вышел. И когда дверь захлопнулась за ним, он расправил плечи, вздохнул полной грудью и запрыгал через две ступеньки.

Ночью, возвращаясь из театра, он стал думать о ней: вспомнил тяжесть головы на руке, мокрый запах «Красной Москвы», прелестно послушный рот, тихо переводивший дыхание с ним вместе. Умиленная нежность шевельнулась в нем. И вдруг он вспомнил, как все было дальше: затянувшееся время, и ее веселый голос, и туманные Алешины глаза за очками.

Когда он вошел к себе в переднюю и снял пальто, зазвонил телефон.

Он снял трубку.

— Да! — сказал он негромко, чтобы не разбудить спавших соседей.— Я слушаю.

Трубка молчала. Это бывало и прежде, но ему почему-то казалось, что звонит она.

— Это вы? — спросил он.

Трубка молчала. Он вспомнил, что так и не узнал ее имени.

— Это вы? — спросил он снова.— Ответьте мне, это вы?

Трубка молчала.

И он осторожно надавил рычажок.

Море начинается у причала

А. УЗЛЯН,
А. СЕРБИН

Лоцман первым

В

— Вам понравился наш порт?
— Понравился.
— А сколько у нас кранов, видели?
— Видели.
— А что вы скажете о плане? Знаете, как мы план выполняем?
— Знаем.
— А в одесском порту вы были?
— Были.
— Так мы уже обогнали Одессу.
— Как так?
— Так просто. Грузооборот здесь больше, чем в Одессе. А лет нам сколько, знаете?..

Такой разговор произошел у нас в автобусе на пути между Одессой и Ильичевском.

...Тесно было одесскому порту, зажатому городом: ему некуда расти. А в последние годы все больше кораблей приходило к советским берегам из-за рубежа, все больше товаров отправлял Советский Союз за границу. Советская внешняя торговля расширялась.

Тот, кому приходилось бывать в Одессе лет семь-восемь назад, может быть, помнит Сухой лиман — соленое озеро, расположенное километрах в тридцати от города. Сухой лиман был отделен от моря песчаной полосой. Люди прорыли эту полосу, сделав лиман заливом Черного моря, сравняли крутые берега, одели их в бетон причалов. Поднялись над причалами портальные краны, выросли на берегу склады, раскинулись улицы жилого поселка. Так родился новый порт.

В Советском Союзе издается бюллетень «Извещения мореплавателям». Каждый выпуск этого бюллетеня начинается такими словами: «По этим извещениям надлежит немедленно исправить карты, лоции и прочие пособия по кораблевождению». В 1961 году в «Извещениях» было напечатано сообщение, что на Черном море начал действовать новый порт — Ильичевск. Капитаны кораблей внесли поправки в свои карты. Так порт получил прописку.

Строительство Ильичевска еще не закончено. Порт продолжает расти, строиться. Он станет еще больше, еще мощнее. «Будут здесь и здания из стекла и алюминия»,— говорили нам в управлении порта, которое пока размещено в двухэтажном доме с маленькими комнатками. Но уже с разных концов земли спешат в Ильичевск корабли.

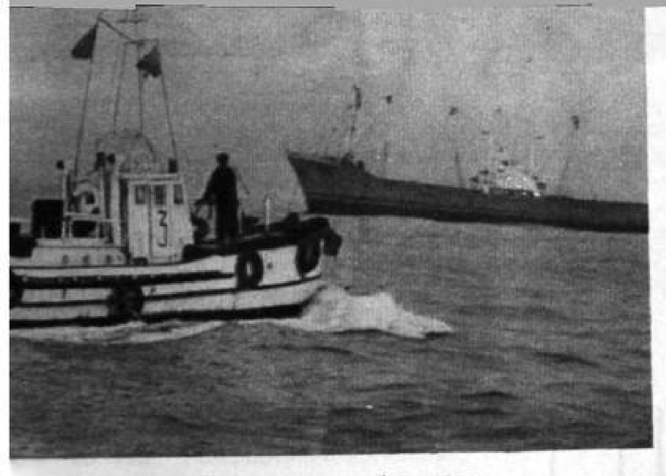
...Рано утром — еще совсем темно — от причала порта отваливает небольшой катерок. На мачте полощется еле различимый в темноте полосатый сине-желтый флаг — флаг лоцмана. Мы вместе с ним идем встречать француза.

Море неспокойно, катерок прыгает с волны на волну. Но лоцман — это не только знаток всех дорог, ведущих в порт. Это еще и просто мужест-

← «Капитан» крана Анатолий Иванович Видов.

Капитан порта Л. Л. Хлебников на борту греческого корабля «Уорлд чемпион».

встречает корабль, заходящий в порт.

венный человек. При любой погоде он должен по веревочной лестнице взобраться на борт корабля.

Наш катер подходит к океанскому гиганту. Из рубки нам видно, как лоцман, освещенный лучом прожектора, цепляется за трап, спущенный с борта француза, и начинает карабкаться наверх. И вот корабль уже развернулся и двинулся в сторону порта.

А здесь уже стоят гости: грек под либерийским флагом и араб из ОАР. Рядом с арабом — советский турбоход.

Мы идем с капитаном порта Леонидом Леонидовичем Хлебниковым по причалам. Они заставлены ящиками с оборудованием, машинами, тракторами (это мы вывозим), белыми кубиками каучука и тюками коры пробкового дуба (это мы ввозим). На ящиках адреса импортеров: Болгария, ОАР, Демократическая Республика Вьетнам...

Над нами, где-то вверху движутся краны, словно танцуют: поворот, поклон, снова поворот, снова поклон. Мимо медленно тянет состав электровоз, снуют вокруг автопогрузчики. Ильичевск отлично оснащен техникой.

— Капитан на борту? — спрашивает Хлебников у стюарда корабля «Йемен», пришедшего из Александрии.

Капитан на месте, и мы поднимаемся на борт.

У Хлебникова свои дела с капитаном «Йемена» Саади Аттией. После того, как оканчивается их деловая беседа, наступает наша очередь. Мы спрашиваем у Саади Аттии, что повезет он отсюда на родину.

— Автомашины, станки, оборудование для Асуанской плотины.

— Вы в первый раз в Ильичевске?

— Нет,— отвечает капитан с улыбкой,— уже раз пять-шесть приходили сюда. Этот рейс для меня стал почти регулярным.

— Почему?

— Сотрудничество между нашими странами становится все шире. И дружба крепче.

Потом мы поднимаемся на борт советского турбохода «Ленинский пионер». Корабль готовится к плаванию, заканчивается погрузка. Он тоже пойдет в ОАР. Дальше его путь — ФРГ, Канада, Куба.

Старший штурман на корабле — 33-летний Валентин Яковлевич Ревин. Родился он в Ливнах, где течет небольшая речка Сосна и нет, конечно, никакого моря. Но судьба решила, что станет он моряком. И вот плавает Валентин Яковлевич по морям и океанам, вспоминая Сосну, Ливны...

Порт работает день и ночь без отдыха. Не прекращают свой танец краны, таская грузы из трюмов, поднимая с земли грузы, предназначенные к отправке за море. На кранах работают знатоки своего дела. Изящно движутся стальные стрелы, повинуясь приказу человеческих рук.

Скорее, скорее! Корабли всегда торопятся. Отсюда, от причалов, начинаются их многомильные пути.

Море у причалов не такое, каким видят его курортники. Оно не синее, а серое, в разводьях нефтяных пятен. Здесь море — труженик.

Как матрос.

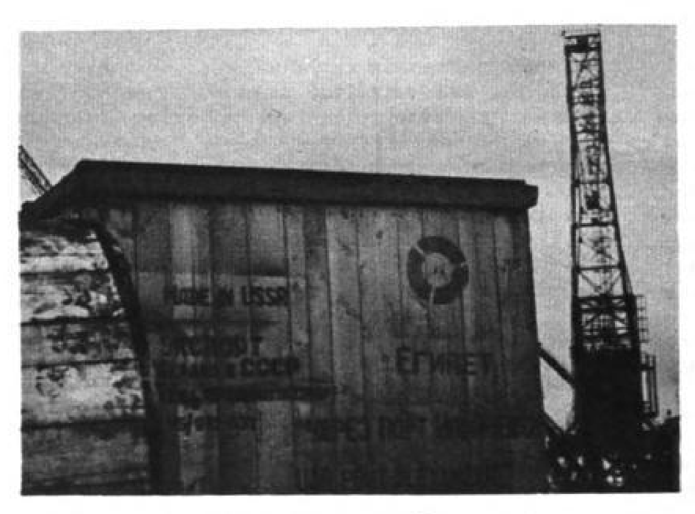
Как крановщик.

Ильичевский порт отлично оснащен десятками портальных кранов.

Машинист электровоза Виталий Петрович Резник.

В ОАР через порт Ильичевск.

Старший штурман турбохода «Ленинский пионер» В. Я. Ревин готовится к плаванию.

Исторический пароль

В. ПАНКОВ

Наш почтальон всегда дает длинный звонок и радостно сообщает (он старый литкружковец):

— А вот и еще новые журналы.

Присоединяю декабрьские номера к стопам книг. Все вместе они составляют завершенную библиотеку года. Каким же в общих чертах был облик журналов по разделу прозы? В некоторых из них, особенно в «Знамени», «Октябре», «Сибирских огнях», «Москве», наибольшую часть жилплощади заняли романы. И в этих и в других изданиях публиковалось много повестей и рассказов. Среди них «Первое апреля — один день весны» С. Баруздина («Октябрь»), «Один «Миг» из тысячи» Ю. Жукова, «Село мое родное» Г. Воробьева («Знамя»), «Черный яр» В. Липатова, «В камышах» Г. Троепольского, «Книга скитаний» К. Паустовского, («Новый мир»), «Любить и не любить» Г. Березко, «Путешествие по адресной книжке» Ю. Юрова (речь идет о записной книжке В. И. Ленина за 1917 год), «Стеклянные бусы» А. Борщаговского, «Петровка, 38» Ю. Семенова («Москва»), «Прекрасные страны» Л. Обуховой («Звезда»), «Гантиади» С. Воронина, рассказы В. Солоухина («Нева»)...

Теперь никого не удивишь числом выходящих книг. В такой могучей многонациональной литературе, какой является литература советская, их всегда бывает много. Все дело в том, что́ остается от каждого минувшего года на будущее. Уже по первым впечатлениям можно предположить: немало произведений 1963 года запомнится читателям надолго. Произошли значительные встречи с новыми героями нашего времени. Движение жизни и искусства отодвинуло в сторону позерствующих индивидуумов, инфантильные персонажи, острей привлекло внимание к людям настоящим, гражданскии мыслящим, ответственным перед обществом. Актуальные вопросы современности, реальные конфликты, новаторские поиски путей развития социалистического реализма определяют сейчас глубокое дыхание литературы.

Минувший год отмечен такими памятными вехами в общественно-политической жизни, как встречи руководителей партии и правительства с представителями художественной интеллигенции, июньский Пленум ЦК КПСС, осуществивший всесторонний смотр идеологической работы в стране. За партийность и народность, за высокое художественное мастерство, непримиримость к проповедям мирного сосуществования идеологий, к абстрактному гуманизму, к формализму — эти идеи развиты в выступлениях Н. С. Хрущева и Л. Ф. Ильичева. Все это обращает искусство к подлинно значительным проблемам жизни народа.

Очевидно тематическое и типологическое многообразие прозы минувшего года. И характерно стремление писателей не просто отразить, проиллюстрировать день нынешний и уроки нашей истории, а осмыслить закономерности эпохи, связь народно-революционных традиций с широким развитием творческих сил советского общества за последнее десятилетие.

Начнем с книги, которая на первый взгляд «только мемуары». У нее и заглавие скромное — «Страницы воспоминаний» («Знамя»). Но Н. Тихонов дает не только страницы, а широкую картину истории советской культуры, воспроизводя черты, а то и в целом творческий облик многих писателей. Память Н. Тихонова свежа, подробна. Рассказчик он увлекающий, «сюжетный». В его личном ощущении времени чувствуется объективный взгляд человека, много видевшего и глубоко понимающего события, людей, существо общественных процессов. Мне кажется, Н. Тихонов мог бы еще подробней рассказать о самом себе, но он предпочитает больше говорить о других.

К необыкновенной ситуации, казалось бы, уже затянутой дымкой далеких лет, возвращает нас повесть Л. Леонова «Evgenia Jvanovna», повесть о том, как в годы бегства белых из России «девушка вызвалась разделить судьбу любимого», потом была покинута им в Стамбуле, влачила нищенское существование в европейских столицах, затем стала женой англичанина, знаменитого археолога, и с ним посетила Родину, где снова встретила бывшего мужа, Стратонова, теперь уже гида иностранных туристов в Грузии. Такой сюжет можно было бы переключить в сентиментально-сострадательную притчу. Л. Леонов наполняет его раздумьями об отношении человека и Родины, исследованием тех тонких, трудно уловимых переживаний, когда ошибившегося человека начинают занимать мысли не о родительском «садике с мальвами», а об «историческом пароле», объединяющем соотечественников. Трудно кратко говорить о сложной композиционно, местами перегруженной экскурсионными деталями повести. Но интересно обратить внимание на то, как передана драматическая кульминация. Обстоятелен автор в описании странствий Жени, ее новой встречи со Стратоновым. Сквозь широкие исторические и бытовые картины скупо прорываются строки о драме женщины. Но эта скупость заключает в себе многозначительный подтекст. Нет, не выяснение отношений со Стратоновым больше всего занимает Евгению Ивановну. И потому так сильно действует финал, сжатый до простого сообщения,— через некоторое время после свидания с Родиной Женя умерла в туманной Англии. И тогда осознается полное значение звучащих в повести мотивов «невозместимой утраты» и связи человека с теми «трудами и переживаниями эпохи», которые становятся «историческим паролем».

Тема Родины, волнующая и вечно обновляющаяся, в наше время часто обращается на раскрытие отношений судеб народных и человеческих. Мы помним, как воплощено это в мужественном шолоховском рассказе «Судьба человека». Ныне рядом с Андреем Соколовым встало уже немало литературных героев, близких ему по духу и прежде всего той жизненной силой, которая помогает им проходить через суровые испытания. С таким героем, вернее, героиней познакомились мы в повести Ч. Айтматова «Материнское поле» («Новый мир»). Здесь судьба матери, киргизской женщины Толгонай, в годы войны потерявшей и мужа, и сыновей, и невестку. Это история целой жизни, и во многом символичная история. Она не сводится к тому, чтобы на уроках недавнего прошлого просто представить трагическую судьбу. Повесть открывает широкий мир советской народной жизни, в данном случае с национальными особенностями киргизской действительности. Повесть гуманна не односторонним сочувствием к бедам и лишениям Толгонай, а по самой концепции человека, по глубине понимания его действительной ценности и сложности.

С этим органично связана и форма повести: разговор женщины-матери с матерью-землей, поэтично-сказовые обращения к природе. Условность здесь подчеркивает, как обычная жизнь становится легендарной, как переживания матери со всеми душевными тонкостями, предчувствиями, с чистотой и благородством ее дум открывают перед нами глубины духовной жизни нашей современницы. А Толгонай именно женщина нашего времени, для которой новая социальная атмосфера — подлинно родное, кровное, личное.

Еще одна и особенно сильная книга минувшего года вплотную обратила нас к образу матери, но в совершенно ином освещении. Здесь материнское чувство не гуманно, оно оборачивается крайним эгоизмом, бессердечием и жестокостью по отношению к чужим, не ее детям. Речь идет о повести А. Калинина «Эхо войны», печатавшейся в «Огоньке». Трагедиен ее сюжет. Варвара Табунщикова уже при смерти. Но нет человека в хуторе, который бы проникся жалостью к ней. Даже дочь полна ненависти к родной матери. Таков итог жизни, прожитой в стяжательстве и обороне собственнической крепости. Сыновья Варвары во время войны стали полицаями, злобными карателями. Сама Варвара повинна в гибели советских разведчиков. Кулацкий индивидуализм привел к разрушению ее личности. Автор не упростил противоречий в Варваре. Правдивое изображение этого характера идет не от примиренческой, а от активной гуманистической позиции писателя.

Проза минувшего года интересна художественными поисками, и они значительно шире отдельных формалистических «новшеств». Разнообразие повествовательных форм, углубление психологизма, повышенное внимание к интеллектуальной самобытности современных героев — с этим связаны многие художественные поиски.

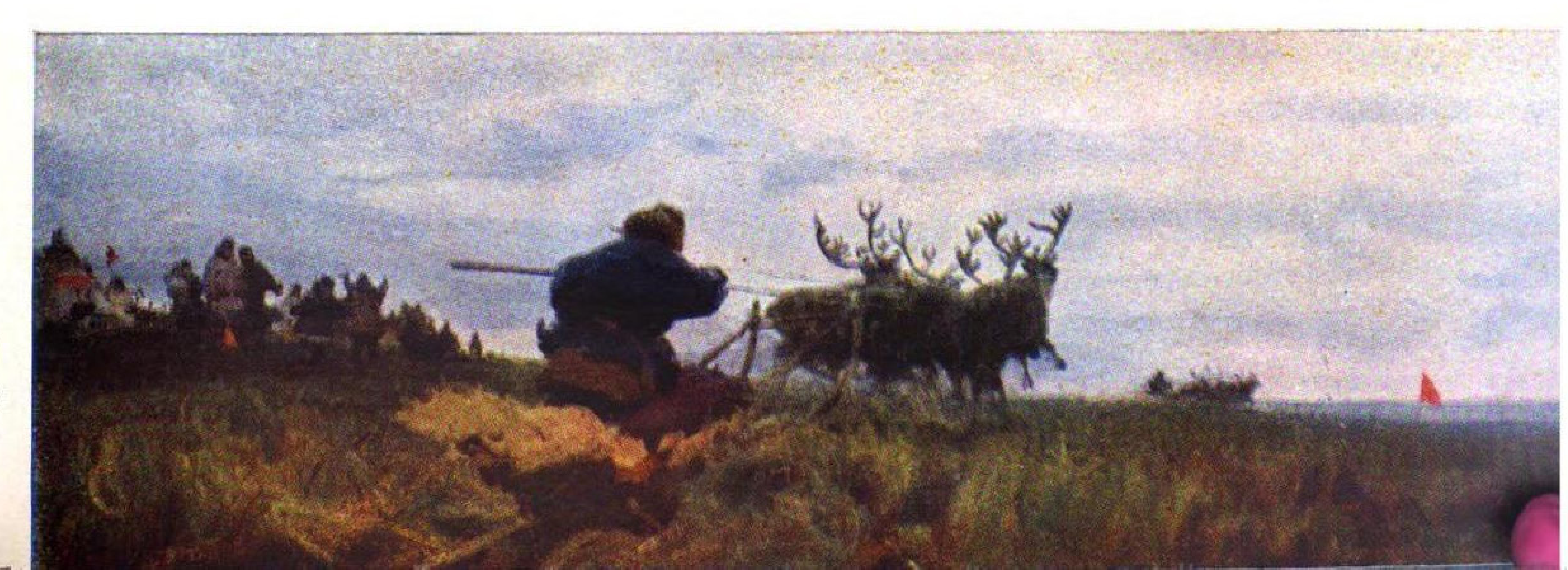
Как сборник новелл построен роман О. Гончара «Тронка». Это помогает автору не только больше вместить в повествование событий и характеров, но и очертить поток жизни с разных точек зрения, выдвигая на первый план различные персонажи. При обрисовке одних героев в романе сильно звучит лиризм, при обращении к другим вскипают ирония или сарказм. От новеллы к новелле набирает силу главный мотив романа, романа о людях, захваченных такой жаждой, когда «хочется землю свою в ореоле увидеть».

Можно счесть простым совпадением, что и в другом романе происходит разговор о жажде. Более того, именно это слово вынесено в заголовок — «Утоление жажды». Закономерно совпадение в основном — в общих думах современников. Но в романе Ю. Трифонова (журнал «Знамя») иные акценты: прежде всего на нравственной проблематике, на раздумьях героев о насыщенности жизни захватывающим делом, о принципиальности, справедливости отношений между людьми.

Хочется отметить, что споры о

Д. Свешников. СТЕПА.

НЕНЕЦКИЙ ПРАЗДНИК.

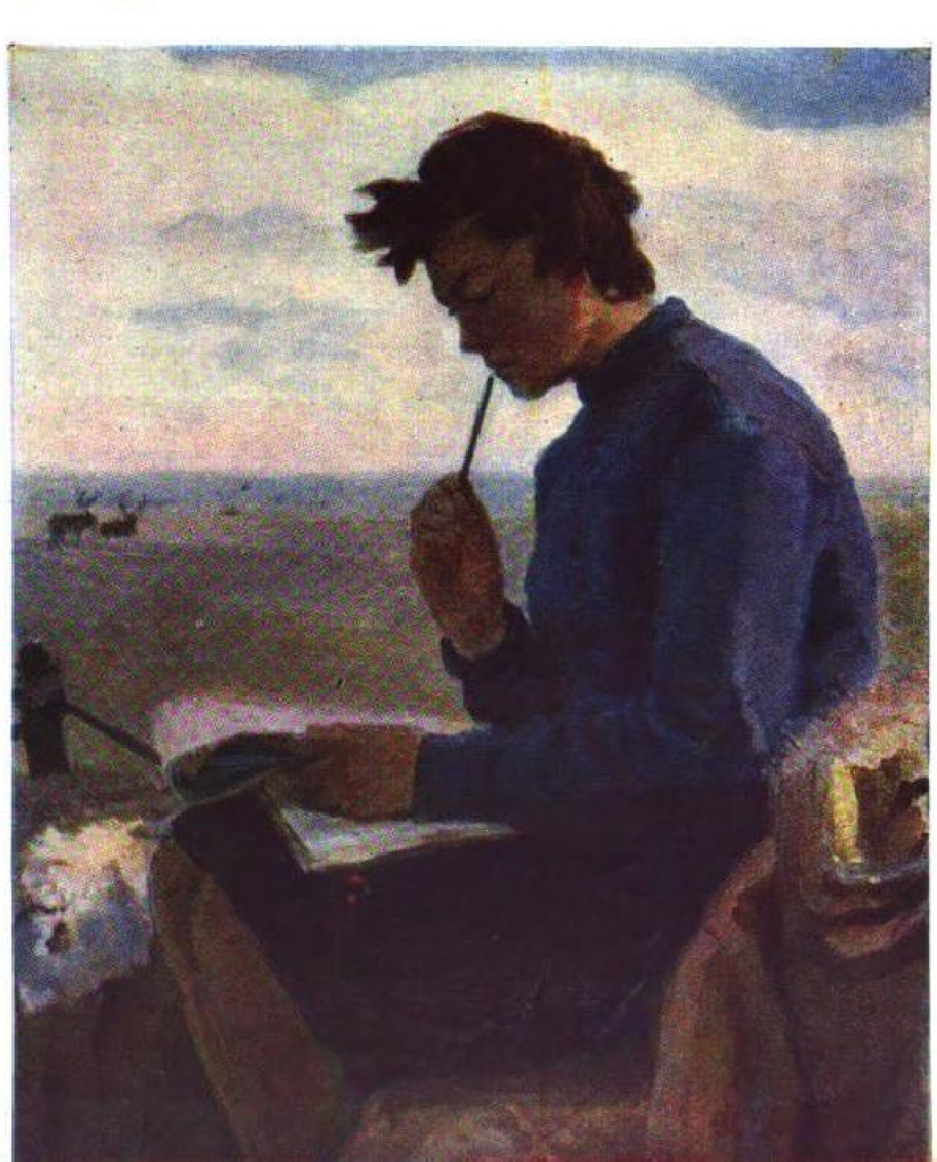

Д. Свешников. БРИГАДИР КОЛХОЗА ИМЕНИ ВЫУЧЕЙСКОГО П. ТАЙБАРЕЙ.

МАРФА ВЫУЧЕЙСКАЯ.

ЗАОЧНИЦА.

времени преподносятся в романе не изолированно от реальных жизненных обстоятельств, а на одном из примечательных плацдармов современной созидательной деятельности — в связи со стройкой канала в Туркмении. Выбор объектов изображения — немалое дело в искусстве, и мы нередко убеждались в этом за последние годы, видя в некоторых произведениях разрыв контактов моральной проблематики и свершений человеческих: погружение персонажей в малый да еще изолированный от всего окружающего мир приводило к абстрактности рассуждений. Но Юрия Трифонова занимало не фотографирование стройки, и он показал, как много важных слоев идейно-нравственных отношений между людьми в современном обществе захватывает протягивание серебряной нити воды в песках. Недаром и роман заключает в себе два сюжета, постепенно соединяющихся к финалу: в одном центральная фигура — инженер Карабаш, в другом — журналист-повествователь. В финале автор в какой-то мере ускорил разрешение некоторых ситуаций и конфликтов, поспешил завершить отдельные характеры, которые еще нуждаются в дополнительной обрисовке. Но в целом встреча с героями этого романа заставляет внедряться в важные вопросы времени и передает жажду героев романа «оставить след в жизни. Не для себя, для людей... «Для себя» — это значит ничего». Выросло писательское мастерство Ю. Трифонова. После романа «Студенты», написанного лет десять назад, автор обратился и к новым темам и к новым типам, видя их, можно сказать, психологическую многооттеночность.

С литературными героями минувшего года мы не раз обратимся к различным этапам нашей истории. Но авторы выступают при этом не только летописцами недавнего прошлого: история помогает лучше видеть истоки, уроки, отличительные черты нашей современности. Это актуально, в частности, и потому, что еще свежи в памяти попытки некоторых литераторов противопоставлять отцов и детей, разрывать связь поколений. С кем разрывать? Какие основания подвергать сомнению революционный пафос героев, завоевавших и построивших новое государство?

Героев, достойных доброй памяти и уважения, видим мы в романе Г. Маркова «Отец и сын». Опубликована пока первая его книга, в центре которой образ сибирского коммуниста времен гражданской войны Романа Бастрыкова. 1921 год. Первые попытки создать крестьянскую коммуну «Дружба». Теперь легко судить, что Роман Бастрыков и его други в чем-то забегали вперед, что неопытность социальных реформаторов усложняла их хлопоты, а их доверчивостью ловко пользовались враги. Роман Бастрыков рано гибнет, и нам жаль, что драматичное повествование о нем скоро обрывается: хочется еще обстоятельней узнать такого значительного человека, современника Левинсона, Метелицы, героев фадеевского «Разгрома». Однако это лишь начало произведения — впереди судьба сына, Алексея Бастрыкова. Да, возможно, и ретроспективно автор еще вернется к Роману. Первая книга, написанная лаконично и красочно, ввела в круг литературных героев запоминающийся образ коммуниста — «носителя света».

На стыке недавней истории и нашей текущей современности остаются еще события Великой Отечественной войны. О них пишут преимущественно люди, сами прошедшие войну. Сколько могут они еще рассказать! А дело не только в том, чтобы добавить какие-то факты, воспоминания,— продолжается осмысление столь грандиозного исторического опыта.

Свой роман, а в сущности, документальное повествование о борьбе советских воинов в фашистском плену и концлагерях Ю. Пиляр подчинил главной идее, выраженной в заглавии,—«Люди остаются людьми» («Юность»). Рассказывая о физических и духовных муках пленников, автор прежде всего выделил то, что характеризовало не сдавшихся идейно советских воинов: их веру в победу, их солидарность, находчивость в борьбе под дулами фашистских автоматов.

Хотя за последние годы у нас появлялось немало заметных произведений о войне, все же ощущалась потребность в широком полотне. Жажда эта еще не утолена. Но приятно сознавать, что сейчас на наших глазах вырастает произведение действительно широкое по охвату событий Отечественной войны, по смелости разрешения идейных и художественных задач. Вслед за романами «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые» К. Симонов выпустил первую книгу романа «Солдатами не рождаются» (журнал «Знамя»). Это новый значительный шаг вперед в его творческой работе, в самом качестве его художественного письма. Фактически К. Симонову пришлось отказаться от неоправданного противопоставления «романа-события» и «романа-судьбы». Он не только не потерял важных для действия героев, а стал глубже в них вглядываться. Полнее представляет он не только фронтовые, но и тыловые картины, чтобы показать напряжение всех сил народа.

Критика под благотворным воздействием партийных совещаний по вопросам искусства, как правило, оперативно отзывалась на новые книги, поддерживая правдивые и талантливые произведения, полемизируя с неверными тенденциями в осмыслении действительности, с эмпиризмом в изображении «обыкновенной жизни», деревни, «маленьких людей», с идеями пассивного «праведничества». В частности, обстоятельно обсуждались рассказы А. Солженицына «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела». На последнем рассказе стоит остановиться, потому что в нем А. Солженицын впервые прямо обратился не к прошлым, а к нынешним явлениям жизни. Автора привлекают нравственные проблемы. Рассказ направлен против пережитков периода культа личности, против тех людей, у которых «внутренний капиталист в голове» сидит.

«Не в камнях, а в людях надо коммунизм строить... Это дольше и труднее!» — говорит один из героев рассказа, Грачиков. Чем же наполняется эта мысль в художественном контексте? К сожалению, в дискуссии о рассказе внимание было чрезмерно приковано к вопросу, важен ли тот научно-исследовательский институт, который хотят создать в городе, для которого срочно ищут новое здание. Особенно подробно писал об этом Д. Гранин. А ведь по рассказу достаточно ясно — институт важен. Конфликт в другом: каковы внутренние мотивы действий директора техникума Федора Михеевича, секретаря горкома партии Грачикова и их оппонентов — секретаря обкома Кнорозова, директора завода Хабалыгина? В рассказе много персонажей, но между этими людьми происходит непосредственное столкновение. И нельзя не видеть, что представлено оно схематично, с недостаточной обрисовкой жизненных обстоятельств. Д. Гранин почувствовал это и верно указал на разрыв поступков и мотивов, на обход, на нехватку материала, чтобы понять «происходящее в душе Грачикова», на то, что читателя раздражает слабость и беспомощность правдолюбов. Но из этих и других верных замечаний следует логично сделать вывод о недостатках художественного решения нравственной проблемы, в данном случае проблемы справедливости.

Самим изображением конфликтующие стороны в рассказе сразу поставлены в неравное положение. Те, кто строит новые здания общежития и техникума, в большинстве написаны с индивидуальными, памятными подробностями характеров. Но как только доходит дело до Кнорозова, Хабалыгина, до «представителей Комитетов по делам...», так исчезает индивидуализация, появляются лишь маски бюрократа, эгоиста, «пяти человек в шляпах». Один из защитников рассказа, доцент Петрозаводского университета Л. Резников, уловил это художественное противоречие, однако прибег к странному доводу якобы в пользу писателя (письмо обращено к критику-оппоненту): «...Замечая карьеризм и деспотизм Кнорозова, Вы считаете, что писатель мало позаботился «о живых чертах его облика». Да ведь живых (в идейно-эстетическом плане) черт у кнорозовых нет, это окаменевшие бюрократы» («Новый мир», 1963, № 10).

Но ведь это аксиома, что писатель не может отказываться от изображения живых, не обязательно привлекательных, а реальных черт любых персонажей, будь они положительные или отрицательные. Сошлюсь на пример из того же «Нового мира». В свое время И. Эренбург в статье «Перечитывая Чехова» писал: «Все герои Чехова — добрые и злые, умные и глупые, значительные и вздорные — показаны изнутри»; «Рашевич действительно жаба, но для того, чтобы читатель в это поверил, Чехов показал его по-человечески».

До сих пор памятны нам образы бюрократов, «администраторщиков», оторвавшихся от народа, Борзова и Вальгана из произведений В. Овечкина и Г. Николаевой. Но ведь это характеры, доскональное знание которых указывает и путь борьбы с ними.

Не стремлением защитить бюрократов Кнорозова и Хабалыгина продиктованы замечания о схематизме, маскообразности этих персонажей. Речь идет о том, что писатель не достиг той убедительности характеров, что помогала бы действенно бороться с карьеризмом, с «внутренним капиталистом в голове».

Не удивительно, что рассказ «Для пользы дела» привлек острое внимание: в нем актуальна проблема утверждения справедливости, тонкого понимания духовных стимулов, поднимающих в людях энтузиазм во имя настоящей пользы страны и народа. Но ограниченность авторской позиции, акцент на страдальчестве вместо борьбы сузили и художественное раскрытие мысли о том, как «в людях надо коммунизм строить». И не следует скрывать это от писателя, интерес к которому тем более возрастает, что он переходит сейчас к нынешним животрепещущим темам. А что касается проблемы справедливости, то разговор о ней не стоит ограничивать одним рассказом. Он будет содержательней, если в него будут вовлечены и называвшиеся здесь произведения и недавние книги, такие, как «Правда и кривда» М. Стельмаха, «Иду на грозу» Д. Гранина, «День летящий» В. Кожевникова, «На диком бреге...» Б. Полевого, «Люди не ангелы» И. Стаднюка, «Свет далекой звезды» А. Чаковского, «Тишина» Ю. Бондарева и другие, в которых герои размышляют о справедливости при разных жизненных обстоятельствах.

Проза хотя и наиболее значительная, но лишь часть огромной работы нашей литературы за год, прошедший под знаком укрепления идейных позиций, позиций партийности, народности, дальнейшего новаторского развития социалистического реализма. Не «заморозки», не «возвращение к методам периода культа личности», как изображала положение в нашей литературе буржуазная критика, а глубокое дыхание искусства, повышенное чувство ответственности перед обществом, многогранное осмысление действительности, активность писательского отряда—и старших и молодых— неизменное устремление к подлинному новаторству по большому художественному счету — эти черты нашей литературы ярко проявились и в минувшем году. Естественно, это не дает нам права успокаиваться, добродушно прощать серость, мелкомыслие, эмпиризм, приводящий к нечеткости тех или иных авторских позиций.

На недавнем заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС в выступлении Л. Ф. Ильичева высказано пожелание, глубоко отвечающее устремлениям деятелей литературы и искусства,— повышать философскую культуру в художественном творчестве. Не иллюстрирование, а исследование жизни, не бесстрастное отражательство, а борьба за утверждение коммунистических отношений, за нового человека. Это и вдохновляет, и зовет к новаторству, и усиливает активность литературы.

...В кратких заметках о прозе минувшего года трудно перечислить все. Помимо журнальных публикаций, вышло много книг в издательствах. Нам еще не раз придется возвращаться к большой библиотеке года 1963-го.

Но вот звонок почтальона — новые номера журналов, уже за 1964 год.

Новые знакомства начинаются...

За вами слово, скороходы!

Олимпийские чемпионы, победители мировых и европейских первенств —

Борис ***ШИЛКОВ,***

Евгений ***ГРИШИН,***

Лидия ***СКОБЛИКОВА,***

Виктор ***КОСИЧКИН,***

а также молодые скороходы

Эдуард ***МАТУСЕВИЧ,***

Юрий ***ЮМАШЕВ***

О СОРЕВНОВАНИЯХ НА IX БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЕ

Мы встретились с ними после двух первых проб пера в Ангарске и Челябинске, перед их вылетом в Норвегию и Швецию для проверки своего почерка во встречах с сильнейшими конькобежцами мира. А когда эти шесть интервью увидят свет, скороходы соберутся в Москве, чтобы принять участие в соревнованиях на приз Струнникова, с тем чтобы вскоре после этого отправиться в Австрию. Итак, за вами слово, скороходы! И здесь, на страницах «Огонька», и на ледяной дорожке в Инсбруке.

Борис ШИЛКОВ, тренер сборной команды СССР

Четыре года, увы, немалый срок. В этой прописной истине мне нетрудно было убедиться: на VII Белой олимпиаде 1956 года я завоевал олимпийское первенство на дистанции 5 тысяч метров, а в Скво-Вэлли должен был уступить место на старте Виктору Косичкину, который блистательно оправдал наши надежды. И вот теперь, спустя еще четыре года, я занимаю место у ледяной бровки. Теперь я готовлю скороходов к IX Белой олимпиаде.

Какова же расстановка сил перед этими исключительно интересными соревнованиями? На что мы можем рассчитывать в споре с нашими главными «оппонентами» — норвежцами и шведами? Когда я слышу эти вопросы, передо мной сразу же возникает фигура Йонни Нильссона, чемпиона мира 1963 года. Давно уже не терпели мы столь сокрушительной неудачи, как на чемпионате мира в Японии. И самым обидным было то, что нас одолели нами же созданным оружием. Ведь советские скороходы первыми применили круглогодичную тренировку, большой объем физических нагрузок. Но мы остановились на полпути, а скандинавские гонщики двинулись дальше. И вот 20-летний швед Йонни Нильссон сумел наиболее полно использовать преимущества такого рода подготовки. Это и принесло ему победу на первенстве мира в Каруидзаве.

Напав на золотую жилу, Нильссон еще более упорно, не жалея сил, готовился к нынешней олимпийской зиме.

Да, Йонни времени зря не теряет. И не только он. Упорно готовятся к встречам в Инсбруке молодые шведские конькобежцы, которых тренирует экс-чемпион мира Сигге Эрикссон. По такому же пути пошли и норвежцы. Уже в апреле они отобрали 20 кандидатов в сборную страны, и мне кажется, что именно норвежские скороходы будут представлять для нас главную угрозу на Олимпийских играх.

Но и мы тоже, учтя свои просчеты и ошибки, не сидели сложа руки. Выполнен большой объем упражнений, заложен солидный фундамент общефизической подготовки, и первые соревнования сезона в Ангарске и Челябинске показали, что наши скороходы находятся в хорошей форме.

Кто же из советских скороходов может на равных выдержать натиск как никогда сильных скандинавских конькобежцев? Таких спортсменов у нас больше, чем может войти в состав олимпийской команды. Неувядаемый Евгений Гришин (тренер — К. Кудрявцев) установил в прошлом сезоне новый мировой рекорд на дистанции 500 метров — 39,5 секунды — и не намерен на этом останавливаться. История конькобежного спорта не знала еще конькобежца, обладающего такими исключительными скоростными данными. И все же рядом с ним, как равные, стоят молодые скороходы Борис Гуляев (тренер — Е. Сопов) и Валерий Каплан (тренер — Б. Цыбин). Быстро прогрессирует и мой ученик Вадим Васнецов.

До последнего времени на дистанции 1 500 метров счет побед был явно в пользу спринтеров. Теперь, видимо, преимущество получат стайеры: они освоили высокие скорости и обладают, естественно, большой выносливостью, которая требуется от бега на 1 500 метров. Учитывая это, мы и готовим к выступлению в Инсбруке на дистанции, где в Кортина д'Ампеццо и Скво-Вэлли победу одерживал Евгений Гришин, скороходов, которые по своему профилю являются стайерами. Борис Стенин, Эдуард Матусевич, Ант Антсон, Юрий Юмашев — таков далеко не полный список кандидатов.

Конечно, первым кандидатом на участие в беге на 5 000 и 10 000 метров является олимпийский чемпион Виктор Косичкин, который находится сейчас в хорошей спортивной форме. Но с ним соревнуются молодые конькобежцы Юрий Юмашев и Игорь Осташев, чемпион СССР Олег Шабаров, Владимир Гейдерих, Эдуард Матусевич. А вопрос о том, как целесообразнее использовать такого молодого конькобежца, как Валерий Каплан, потребует от нас, тренеров сборной команды, всего нашего опыта: до последнего времени мы считали Каплана подающим большие надежды многоборцем, а он пробежал на соревнованиях в Ангарске 500 метров за 41,3 секунды.

Да, сложное дело — подготовка команды к таким соревнованиям, как Олимпийские игры. Нам приходится решать задачу со многими неизвестными, и, правильно ли мы решили эту задачу, удастся выяснить лишь в первых числах февраля в Инсбруке.

Евгений ГРИШИН, четырехкратный олимпийский чемпион

Я не могу пожаловаться на результаты прошлого сезона. Дважды на высокогорном катке Медео мне удалось превысить мировой рекорд на дистанции 500 метров (39,6 и 39,5), а на чемпионате мира в Японии, стартуя на мягком льду, со сбоем, пробежал 500 метров за 39,8 секунды и завоевал первенство.

Каковы мои шансы в Инсбруке? Конечно, я понимаю, что у моих соперников будет одно большое преимущество — молодость, фактор первостатейной важности в спринте. Но, памятуя об этом, я готовился к зиме под лозунгом: терпение и труд все перетрут. Уж очень хочется в третий раз завоевать золотую медаль в беге на 500 метров. Сейчас я могу сказать, что готов к результатам, превосходящим те, что были зафиксированы в прошлом сезоне. На тренировках секундомеры несколько раз показывали 38,5 секунды. Но не будем самообольщаться: от тренировки до нового мирового рекорда — дистанция огромного размера.

Борьба на Белой олимпиаде предстоит исключительно упорная: быстро стали бегать и норвежцы, и американец Дисней пробежал 500 метров за 39,8 секунды, его товарищ Э. Рудольф — за 40,2, ну, а об успехах моих молодых товарищей по команде — Валерия Каплана, Бориса Гуляева, Владимира Орлова — вы, наверное, знаете.

Каковы шансы на победу в беге на 1 500 метров? Дважды на Олимпийских играх мне удавалось разделить на этой дистанции первое и второе места, но в третий раз я вряд ли могу рассчитывать на золотую медаль: теперь стайеры пробегают 1 500 метров за 2 минуты 9 секунд. Я согласен с Йонни Нильссоном, который считает, что победителю на этой дистанции в Инсбруке придется показать результат не хуже 2 минут 7 секунд.

Э. Матусевич, Ю. Юмашев и В. Косичкин на ледяном круге.
Фото А. Бочинина.

Лидия СКОБЛИКОВА,
чемпионка VIII Олимпийских игр, чемпионка мира 1963 года

Как известно, на VIII зимних Олимпийских играх в Скво-Вэлли мы, женщины, были дебютантками: в программах семи предыдущих олимпиад наши выступления не были запланированы. Тем почетнее оказался для меня успех в Скво-Вэлли: две золотые медали на 1 500 и 3 000 метров.

Сейчас о двух золотых медалях в Инсбруке я даже и не мечтаю — одну бы получить! Уж очень трудная предстоит борьба: выросли скандинавские скороходки, и в первую очередь шведки. Но в женском конькобежном спорте издавна существует один закон: равнение на-

до держать на советских спортсменок. Да, среди моих подруг по команде находятся главные претендентки на победу в Австрии. Достаточно назвать имена Инги Ворониной, Валентины Стениной, Тамары Рыловой, Клары Нестеровой, Арии Гулите, Капитолины Пановой.

Виктор КОСИЧКИН,
чемпион VIII Олимпийских игр

Много огорчений принес мне минувший спортивный сезон. По ряду причин я не имел возможности хорошо к нему подготовиться. Но и мои товарищи, не пожалевшие сил на тренировки, убедились и на чемпионате Европы и на первенстве мира, что скандинавские скороходы значительно сильнее их. Норвежские и шведские конькобежцы успешно использовали наш опыт, и нам лишь осталось последовать за ними в область невиданных до сих пор физических нагрузок.

Когда на чемпионате Европы в Хельсинки я впервые встретился с 19-летним шведом Йонни Нильсоном, то сразу же обратил внимание на его высокие спортивные качества. Но кто мог предвидеть, как быстро расцветет талант шведского спортсмена! В Хельсинки мне удалось добиться победы, и Йонни, вероятно, кое-чему научился у меня, а на чемпионате мира в Москве Нильссон закончил свой учебный курс, с тем чтобы всего через год уже кое в чем просветить и меня. Ну что ж, спасибо, Йонни, за урок! И до скорой встречи в Инсбруке!

Эдуард МАТУСЕВИЧ

Четыре года тому назад я начал свой путь в большом спорте. Мне было тогда 23 года, и похвастаться я мог не высокими результатами, а всего лишь высоким ростом — 1 метр 89 сантиметров. Это был единственный рекорд, которым я тогда обладал: среди скороходов преобладают люди среднего роста. Но в спорте правофланговый определяется не по росту, а по мастерству. И это место в нашей команде по праву занимал олимпийский чемпион Виктор Косичкин.

Мне было у кого учиться мастерству. И после года тренировок я пробежал 500 метров за 41,8 секунды, 5 000 метров стал проходить меньше чем за 8 минут, а 1 500 метров — менее чем за 2 минуты 10 секунд. Результаты эти как будто бы и неплохие, но слишком быстро растет теперь спортивное мастерство, и моя мечта добиться успеха на крупных международных соревнованиях пока остается лишь мечтой. На первенстве Европы в Гётеборге я был двенадцатым, на первенстве мира в Японии — тринадцатым. С тем большим упорством готовлюсь я к стартам нынешнего сезона.

Да, пока мне не удавалось увидеть на своей ладони золотую медаль, но в борьбе за нее мне довелось видеть рядом с собой на ледяной дорожке лучших скороходов мира. Я кое-чему научился у них. С нетерпением жду новой встречи с ними.

Юрий ЮМАШЕВ

В подмосковном городе Воскресенске все знают о доме Рика. Беспокойный это дом: в нем все мальчишки — хоккеисты. Я тоже не избежал этого азартного увлечения, но вскоре отложил клюшку, чтобы посвятить себя конькам. В 1957 году, в 17 лет, я получил третий спортивный разряд, через год — второй, через два стал мастером спорта, а в 1961 году был включен в сборную команду страны. Меня готовит старший тренер команды Константин Константинович Кудрявцев. В прошлом сезоне я впервые участвовал в чемпионате страны, занял на нем седьмое место, а в беге на 10 000 метров показал пятый результат. Вот и вся моя биография. Могу к ней прибавить лишь одно: в Медео я пробежал 1 500 метров за 2 минуты 9,6 секунды. А теперь мечтаю о том, чтобы войти в состав олимпийской команды.

ДВАЖДЫ ОДАРЕННЫЕ

Напрасно паяц Канио рисовал на своем лице ухарскую улыбку и раскрашивал нос. С глазами ничего нельзя поделать: они выдают душевную боль. Говорят, самое трудное для художника — передать на полотне выражение глаз. В этом портрете необыкновенно выразительны глаза. Автор картины — Георг Отс. Тезка известного эстонского певца? Нет, это сам певец. Он написал картину в дни работы над образом Канио — Паяца — одной из самых удачных, человечных своих ролей.

Синеглазая Белоснежка в окружении друзей и врагов пришла на выставку из собственного кукольного театра певца Харри Васара. Одно время в его театральной работе был перерыв. Точнее, перерыв был в пении. Театральная работа продолжалась, на этот раз с марионетками. Сначала марионетки играли для сына и его друзей, а потом выступали и на телевидении. Артист и сам не ожидал, что сделанные им куклы получатся такими привлекательными. Теперь Васара снова поет на сцене, но с кукольным театром не расстается: как же можно расстаться с этими забавными, талантливыми и совсем живыми маленькими актерами?

А Ло Туй, профессиональная актриса кукольного театра, отдыхает от кукол за прикладным искусством. Она увлекается керамикой. Своеобразны сделанные ею стенные декоративные маски, красивы бусы и подвески из керамики и дерева. Хеленд Пэеп, артист тартуского театра «Ванемуйне», прислал на выставку веселые дружеские шаржи-портреты своих товарищей по сцене.

Старейший артист Таллинского драматического театра имени Кингисеппа Антс Йыги выставил более шестидесяти работ. Это тонкая резьба по дереву, забавные фигурки зверей, декоративные горельефы, большая и малая графика — пейзажи Таллина, книжные знаки.

Адольф Раудам из «Ванемуйне» сам сделал скрипку. Она тоже здесь, на выставке. Вячеслав Ершов и Леонид Степанов из Таллинского русского драматического театра показывают выполненные углем и маслом портреты друзей и знакомых. Агате Хиило из Пярнуского театра прислала красивые вышивки. А солист театра «Эстония» Хейно Отто выставил пейзажи рыбачьего побережья, полные тумана, ветра и шума волн, разбивающихся о камни.

Выставка художественных работ эстонских артистов посвящена месяцу театра.

Н. ХРАБРОВА

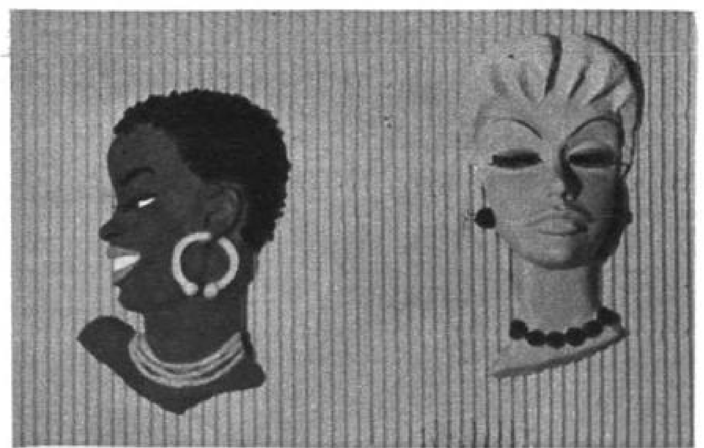

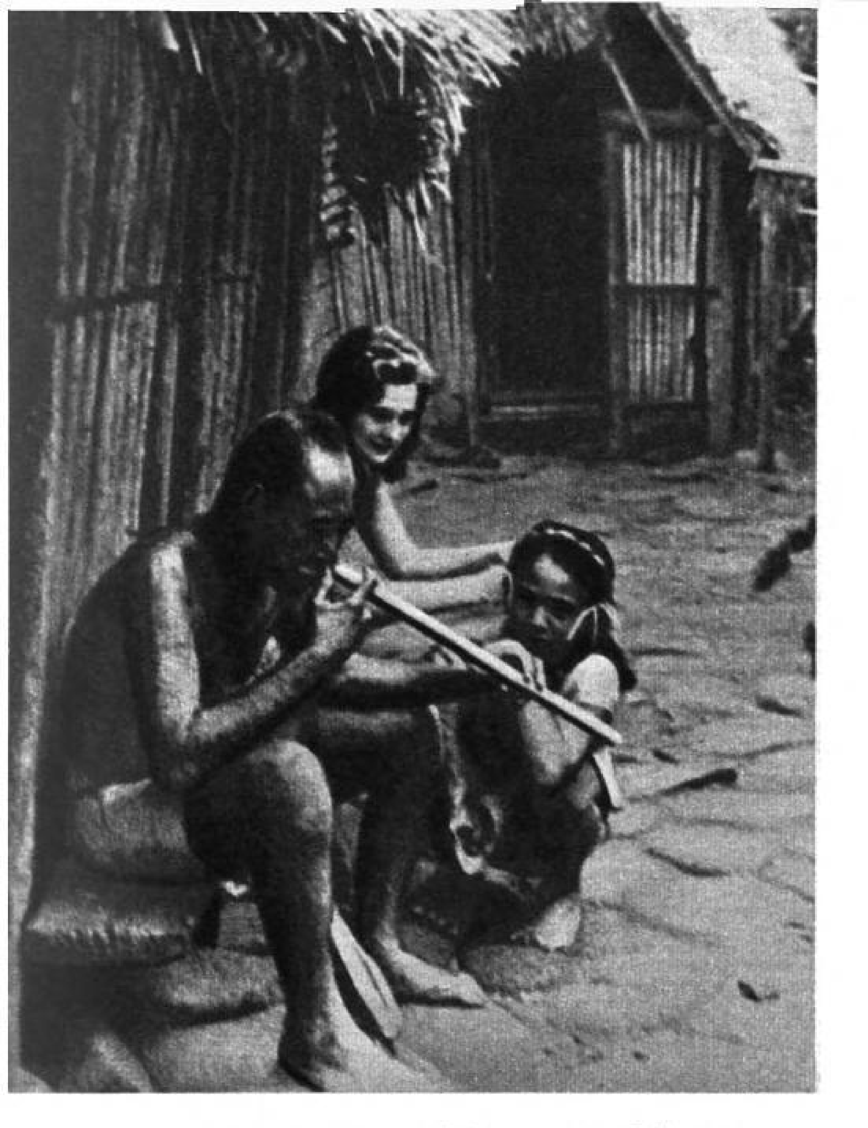
Хейно Отто. На побережье (масло).

Георг Отс. Автопортрет. В роли Паяца (масло).

Ло Туй. Декоративные маски.

Теи Тетуа, маленькая Момо и жена Хейердала.

В нашей стране, пожалуй, нет человека, который не читал бы всемирно известных книг Тура Хейердала «Путешествие на Кон-Тики» и «Аку-аку». Но мало кто знает, что Хейердал на заре своей деятельности написал книгу «В поисках рая». Она была издана в Осло в 1938 году, переиздана там же в 1942 году и, насколько нам известно, не переводилась ни на один язык.

Эта книга — популярные очерки о первой поездке Хейердала с женой на Маркизские острова в 1937—1938 годах. Книга состоит из девяти глав. В них мы встречаем известных советскому читателю по «Путешествию на Кон-Тики» главу вождей семнадцати племен на острове Таити — Терииероо, который усыновил Хейердала и дал ему полинезийское имя Тераи Матеата (Синее небо), и одинокого вождя четырех вымерших племен Теи Тетуа, который на восточном берегу острова Фату-Хива рассказывал Хейердалу легенды о приходе полинезийцев на острова Тихого океана с востока.

«В поисках рая» переводится на русский язык. Мы публикуем отрывок из этой книги.

Тур ХЕЙЕРДАЛ

Пахо убежал вперед, и далекий собачий лай возвестил о том, что он спустился к хижине старика. Теперь уже было недалеко.

Долина расширилась, стало светло и просторно. После кустарниковых зарослей открылась красивая пальмовая роща, лежащая возле моря. Внизу, между рядами пальм, мы увидели группу низких, освещенных солнцем хижин, построенных на старый, туземный лад. Перед лесом возникла голая бегущая фигура туземца. Теи Тетуа!

Обветренный и опаленный солнцем, прикрытый небольшим набедренным лоскутом, старик бежал к нам. Он вертелся, смеялся и сердился, когда мы приветствовали его. Он весь был как бы заряжен нетерпением после замкнутой жизни и никак не мог сказать всего, что у него накопилось после долгого одиночества.

— Ешьте поросенка,— закончил он вдруг.— Нет поросенка — ешьте петуха, нет петуха — ешьте свинью.

Затем он побежал, будто чем-то смущенный, вниз, к хижине, и там кричал на своих полудиких поросят. Он метнул лассо, сплетенное из древесной коры, при помощи Пахо поймал одного из поросят и пришел к нам, таща за ногу визжащее животное.

— Ешьте поросенка,— произнес он, сияющий.

Для него это было величайшим символом дружбы.

К началу ночи мы сидели и ели поросятину. Мы держали большие куски в руках и жевали мясо, сидя вокруг большого потрескивающего костра. Прямо возле статного старика сидела его маленькая красивая приемная дочь Тахиа Момо. Она смотрела на нас большими сияющими глазами и слушала все, что мы говорили. Теи Тетуа был безмерно счастлив видеть гостей в своей безлюдной долине.

— Оставайтесь здесь,— просил он нас все настойчивее.— Оуиа большая. Оуиа — много фруктов. Много поросят. Все дни, ешьте поросят. Ветер дует в Оуиа.

Моя жена и я обещали остаться в его долине, а старый Теи и маленькая Момо радовались, и смеялись, и строили соблазнительные планы. Но наши коричневые друзья из Омоа с сомнением трясли головами.

— В Оуиа нехорошо,— говорил Тиоти.— В Оуиа много фруктов, много поросят, много ветров. Но Оуиа совсем не имеет копры, не имеет денег. В Омоа хорошо. Много домов, много людей. Много копры, много денег.

— Тиоти,— возразил я,— что ты будешь делать с деньгами, если ты получаешь достаточно еды?

Тиоти засмеялся.

— Так было,— сказал он и передернул плечами.— Прежде было хорошо без денег. Но теперь. Теперь мы не будем, как дикари...

Теи Тетуа поковырял в огне палочкой и показал в сторону своей маленькой хижины. Сам он переселялся в сарай.

Мы завернулись в наши легкие одеяла. У остальных еще было что рассказать о жизни там, вне круга, освещенного горящим костром. Они шептались о нас и говорили о настоящем и прошлом. Хижина была сложена из редких шестов, и багровые пятна от костра метались по стенам. Тут и там висели кольца колбас и кокосовые орехи, искусно украшающие хижину.

Пучок сухих табачных листьев висел в углу. Несколько древних каменных топоров и более современный инвентарь из железа ле-

ОГОНЕК

В этот раз к нам в творческий клуб «На огонек» пришла песня. Веселая и грустная, удалая, лирическая и маршевая, она царила в зале и своим настроением захватывала слушателей. И так бывает всегда, когда звучат мелодии композитора Аркадия Островского.

Малыши с удовольствием выводят: «Купила мама Леше отличные калоши...» По песенке Островского «До ре ми фа...» они начинают приобщаться к большой науке о музыке; те, кто постарше, поют уже его песни о мальчишках, смело идущих в бой; молодежь не обходится без трилогии об одной девчонке, что живет у нас во дворе; и уже стар и млад, внук и дедушка, народный артист и участник самодеятельности словно огромным всенародным хором призывают: «Пусть всегда будет солнце»...

У нас на вечере песни композитора исполняли вокальный дуэт — Владимир Александров и Дмитрий Батурин, Майя Кристалинская и Тамара Миансарова.

Н РАЯ

Тур Хейердал с женой в пещере на острове Фату-Хива.

жали в стороне на полу вместе с кремневой зажигалкой. А вверху, под балками пальмовой крыши, темнел громадный ящик. Это был собственный гроб Теи Тетуа.

— Если я заболеваю,— говорил старик,— я заползаю в гроб и закрываю крышку. Здесь нет никого, кто мог бы перенести меня, и я стараюсь лежать там, а собаки прибегают в хижину поесть.

Костер перестал искриться. Полинезийцы заползли в гамаки. Они должны подняться рано, еще до восхода солнца, и отправиться домой через горы.

Мы собирались переселиться в наш новый дом, в тот, что мы построили сами возле моря.

Теи Тетуа был единовластным хозяином в Ouиа, и никто не снимал здесь землю в аренду. Мы были его гостями, все, чем он владел, было нашим. Ниже, в пальмовой роще возле бухты, стояла целая группа хижин, принадлежащих старику. Хижины располагались на площадке, огороженной каменной оградой для защиты от диких и полудиких свиней, которыми была полна долина. Река протекала прямо под стеной. Ниже громоздилась баррикада из гальки, выброшенной морским прибоем.

Перед нами лежала зеленая бухта с вечным ревом прибоя, а дальше море, уходя в бесконечность, сливалось с голубым небом. Здесь было просторно и свежо. Вечно дующий с востока пассат, который круглый год шумел над гребнями волн, выдувал из пальмовой рощи комаров и других насекомых. Лишь дальше, в джунглях, находили они себе приют, и висели, и плясали в воздухе несметными скопищами — дьяволы тех белых, которые принесли их с собой.

Старик хотел переселиться в свою старую хижину. Она была привычным местом его отдыха.

По соседству с долиной Оuиа располагалась маленькая долина Ханетива. Проникнуть в нее можно было только по скальной стене над водой. Так мы и сделали. Здесь мы увидели старые стены, могилы людей и статуи богов среди густых зарослей деревьев.

Здесь росли те деревья, которые нужны были для постройки дома. Гибкая фигура старика мелькала среди зарослей. Мы хотели срубить несколько стволов.

Тонкие, гладкие, но тяжелые стволы мы связали вместе в большие, удобные для переноски связки. Мои голые плечи были ободраны и исцарапаны, а ноги изранены, когда я вслед за стариком лез по скалам через горы со связками на спине. Казалось, что для старика это было игрой. Он шумно веселился, когда я остановился и прижался к стене в том месте, где волны прибоя били в скалы особенно высоко.

На внешней стороне мыса, ограничивающего бухту долины Ханетива, мы бросили наши связки шестов в море и вернулись обратно, чтобы нарубить еще. А море отнесло связки шестов в бухту Оuиа и выбросило на берег как раз там, где должна была строиться хижина.

Хижину строили на высоких сваях, чтобы избежать визитов диких свиней. Одна сторона хижины была открытой. Постель мы устроили из вороха пальмовых листьев.

Когда мы хотели возвести крышу над кухней возле нашего жилья, старик сказал: «Нет!» Мы были гостями в долине Теи Тетуа и должны были есть еду хозяина. Он схватил нашу кастрюльку и ушел к себе.

Так начались наши самые замечательные дни жизни на Тихом океане.

Моя жена и Момо стали закадычными подругами. Момо было около десяти лет, но вместе с тем она была почти взрослой. Она радовалась своей новой подруге и учила ее обязанностям полинезийской женщины. Они плели маты из листьев пандануса, канаты для лассо и мяли кору хлебного дерева, которая шла на обои для стен. Они сделали украшения из цветов красного гороха и красивых фруктов.

Однажды сияющая Момо прошла мимо меня со скорлупой кокосового ореха, наполненной какой-то кашей. Ее тело и лицо украшал боевой рисунок: от макушки и до пальцев на ногах она была размалевана желто-зеленой растительной краской и направлялась к моей жене для того, чтобы разукрасить и свою подругу.

Пока женщины занимались косметикой, Теи и я пошли в лес за едой. Чтобы раздобыть ее, нужно было только очистить плоды хлебного дерева и бананы, манго, папайи, ананасы, апельсины. Старик знал также различные вкусные корни, которые можно было есть.

Затем мы наловили раков в ручье и поймали полудикую свинью.

Иногда Момо и моя жена ходили на мыс. Здесь были замечательные карстовые образования: пещеры, туннели и впадины. Брызги прибоя, долетавшие сюда, образовали на скале небольшой водоем. В нем были редчайшие рыбы, крабы и моллюски. Момо знала, какие из них съедобны и какие ядовиты.

А Теи Тетуа был выдающимся коком. Каждый божий день, утром, днем и вечером, старик взбирался к нам наверх, в нашу свайную хижину с аппетитнейшими кушаньями. Теи был специалистом по варке горных крабов в кокосовом соусе и по сырой рыбе. Сырая рыба считалась деликатесом. Ее резали кубиками и клали на ночь в лимонный сок. Затем добавляли морскую воду, кокосовое молоко, и кушанье готово.

К каждой еде мы получали свиное мясо. Сочные куски пекли в больших листьях между раскаленными камнями.

Всякий раз старик приходил с горой еды. Мы съедали часть ее и обычно пытались вернуть остаток. Но старик протестовал. Он считал, что остаток должен сохраняться до следующего принятия пищи. Но в следующий раз он опять приходил с полными руками.

— Старик уморит нас,— смеялась жена.

Когда опускались сумерки, мы выбрасывали за хижину горы отбросов. Каждую ночь к хижине сбегались свиньи. Когда они толкали сваи, хижина угрожающе сотрясалась.

Я никогда не забуду тех ночей, когда мы вчетвером сидели на берегу вокруг потрескивающего костра. Месяц светил над Тихим океаном и сверкал в развевающихся по ветру кронах пальм, которые сгрудились над нашими хижинами, на гигантских листьях причудливых растений, еще выше, на смоляно-черной, зубчатой горной стене, которая отделяла нас от мира.

Обычно Теи Тетуа высекал огонь ударами кремня по куску железа, но он научил нас получать огонь трением. Это оказалось легче, чем мы думали. Он расщеплял небольшую палочку вдоль и заострял один конец, как карандаш. Острием одной палочки он сильно и быстро водил вдоль сердцевины другой. Пыль от трения ссыпалась по желобку вниз. Постепенно полоса, по которой терли острием, чернела и начинала попахивать горелым. Затем появлялся огонь вдоль полосы и на горке пыли.

Мы смотрели в упор на охваченный пламенем костер — мы, четверо во всем нашем мире. Казалось, что мы перенеслись на тысячу лет назад.

Теи Тетуа, старый и морщинистый, сидел на корточках возле огня и курил свой доморощен-

---

Это, наверное, самый молодой вокальный дуэт. Но даже на фотографии видно, что обоим исполнителям пение приносит огромное удовольствие. Сибиряк Дима Батурин — студент Училища Гнесиных. А кубанец Володя Александров овладевает сложным искусством опереточного актера в Государственном институте театрального искусства. Но разные школы не мешают Володе и Диме одинаково любить свое искусство и приносить людям радость.

Говорят, что композиторы очень любят, когда их новые песни исполняет Майя Кристалинская.

И они правы.

Любую ее песню запоет народ. Потому что любую она петь не станет: Майя Кристалинская — художник хорошего вкуса и большой музыкальной одаренности. Вот за это ее и любят.

На III Международном фестивале песни, который проходил в Польше, в городе Сопоте, исполнялось много песен многих стран. Но когда Тамара Миансарова спела «Пусть всегда будет солнце», жюри, где были представители 35 стран, единогласно присудило этой песне А. Островского первую премию.

●

С веселым искусством познакомили нас молодые артисты эстрады. Их представил Михаил Гаркави. О новых именах на эстраде мы расскажем в одном из ближайших номеров «Огонька».

Фото Ю. Кривоносова.

ный табак. Сбоку пристроилась маленькая Момо, юная и красивая, и слушала, глядя на мир большими глазами.

Теи смотрел на пламя и начинал ритмично раскачиваться. Затем возникла монотонная и зловещая песнь, песнь, которую он пел грубым голосом древнего человека. Его пение возвращало нас в давно минувшие дни.

Это была древняя песнь о сотворении полинезийского мира, в котором жил Теи Тетуа. Полинезийцы теперь забыли ее, но когда-то они пели эту песнь во время религиозных церемоний, давно-давно, перед тем как белые пришли на острова.

Перевод песни звучал так:

«Тики, бог людей, который живет на небе, создал землю. Затем он создал воду. Затем он создал рыб. Затем он создал птиц. Затем он создал фрукты. Затем он создал поросят (это было единственное млекопитающее, которое знали полинезийцы до того, как пришли белокожие). Когда все это было готово, он создал людей. Одного мужчину, которого звали Атеа, и одну женщину, которую звали Атаноа».

— Остальные люди — потомки этих двух,— пояснил Теи и продолжал бесконечный перечень имен потомков Атеа и Атаноа, поколение за поколением.

— Теи,— прервал я,— ты веришь в Тики?

— Да,— ответил он.— Я католик. Но я верю в Тики. Я верю, что Тики и Иегова — одно и то же.

— Что это на твоем языке?— спросил Теи, показывая на огонь.

— Костер,— сказал я.

— У твоего народа это костер,— продолжал Теи.— У нашего народа это ахи. Твой народ говорит: Иегова. Наш народ говорит: Тики. Тики это и есть Иегова. Мы поняли это еще тогда, когда пришли белые люди. Но белые люди не поняли этого. Они презирают Тики. Они думают дать нам какую-то новую веру.

Древний человек сидел и пристально всматривался в огонь. Мы думали о первых белых, которые пришли сюда и выменивали настоящий жемчуг на стекло и ничего не стоящую чепуху. Они смеялись над полинезийцами и их глупостью.

Для полинезийцев драгоценностью было листовое железо и жемчуг из стекла. Этого не было на островах. Полинезийцы смеялись над белыми и их глупой торговлей.

— Теи,— спросил я снова,— ты веришь, что Тики съедал жертвы, которые он получал?

Теи улыбнулся презрительно.

— Тераи,— ответил он,— а ты веришь, что Иегова съедает то, что он получает? Нет, это поедают священники. Тики тоже не съедал жертвы. Их поедали таоа, старые колдуны, наши священники.

— Но, Теи,— попытался я наконец возразить.— Я часто видел Тики в джунглях. Он был весь из камня, такой, каким вы вырубили его для себя.

— Тики не из камня,— спокойно ответил старик.— Тики никто не видел. Таоа создали образ Тики в камне для людей. Священники создали картины Иеговы. Я как-то видел в церкви в Омоа. Там Иегова был создан на стене.

Теи вытащил бамбуковую флейту и носом исполнил удивительную мелодию. Он не хотел больше говорить на эту тему.

Когда старик говорил о прошлом, он светился от гордости, а к молодым выражал презрение.

Часто говорил он о старых днях. Тогда острова были перенаселены. Даже там, наверху, возле крутых горных склонов, мы находили руины. Там жили бедные рыболовы. Под покровом ночи они спускались в долину, к врагам, чтобы наполнить питьевой водой толстые бамбуковые трубки.

— Теи,— обратился я однажды к старику,— как ты думаешь, почему исчез твой народ?

— От болезней, которые принес с собой двойной человек,— ответил он.

— Двойной человек? — удивились мы.— Что это?

— Первых белых людей, которые пришли на Маркизские острова, называли двойными, потому что у них было две головы, два тела и четыре ноги,— ответил старик.

Туземцы не нуждались в одежде и верили, что белые, раздеваясь, снимали второе тело. Если белые снимали шляпу, то под ней оказывалась голова. Если они снимали костюм, то под ним было тело. А если они снимали ботинки, то внутри оказывалась пара ног. Это вызывало самый большой страх туземцев.

Но с двойными людьми пришли чахотка, лихорадка и другие болезни. Туземцы умирали от них в тяжелых мучениях.

— Прежде мы никогда не умирали от болезней,— сказал Теи Тетуа.— Люди становились такими старыми, как высохшая кожа. Если умирал молодой, то лишь потому, что срывался откуда-нибудь и ломал шею. Или кто-нибудь получал смертельный удар во время военной схватки.

Но даже если кто-нибудь разбивался, таоа частенько мог вылечить пострадавшего. Того, кого Теи называл таоа, мы называем знахарем, или колдуном. Но в действительности он был хорошим психологом и блестящим хирургом. Чтобы добиться слепого доверия людей, он демонстрировал излечение больных во время дьявольского танца и делал труднейшие операции. При этом раны не воспалялись. Найдены замечательные инструменты таоа, искусно выполненные из кости и зубов, камня и дерева. Древние лекари знали и шило, и сверло, и пилу.

Таоа Теке, или доктор Теке, жил во времена молодости Теи Тетуа. Теперь доктора не было: он умер. Но одно из каменных изваяний на берегу бухты Ханахепу, на северо-востоке острова, носило его имя и должно было, по мнению полинезийцев, сохранять его душу.

Теи видел, когда доктор Теке вшивал в икру одного человека искусно сделанный из куска дерева заменитель кости. Этот человек сломал ногу. Рана заросла, и человек стал ходить.

Еще удивительнее, что эти доктора знали операции на черепе. Одного туземца в Оуиа, который упал и проломил череп, принесли к доктору Теке. После танца и заклинаний Теке приступил к работе. Рана была обмыта, осколки кости удалены, а края отверстия в черепе аккуратно опилены и обточены. Затем он вложил туда кусок тонко выпиленной скорлупы кокосового ореха. И высверлил дырочки для швов в черепе и в скорлупе. Рана зажила, и человек жил еще много лет.

Перевод с норвежского
Г. Анохина.

И. П. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

Фото А. Бочинина.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Прошло больше ста лет с тех пор, как зародилась мысль организовать в России первый приют для диких животных — зоологический сад в Москве. Инициативу организации приюта взяло на себя Русское общество акклиматизации животных и растений. Руководителям общества рождение зоосада стоило невероятных усилий, забот и хлопот.

Энтузиасты из Общества акклиматизации сумели собрать средства на устройство сада и приобрести группу животных. Бывший директор зоосада профессор Н. М. Кулагин записал: «31 января 1864 года последовало торжественное открытие Московского зоологического сада. После молебствия все постройки сада и размещенные в них животные были окроплены святой водой».

Первое время после Октябрьской революции зоосад, потеряв всякое управление и хозяина, существовал сам по себе и сохранился благодаря жившим на его территории рабочим и служащим, преданным своему любимому делу.

Наступил 1919-й — самый знаменательный год в вековой истории зоосада. 27 марта Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации сада. Его территория к 1926 году была увеличена вдвое, и он стал именоваться Московским зоологическим парком.

В 1875 году коллекция животных зоосада насчитывала примерно 500 экземпляров, а в год основания и того меньше; в 1963 году она представлена 2 500 экспонатами.

Подготовка к празднику.
Рисунки А. Орлова и А. Шварца.

СТАРОЖИЛЫ И НОВОРОЖДЕННЫЕ

Каспийская черепаха — одна из старейших обитательниц нашего террариума; ей далеко за пятьдесят, но по черепашьим меркам она еще молода. Известны черепахи в возрасте 75—100 и больше лет. Очень долго живут попугаи — больше ста лет. Один из них содержится с 1937 года и пока на пенсию не собирается. Больше 30 лет живет в зоопарке журавль антиго-

на и тоже не сдается; нередко весной можно увидеть, как он танцует, выделывая такие буги-вуги, что стиляги позавидуют. Дольше всех из птиц жил в нашем зоопарке кондор по кличке Кузя — 70 лет.

В природе установить продолжительность жизни животных очень трудно, иногда просто невозможно, поэтому данные зоопарка очень ценны. Мы можем с достоверностью сказать, что орлы, беркуты и черные вороны живут до 75—80 лет, соколы — до 100 лет, филины — до 70, сомы и угри — 50—60 лет, крокодилы, удавы, саламандры — 70—80 лет, львы, леопарды и тигры — 25—30, носороги — 40—45.

На нашем сотом юбилее будут присутствовать и самые молодые обитатели зоопарка: им нет еще года. Горный кенгуренок совсем недавно покинул свою пушистую колыбель на брюшке кенгурихи, где он жил почти полгода. Подрос с прошлого лета и антилопчик бейза. Он так спешил появиться на свет к столетию, что родился уже с маленькими рожками.

Глаза совы круглы, как эта юбилейная дата.

парку 100 лет

В НЕОБЫКНОВЕННОЙ БОЛЬНИЦЕ

На территории зоопарка есть настоящая больница, только она без номера, а остальное все, как полагается: изолятор, лаборатория, поликлиника, аптека, свой рентгеновский кабинет, хирургическая и т. п. Больница эта необыкновенна своими пациентами. Среди них и рыбки с ноготок, птички с орешек, а некоторые едва не больше самой больницы — слоны, бегемоты. Есть у нас также помощь на дому: не повезешь же в поликлинику, например, носорога или моржа.

Утро в зоопарке начинается с обхода всей территории специалистами и ветеринарными врачами. Они зорко наблюдают за поведением животных, контролируют аппетит. Малейшее подозрение, скажем, на воспаление легких — и пожалуйте на рентген...

В нашей больнице иногда делаются сложные операции. У снежного барса, высокогорного хищника, заболел глаз. Долго лечили, но безрезультатно. На консилиуме решили глаз удалить. Легко сказать — вынуть глаз у барса.

Но тише: идет операция. Барс лежит на спине в специальной клетке, лапы на растяжках, голова запрокинута, челюсти связаны. Почему он не сопротивляется? Около часа назад ему ввели снотворное. Тридцать минут продолжалась операция, хирург закончил работу, животное освобождается, под него подкладывается мягкая подстилка, барс еще спит. Все волнуются: проснется ли, ведь это первый барс из всех барсов, живущих на свете, которому сделана такая сложная операция. Проснулся больной через трое суток, а сейчас жив, здоров.

НА ФАБРИКЕ-КУХНЕ

Накормить животных — дело не простое. От количества пищи, ее полноценности прежде всего зависит успех содержания наших питомцев, их размножение и долголетие. Чего-чего только не приготовляют на нашей фабрике-кухне... Бегемотам и слонам готовится винегрет из отрубей, гороха, картофеля, свеклы и дикорастущих ягод. Приготовляется соленое сено и веники из березы и ивы. Хищники получают мясо. Кости тоже не пропадают: они пропускаются через мощную дробилку и превращаются в костяную муку или стружку, которые нужны как минеральная подкормка. Для кормления птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся нам поставляют мотыль, лягушек, мышей и мучных червей. Последних специально разводят в Московском зоокомбинате, между тем как повсеместно их уничтожают, как амбарных вредителей. На огромной плите кипятится чай, варятся супы на отходах мяса и костях, парится овес и чечевица. Многие корма обрабатываются с помощью машин, гудит зернодробилка, как реактивный самолет, заводится кормовой размельчитель, тарахтит овощемойка.

Знают ли питомцы о существовании их собственного пищеблока? О центральном — нет, а о местных — да. В террариуме жил броненосец, и, когда его до прихода посетителей выпускали погулять по помещению, он безошибочно спускался по лестнице, важно проходил по зрительному залу и отправлялся на кухню за получением лакомых червячков. Как бы далеко ни заплывали лебеди и утки от кормового домика, они всегда заметят нашего служащего с тележкой, на которой развозятся корма, и моментально соберутся к берегу, в свою столовую. Причем они хорошо знают и часы кормежки. Когда мимо тигров или волков проезжает знакомый им фургон с кормами, они очень волнуются, едет машина с другими грузами — ноль внимания.

Ну, а теперь отвечу на один из самых распространенных вопросов посетителей: кто сколько съедает. Огромный индийский слон поглощает в день 100—120 килограммов травы, сена, веток, корнеплодов и других кормов, это в 30—40 раз меньше его веса, а крохотная землеройка съедает в 1,5—2 раза больше своего веса. Синичка ест столько, сколько весит сама, а страус — около трех килограммов. Тигр, лев — 7—9 килограммов мяса, а маленькая ласка может истребить за сутки 30—40 мышей, правда, целиком их она не съедает.

Правильная постановка кормления помогает нам решать и очень важную задачу — акклиматизировать животных в условиях Москвы. Чем упитаннее зверь, тем легче этого достигнуть. Не так страшен холод, как голод.

Удивительно смотреть на резвящихся в снегу южных тигров, на тропических фазанов в сугробах, щебечущих попугайчиков на жердочках, покрытых инеем, и на африканских антилоп, которые взметают копытами снег.

Все это мы видим днем, а что же делается в зоопарке ночью?

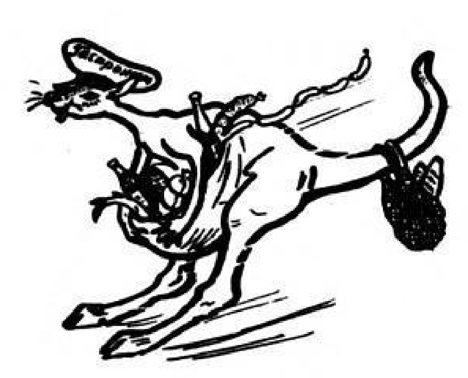
НОЧЬ ПРОШЛАЯ И НАСТОЯЩАЯ

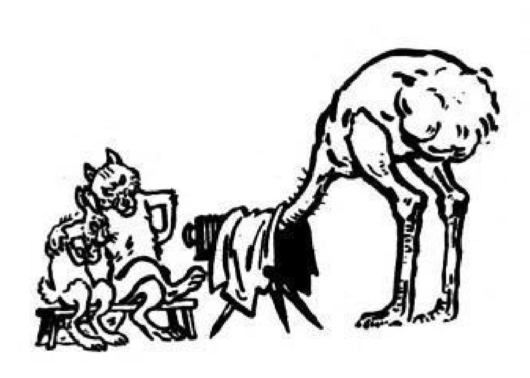
«...зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают спать зверям, которые еще не околели с голода» — так описывает распорядок, существовавший в зоопарке в 1891 году, А. П. Чехов в очерке «Фокусники».

«Ночь прошла спокойно, парк закрыл ровно в 20 ч. 00 м. Температура воздуха в пять часов утра +12. При обходе территории под

Перед юбилеем полезно выспаться.

утро наблюдал рождение у пятнистых оленей и дагестанских туров. Оленуха принесла двух, турица — одного. Дежурного ветврача не вызывал. Малыши чувствуют себя нормально»,— это написано ночным зоотехником в очередном рапорте, ежедневно поступающем в дирекцию.

Но не всегда ночи в зоопарке спокойные.

Среди наших обитателей немало таких, которые становятся активными только с наступлением темноты. Посмотрите, какие огромные глаза у ночного хищника — совы. Ни одна мышь не укроется от них в темноте. А ушастый филин, как тень, мелькает то в одной, то в другой стороне вольеры и никогда ни за что не заденет — так он привык пробираться в глухом, темном лесу.

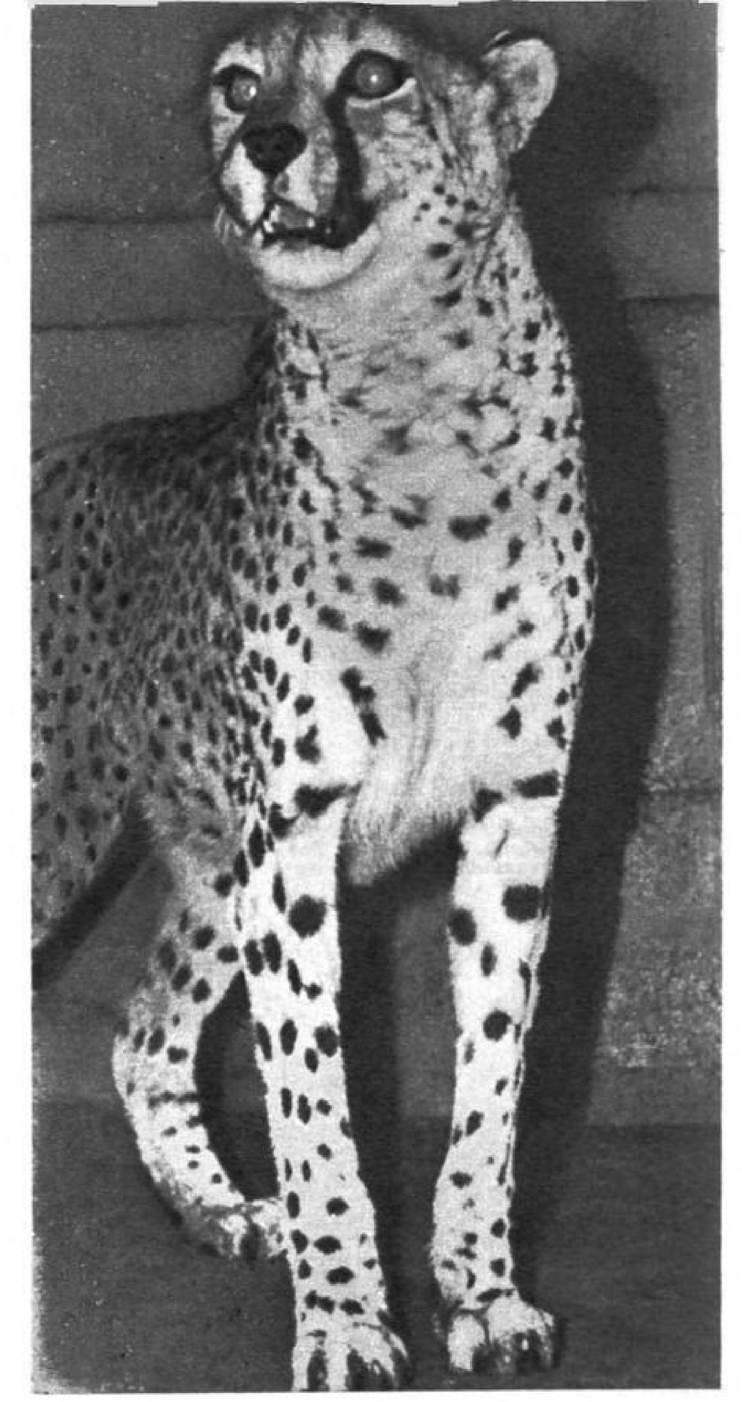
Звери, совершавшие у нас побеги, обычно уходили из своих помещений ночью. Днем мешает публика, наблюдают сторожа, а под покровом ночи можно свободно работать, подрывая лапами основания загородок, разрушать полы или сетки. Звери настолько хитры, что, услышав приближение ночной охраны, немедленно прекращают свою работу и притаиваются. Утихнут шаги — и снова за дело. Удрала как-то росомаха, и больше двух недель пришлось нам дежурить на материальном складе, где она устроила себе убежище под поленницей дров; сбежавшая куница сдалась на милость ребят в классе соседней школы.

Как-то раз прибежал ко мне домой ночной сторож и, не успел я открыть дверь, выпалил: «Вас срочно вызывают в зоопарк, эти... ну, эти... бьются». «Кто эти?» «Ну, вот эти здоровые, головастые...» Вот и попробуйте догадаться! Не мудрено, что он забыл название животного: ведь их у нас больше 500 видов! Так и примчался я в зоопарк, не зная, кого разнимать, кому служить арбитром. Однако пришлось. Два огромных быка почти сошлись вместе, перегородка между ними еле держалась, морды были окровавлены, глаза горели — вот-вот начнется смертный бой. Холостые выстрелы, струи воды, яркие вспышки ракет не могли развести соперников, и только с помощью большого факела удалось их разогнать, и то лишь после того, как им подпалили усы. Иначе пропали бы не только усы...

А как спят животные? Это очень интересно, но наблюдать не всегда удается. Хочется подсмотреть, но только вставишь ключ в замочную скважину — спящие моментально вскакивают.

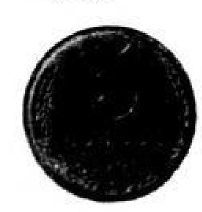
Обезьяны шимпанзе и орангутанги укладываются на ночь рано, спят они на деревянных полочках в разных положениях, а если холодно, ловко укрываются одеялом, чаще всего с головой. Многие спящие птицы даже вблизи удивительны: головы нет, она на подушке, под крылом, и нога одна, а вторая подтянута: ноге тоже нужно поспать. Крупные слоны ложатся в свои постели так тихо, что и не услышишь. Бегемот спит, принимая ванну. Спят ли рыбы? Недолго, но спят, опускаясь на дно или прячась среди зелени растений. Большинство животных спит чутко, но есть и такие обломовы, как, например, лемуры, что их во время дневного сна буквально не добудишься. Ночью же они бодрствуют.

Не будем будить зверей и закончим наш поход по зоопарку...

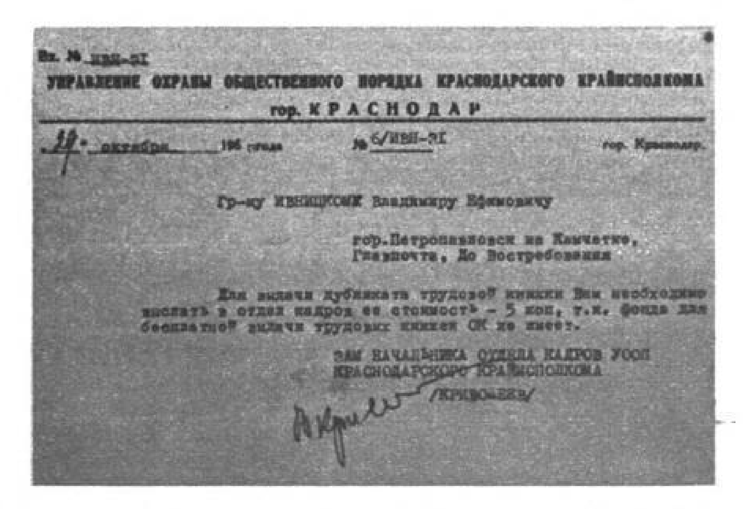

Гостей будет встречать гепард.

Бюро медвежьих услуг

Пятикопеечная история

Вх. № [illegible]

УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА КРАСНОДАРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА
гор. КРАСНОДАР

«24» октября 196 года № 6/[illegible] гор. Краснодар.

Гр-ну ИВНИЦКОМУ Владимиру Ефимовичу

гор. Петропавловск на Камчатке,
Главпочта, До Востребования

Для выдачи дубликата трудовой книжки Вам необходимо выслать в отдел кадров ее стоимость — 5 коп, т.к. фонда для бесплатной выдачи трудовых книжек ОК не имеет.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ УООП
КРАСНОДАРСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА
/КРИВОШЕЕВ/

Уважаемая редакция, как вы думаете: сколько может стоить почтовый перевод пяти копеек?

Пусть этот вопрос не покажется вам праздным или мелочным. Мы с женой достаточно хорошо зарабатываем, и на жизнь нам хватает. А спрашиваю я вас об этом потому, что недавно со мной произошла такая история.

Мне срочно понадобилось запросить с моей бывшей работы в Краснодаре дубликат трудовой книжки. Для этого я должен был перевести туда 5 копеек. Вот тогда я и узнал, что перевод этой суммы стоит более пятидесяти копеек. Я так расстроился — но не за свои деньги, а за такой порядок,— что даже раздумал получать трудовую книжку.

Прилагаю вам ответ на мой запрос. Мне он, кроме боли, ничего не принес. Если я неправ, прошу извинить.

В. Ивницкий

Петропавловск-Камчатский.

На этой фотографии снята каменная елочка, сложенная кристаллами гипса. Такая гипсовая елка найдена в нижнепермских отложениях Донбасса, вблизи города Константиновки.

Ю. Борисенко,
В. Сазонов

Артемовск.

Это не экспонат кружка «Умелые руки». Пять шишек выросли в форме звезды в сосновой роще, близ города Приднепровска.

В. Печорин

Приднепровск.

На первой странице обложки: Неля Воронина и Таня Туева в вычислительном центре (см. в номере репортаж «Студенческий завод»).

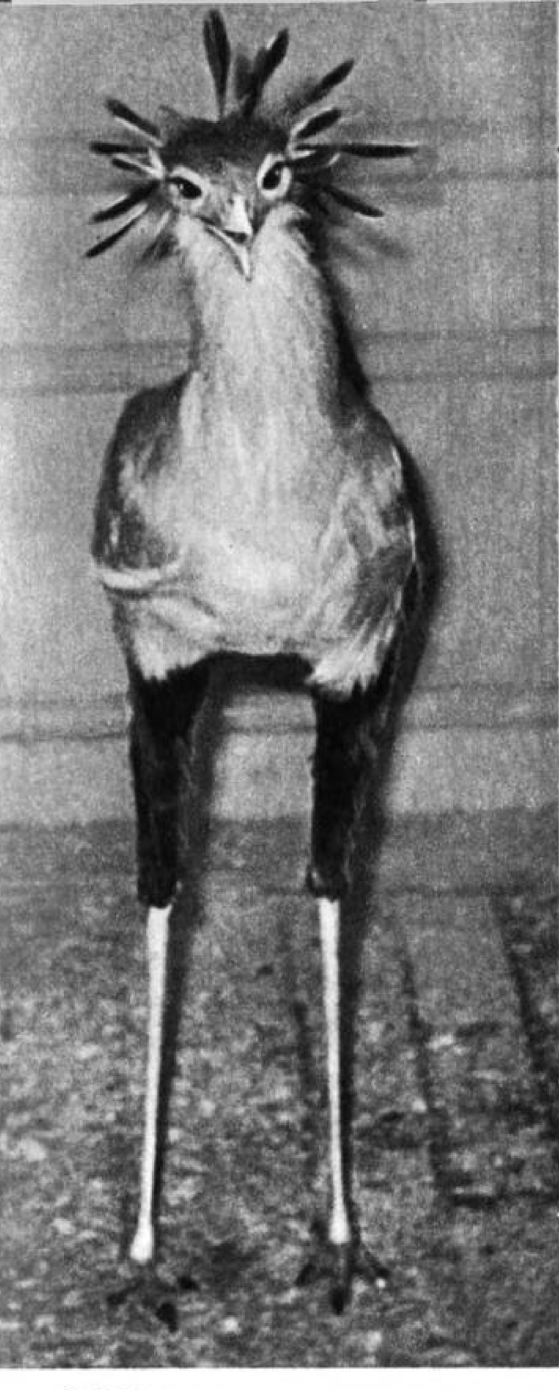
Фото Н. Ананьева.

На последней странице обложки: крутой спуск. Ненецкий национальный округ.

Фото А. Становова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

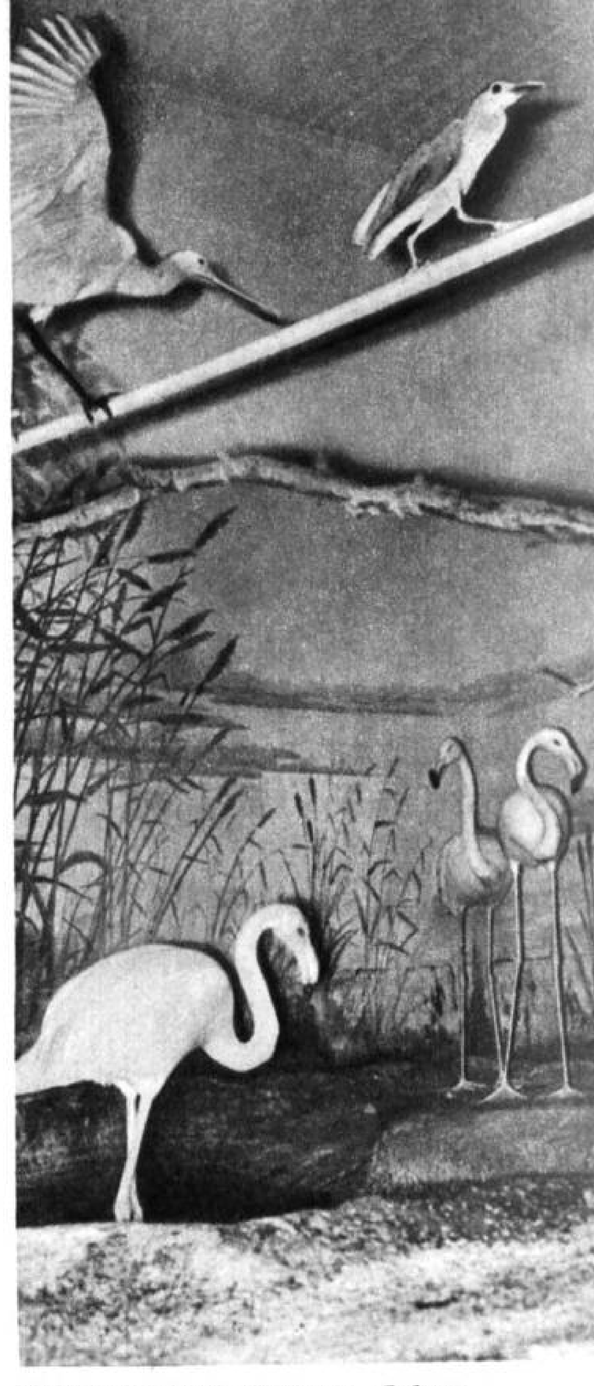

а регистрировать — птица-секретарь.

Мархур будет открывать шампанское.

Фламинго готовят сцену из «Лебединого озера».

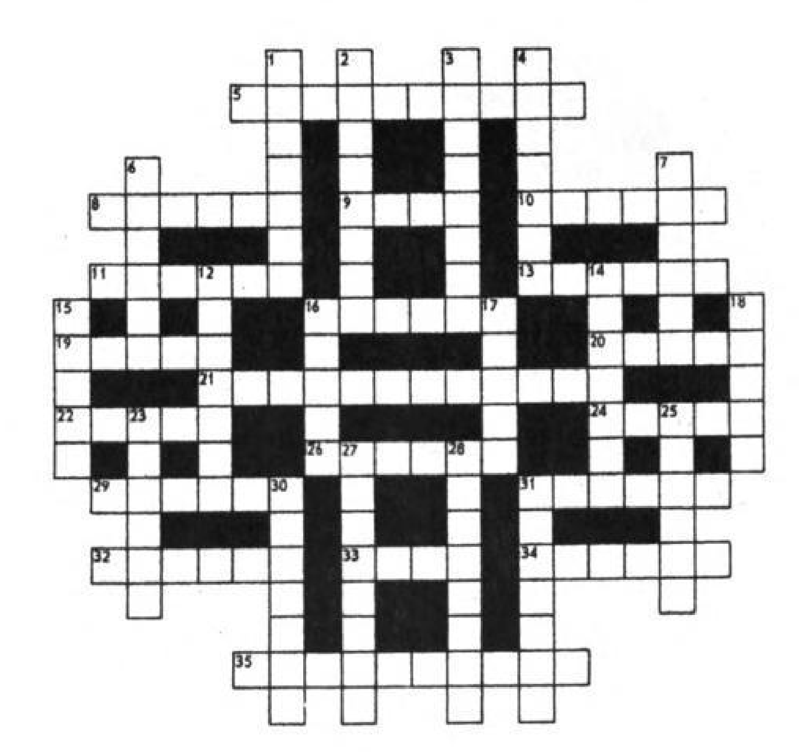
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Раздел геодезии. 8. Спортсмен. 9. Путь следования. 10. Начало шахматной партии. 11. Кристаллическая порода, применяемая как облицовочный камень. 13. Сатирический киножурнал. 16. Поморская высокобортная лодка. 19. Повесть А. И. Куприна. 20. Вулкан на острове Хонсю в Японии. 21. Город на Урале. 22. Музыкальный инструмент. 24. Опера Д. Пуччини. 26. Литературный жанр. 29. Сахаристый продукт. 31. Горный массив в Греции. 32. Детский писатель. 33. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 34. Часть генератора. 35. Итальянский народный танец.

По вертикали:

1. Порт на реке Парана. 2. Частица вещества 3. Плотная ткань. 4. Немецкий физик XVIII—XIX веков. 6. Морское неподвижное животное. 7. Цветок. 12. Курорт в Грузии. 14. Сельскохозяйственная машина. 15. Исчисление предполагаемых расходов и доходов. 16. Геометрическое тело. 17. Хищная птица. 18. Тропическое растение. 23. Ветер разрушительной силы. 25. Русский критик. 27. Объединение промышленных предприятий различных отраслей. 28. Хранитель ценностей. 30. Артист цирка. 31. Мягкие цветные карандаши.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. «Рабочий». 8. Мегафон. 11. Валакирев. 12. Змееносец. 14. Риони. 15. Труппа. 17. Реглан. 19. «Воскресение». 20. Фельетонист. 23. Вистра. 25. Шарнир. 27. Клише. 31. Васкунчак. 32. «Наливайко». 33. Монотип. 34. Циркуль.

По вертикали:

1. Карачи. 2. «Вогатыри». 3. Пирит. 4. Песец. 5. Барограф. 6. Морена. 9. «Федра». 10 Ампир. 13. Комментарий. 16. Процент. 18. Глиссер. 21. Директор. 22. Фисташка. 24. Актау. 25. Шемая. 26. Глагол. 28. Пикули. 29. Индия. 30. Витим.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00515. Подписано к печати 30/XII 1963 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 990 000. Изд. № 3. Заказ 3155

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663